

Мария Герус

Слепая бабочка

Никея-фэнтези

Мария Герус
Слепая бабочка

«Никея»

2023

УДК 82-34
ББК 84

Герус М. В.

Слепая бабочка / М. В. Герус — «Никея», 2023 — (Никея-фэнтези)

ISBN 978-5-907661-60-8

«Слепая бабочка» – загадочная история в жанре фэнтези. Это третья, завершающая цикл книга о крыльях, которую можно читать как отдельное произведение. Как сложилась судьба уже знакомых героев, что общего у наследного принца, юного школяра и канатной плясуньи, какой вкус у дороги, и правду ли говорят, что зорко одно лишь сердце? Самые стойкие читатели, которые дочитают книгу до конца, узнают простой и доступный каждому способ спасения мира. Ведь захватывающий сюжет и яркие эмоции не заслоняют важные смыслы и истины, которые ценны в реальной жизни и в иных таинственных мирах.

УДК 82-34
ББК 84

ISBN 978-5-907661-60-8

© Герус М. В., 2023
© Никея, 2023

Содержание

Пролог	6
Часть 1	9
Глава 1	9
Глава 2	25
Глава 3	29
Глава 4	34
Глава 5	41
Глава 6	49
Глава 7	55
Глава 8	61
Глава 9	65
Глава 10	67
Глава 11	74
Глава 12	81
Глава 13	89
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Мария Валентиновна Герус

Слепая бабочка

© Герус М.В., 2023

© ООО ТД «Никея», 2023

Пролог

Ястреб медленно кружил над высоким шпилем монастырской колокольни, высматривал глупых голубей. Город трёх холмов, великая королевская столица, могучий Остерберг плавно поворачивался вокруг шпиля. Горбатилось троехолмие, покрытое коркой черепичных крыш. В былые времена холмы соединялись мостами: широкими, как улицы, с домами и лавками; узкими, висящими на цепях; короткими горбатыми, сложенными из необработанных валунов. Строили их через городские овраги с быстрыми ручьями на дне кто хотел и как хотел. Оттого и соединяли они склоны трёх холмов на разной высоте, иногда крест-накрест или прямо друг над другом. Вершину каждого холма венчала крепость-корона: королевский дворец, монастырь Святого Стефана, замок вечно мятежных Ставров.

Но то было до войны. Теперь же на месте снесённого замка виднелась куча битого камня, из которого торчали бурые стебли бурьяна. Над бурьяном гордо развевался королевский штандарт, ибо в уцелевших подвалах размещалась городская тюрьма.

Вместо висячих мостов болтались обрывки ржавых цепей. Мост Шести Огней взорвали со всеми его домами, лавками и шестью знаменитыми на весь свет масляными светильниками.

Досталось и городской стене. Столицу брали приступом столько раз, что даже немногочисленные уцелевшие старожилы сбились со счёта. Кто говорил десять, а кто – двенадцать. Внутри стен добрые горожане тоже не сидели сложа руки: улица шла на улицу, один высокий род на другой. Иногда, объединившись, всем скопом штурмовали королевский дворец, занятый очередной временно победившей шайкой заговорщиков (она же отряд благородных освободителей).

Однако нынче всё успокоилось. Как это случилось, никто объяснить не мог. Соперники, яростно рвавшиеся к власти, то ли перебили друг друга, то ли скончались без посторонней помощи во время мора, освободив разрушенный дворец и еле живую столицу для нового короля.

Король явился по западной дороге с небольшим войском. Был он родом из Остзее, но по крови здешний, из старой династии. Поговаривали, что его отыскал и с корнем вырвал из родного скромного поместья остзейский император Чарлониус, желавший подмять под себя пусть разорённую, но весьма богатую рудами и лесом страну. Но сопротивляться никто не стал. Сил не было, да и вождей подходящих не нашлось. Всё же по крови настоящий Остравский. Может, порядок наведёт. И верно, для начала худо-бедно привели в порядок дворец, заделали дыры в городской стене, поставили у ворот стражу и стали жить дальше.

Ястреб качнул крыльями, заходя на следующий круг. Голуби не показывались.

Осенняя морось висела на городских трубах, цеплялась за стены и башни, скрывала лесистые холмы, за которыми, сливаясь из двух притоков, начиналась великая Либава, сыпалась на ведущие к городу дороги. Дорог было три.

По северной споро катился крытый возок, запряжённый шестернёй цугом. Возок сопровождали трое конных, заляпанные грязью по самые брови.

По западной, по ступицу увязая в той же грязи, тащилась повозка с парусиновым верхом, увлекаемая вперёд конём добрым, но уже в летах, степенным и многое повидавшим. Парусину украшали рисунки и надписи, от времени, солнца и непогоды давно превратившиеся в ряд выцветших пятен. На козлах, уныло сгорбившись, сидел здоровенный дядя, закутанный в почерневший от дождя суконный плащ. Сзади из-под парусины печально высывалась лохматая собачья морда.

По южной дороге, вдоль мутной от осенних дождей Либавы нервно подпрыгивала на новомодных рессорах изящная карета с настоящими стеклянными окнами. Лошади, правда,

были плоховаты, из тех, что дают проезжающим на почтовых станциях. В правом окне сквозь брызги грязи виднелась тоскливо приплюснутая к стеклу детская физиономия.

Карета достигла города первой. Скрипя рессорами, она прохлюпала по шатким плотам – понтонам, заменившим разрушенный Либавский мост. Из поднятого окошка высунулась рука в щегольской перчатке, предъявляя охране южных ворот свиток с королевской печатью. Свиток особого впечатления не произвёл. Пришлось добавить к нему горсть медных монет. Только тогда южные ворота благополучно отворились. Нежный экипаж, содрогаясь от отвращения, когда изящные колеса соприкасались с разбитой столичной мостовой, принялся кружить по улицам, карабкаясь на монастырский холм.

Добравшись до ворот монастыря, которые доказали свою прочность, выдержав несчётное количество осад, каретка вздрогнула в последний раз и остановилась. Возница, под плащом которого обнаружили сбившийся набок пудренный парик и запачканная ливрея, соскочил с козел и распахнул дверцу. Экипаж покинул холёный господин лет скорее пожилых, чем средних, и помог выбраться высокой даме весьма красивой наружности. Дама ёжилась, подбирала пышную юбку, куталась в помятый шерстяной плащ, брезгливо переступала по грязным плитам мостовой тонкими красными каблучками.

– Эже-ен! – с капризной нежностью протянула она. – Поторопись. Не держи нас на холоде.

Из кареты нехотя вылез мальчик, ещё не подросток, но уже не ребёнок. Дорожный плащ был ему короток, детский костюмчик чёрного бархата явно мал. Запястья торчали из рукавов, штаны не скрывали костлявых коленок, обтянутых простыми нитяными чулками.

Мальчик поднял взлохмаченную белую голову, поглядел на ворота, на стену красного кирпича, на ястреба, кружившего над высоким шпилем.

– Ну вот, мой юный друг, – сказал солидный господин бодрым сдобным голосом, – это и есть приют юношества, знаменитая Монастырская Академия. Чудом уцелела во время войны и не поступилась ни единым из своих принципов. Учиться здесь – большая честь. К счастью, моё положение позволило мне получить особое королевское разрешение. Ну как, нравится?

Мальчик угрюмо сдвинул брови, стиснул кулаки.

– Нет. Я хочу домой.

– О, мой дорогой! – всколыхнулась дама. – Августус, может быть, мальчику сначала нужно отдохнуть.

– Не думаю, – отрезал Августус, – ведь он же мужчина, не правда ли? Дисциплина и немного лишений – как раз то, что нужно юноше в его возрасте.

Затем достигла городских ворот насквозь мокрая повозка. Могучий возница, униженно кланяясь, безропотно уплатил положенную въездную пошлину и ещё небольшую мзду начальнику караула лично. Потом повозка долго пробиралась вдоль городской стены, пока не выползла на простор Соломенной площади, что у подножья Замкового холма. Площадь эту отродясь не мостили, так что зимой тут привольно лежала отчаянная грязь, а летом истолчённая сотнями ног пыль. Считалось, что крестьянским возам, прибывшим на городскую ярмарку, мостовая не требуется.

Возница пристроил повозку на задах торговых рядов, не спеша оглядел ярко намалёванные вывески двух-трёх трактиров, где принимали на ночлег подзадержавшихся в городе по торговым делам постояльцев, и скорым шагом направился к «Короне и раку», заведению, при-

тулившемуся не на площади, а за углом, в узкой замусоренной щели под городской стеной. Роскошной вывески у заведения не имелось, зато на постой пускали всех без разбора.

Сзади из повозки выпрыгнул здоровенный чёрный пёс, потянулся, разминаясь, задрал ногу на колесо. Спереди парусина откинулась. Наружу выполз растрёпанный пучок тряпок, который, казалось, держался вместе только потому, что крест-накрест был перевязан толстым крестьянским платком. Снизу из пучка торчали дамские ботинки того самого изящного фасона, который был в моде во фряжских землях лет двадцать назад.

Конь фыркнул, намекая, что пора бы заняться делом. Хозяйка шикарных башмаков потрепала его по шее и сноровисто принялась распрягать.

– Найдётся комната, – осторожно сознался хозяин «Короны и рака», – и лошадку вашу пристроим. За отдельную плату. Там, стало быть, дочка ваша. А сами вы кто будете?

– Мы есть шпильман, – ответствовал приезжий, качнув квадратными плечами, – как это по-вашему... о... скоморохи.

– А, лихие люди, что ли? Да мне всё едино. Только платите вовремя.

– Не лихие! Нон! – возмутился приезжий. – Шпильман! Жонглёры! Поём и пляшем, дьелаем разный трюк. Пока дождик, зима-осень, можем работать у тебя. Твоим гостям понравится. А когда тепло – весна, будем дьелать главный трюк, на площадь. Такой трюк никто не делать, только мы.

Крытый возок оказался у северных ворот позже всех, хотя мчался, будто на пожар. Уж очень северная дорога крута и извилиста. Зато ворота распахнулись мгновенно. Через минуту колёса и копыта загрохотали по битым-перебитым мостовым Дворцового холма, на скорую руку очищенным от обломков и упавших деревьев. Возница спешил, то и дело нахлёстывал лошадей, которым всё время приходилось двигаться в гору, так что к северному входу дворца они подлетели в мыле. Дверца возка распахнулась, но никто не вышел. Проклиная всё на свете, возились внутри. Затем наружу высунулись грязные высокие сапоги и обтянутый хорошим сукном крепкий солдатский зад. Бранясь вполголоса, солдаты вытащили из кареты длинный рогожный свёрток.

– Разбойника поймали? – зевнув, осведомился старший охранник.

– Не твоего ума дело! – отрезал ловко спрыгнувший с коня господин в шитом на заказ, но очень грязном мундирном камзоле.

– В подземелье? – подали голос замученные подчинённые. Господин задумался. После всего, что пришлось претерпеть в дороге, подземелье казалось ему весьма привлекательным. Но нет, нет. Это всё-таки не годится.

– В Приказ, – велел он и застучал каблуками вверх по лестнице.

Следом поволокли неудобный свёрток.

Ястреб кружил над шпилем, а к городу уже медленно подкатывались тяжёлые зимние тучи.

И пришла зима, и прошла зима.

Часть 1

История Арлетты, канатной плясуньи, прибывшей в столицу в размалёванной повозке

*Над чёрной слякотью дороги
Не поднимается туман.
Везут раскрашенные дроги
Мой полинялый балаган.*

А. Блок

Глава 1

День был на исходе. Пыльный жаркий день из тех, что случаются в самом конце весны. Наверху, в запущенных садах городского троехолмия доцветала сирень, облетали яблони, роняли на траву белые лепестки. Но здесь, на Соломенной площади, трава водилась только в виде прошлогоднего сена.

Гул торгова медленно утихал. Лица коснулась прохлада. Тень башни уже легла на площадь, но камни стены, прислонившись к которой сидела Арлетта, ещё дышали жаром. Жаром несло от пыльного бока Фиделио, который толкался, норовя тоже заползти в тень. Слышно было, как он часто дышит, вывалив наружу широкий язык.

Арлетта устала. Руки и ноги набухли тупой болью, как мостовые брёвна речной водой, и казались такими же тяжёлыми и неуклюжими. Тряпичные браслеты с медными бубенчиками давили, как кандалы. Фиделио тоже делал вид, что устал, хотя ему никакой особой работы не поручали. Только таскать шапку, в которую восхищённые зрители бросали монетки.

– Allez, Арлетт!

– Я устала, – сказала Арлетта.

Фиделио согласно тявкнул.

Тень над головой стала гуще и шире. Солнце закрыли широкие плечи Бенедикта.

– Все устать, – согласился он, – но завтра есть воскресенье. Ничего не заработать.

Арлетта тяжело вздохнула.

– Последний раз, – настаивал Бенедикт, – без dance. Только проход и прыжок. Ещё несколько гульден для нашего треже.

– Хорошо, – покорилась Арлетта, но не двинулась с места.

Ещё несколько минут отдыха, пока Бенедикт дудит в рожок, собирает народ. Играть по-настоящему он так и не научился. Но звук получался громкий, легко перекрывал гомон торго.

Рожок умолк. Арлетта встала, стряхнула с короткой юбчонки песок пополам с соломой, поправила слегка растянутое на коленях пёстрое лоскутное трико. Трико было велико и потому скручено на поясе в жгут, который отчаянно натирал тело.

Свистнул, рассекая воздух, длинный кинжал. Звякнув, зажужжал, завертелся на его острие медный шар. Раньше Бенедикт проделывал это, держа рукоять ножа в зубах. Теперь обходился руками, но публике всё равно нравилось.

Пора. Арлетта выпрямилась и стала считать.

Раз-два-три-четыре – пять шагов для разбега. Звенят бубенчики на ножных браслетах. Шесть-семь-восемь – три простых сальто и руки на плечах Бенедикта. Пахнет потом, ходят тугие мускулы, жужжит-крутится шар на острие ножа. Девять-десять – левая нога упирается в пояс Бенедикта, правое колено на его плече. Встать. Выпрямиться. Комплимент с поклоном, воздушные поцелуи публике.

– Allez, Арлетт.

Гладкий шарик литого стекла точно лёг в подставленную ладонь. Несмотря на усталость, Арлетта поймала все три шарика, подбросила, закрутила в воздухе привычную карусель. Раз-два-три-четыре. Звенят-звенят бубенчики на руках. Она слышала, как Бенедикт тоже тихонько считает. Он бросал ножи. Раньше они с Катериной жонглировали факелами. Публике нравилось. Но Арлетта так не могла. Даже на ножи не решалась, хотя Бенедикт всё уговаривал попробовать.

– Ап! – крикнул Бенедикт, поймал свои ножи и её шарики.

Зрители хлопали, но умеренно. Все ждали главного.

– Allez, Арлетт!

Прыжок назад, обратное двойное сальто. Усталые ноги спружинили плохо. Пятки крепко врезались в землю. Но жалеть себя было некогда. Раз-два-три... тридцать пять шагов вперёд. Руки на ступеньке верёвочной лестницы. Раз-два-три-четыре... пятьдесят ступенек наверх. Лезть быстро, чтобы публика не успела соскучиться. Не забывать оборачиваться, изящно откидываться назад, посылать воздушные поцелуи. Верхняя площадка. Каменный зубец башни. У основания зубца сложен плащ. Надеть плащ, прикрепить растяжки к браслетам. Поклон. Комплимент публике. В ответ одобрительный шум. Все ждут, когда она свалится. Бенедикт говорит, они всегда этого ждут. Не дождётесь.

Раз-два-три... Канат за день просел, потерял упругость. Но зато сухой. Тридцать восемь, тридцать девять, сорок. Сорок шагов. На каждом пятом плавный взмах руками и плащом, вроде бы для равновесия. Ловить равновесие Арлетте не требовалось, но публике это нравится.

Всё. Поворот. Поклон. Комплимент. Сорок шагов назад. Не спешить. Дать время Бенедикту взобраться наверх. Площадка. Пальцы Бенедикта повязывают на глаза шёлковый платок.

Тишина. Кажется, весь торг замер. Бенедикт начинает бить в барабан. Поворот. Сорок шагов вперёд. Не торопиться. Медленно. Звенят, звенят бубенчики на браслетах. На двадцатом шаге не забыть пошатнуться, сделать вид, что падаешь. Доставим публике удовольствие. Внизу ахают. Нет. Не дождётесь. Тридцать девять. Сорок. Сорвать платок, бросить вниз. Вот теперь аплодируют как надо.

Танца не будет. Значит, последнее. Раз-два-три... двадцать шагов разбег. Бубенцы гремят, как безумные. Совсем канат ослабел. На середине качает всего сильнее. Но это уже не важно. Прыжок! Удар воздуха в натянутый за спиной плащ. Раскрылись, затрепетали прекрасные крылья бабочки.

Раз-два-три-четыре – падение – трещат шёлковые крылья, браслеты врезаются в запястья и щиколотки – пять – руки встречаются с руками Бенедикта, повисшего вниз головой на средней ступеньке лестницы. Публика хлопает, свистит и орёт. Всё!

Арлетта зацепилась ногами за лестницу, отпустив Бенедикта, тоже повисла вниз головой, вздохнула с облегчением и перестала считать. Дальнейшее её не касается. Нужно только мило улыбаться и время от времени посылать воздушные поцелуи. Публика это любит.

Ах, извините, добрые господа. И на этот раз не упала. Ну, ничего, может, в следующий раз вам повезёт.

Фиделио ходил со шляпой, Бенедикт орал на всех языках, прося не скупиться. Арлетта слезла пониже. Изящно скрестив ноги, присела на неудобную верёвочную ступеньку. Отстегнула растяжки. Хитрый плащ в виде крыльев бабочки давным-давно сделал для мамы Катерины Великолепный Макс, настоящий шпильман старой школы. Теперь такого никто не делает. Вначале плащ был велик, но Бенедикт как-то смог, подогнал шнуры растяжек по размеру и потихоньку удлинял их, пока Арлетта росла. Сейчас запас у растяжек почти кончился.

У правого колена запыхтели, пахнуло старой кожей и пивом. Подошёл знакомый стражник, остановился, дожидаясь, когда Бенедикт принесёт положенную мзду – плату за право привязывать канат к городской стене.

– Сколько раз гляжу – столько раз удивляюсь, – крикнул он, – как ты не боишься-то?

– Чего тут бояться? – не очень вежливо отозвалась Арлетта. Со стражником следовало быть любезной, но сил уже не осталось. Очень хотелось пить или хотя бы тихо полежать в тени.

– Не, ну всё ж таки, – не унимался стражник, – глаза-то завязаны.

– Так ведь мне всё равно, что завязаны, что развязаны.

Дура. Язык без костей. Ляпнула – теперь расхлёбывай.

– Чё?! Да ты... ты что же...

– А я чё, я ничего, – досадуя на собственную глупость, сказала Арлетта. Щеки коснулось слабое дуновение. Должно быть, стражник махал рукой перед глазами, проверяя, отшатнётся слепая плясунья или нет.

– Бенедикт, мы идём?

Рядом резко запахло Бенедиктовым потом.

– Она у тебя чё, – накинусь на него стражник, – совсем не видит, что ли? Не может быть! Чтобы так по верёвке скакать – двух глаз мало, четыре в самый раз, два спереди и два на затылке. Ты чё, правда, слепая?

– Не ори, – сказал Бенедикт, – узнают – подавать меньше станут. А тебе ведь это невыгодно.

Звякнула, переходя из рук в руки, положенная мзда.

– Пойдём домой, Бенедикт, – взмолилась Арлетта, – сил никаких нет.

Миновать заполненную толпой площадь в одиночку она не могла.

В воскресенье Арлетта по привычке проснулась рано. Да и как тут поспишь, когда гремят-надрываются монастырские колокола, зовут прихожан к ранней обедне. Канатная плясунья к обедне, ясное дело, не пошла. Наоборот, с удовольствием вытянулась на упругом полотне. Спала она, спасаясь от духоты, на крыше повозки под рогожкой и старым вытертым одеялом. Хорошо! Руки-ноги ещё ныли после вчерашнего, но сегодня воскресенье. Работать не полагается. Можно валяться сколько угодно. Летом она часто спала на крыше. Здешнюю зиму, непривычно лютую, пережили-перетерпели в «Короне и раке», в конурке над кухней, тесной, полной сенных блох, но тёплой. Куда лучше, чем в прошлом году, в Остзее, когда пришлось зимовать в старом амбаре на берегу Зее-Колд. Снег в Остзее бывает нечасто, но зато дождь почти каждый день. Бенедикт кашлял, у Арлетты болела спина, руки покраснели, покрылись цыпками. Работать приходилось в ближайших городках и деревеньках. Почти каждый день таскаться пешком по грязи три-четыре версты. Дороги так раскисли, что повозку не вытянул бы и призовой першерон, не только престарелый Фердинанд.

Зато этой зимой работали под крышей. В общем зале «Короны и рака» было тесно и душно. Потолок низкий, с першем работать нельзя. Ну, выкручивались как-то. Жонглировали, Арлетта показывала дитя-змею, Бенедикт метал ножи и топорик. Как правило, в Арлетту. Номер назывался «Дева и разбойник». Эту работу Арлетта любила. Просто стоять и ничего не делать под восторженные ахи и охи – сплошное удовольствие.

– Пугайся хоть мало, – ворчал Бенедикт, – публикум вся ожидать, что я промахнусь.

– Ты не можешь промахнуться! – веселилась Арлетта.

– Конечно, – соглашался Бенедикт. – Апсольман! Но публикум об этом знать не обязательно.

Захаживали и в соседние заведения. Туда пускали неохотно. Могли и прогнать. Но ничего, на хлеб зарабатывали. Так прошла зима. Весной Бенедикт, чтобы сэкономить, решил перебраться в повозку. Арлетта обрадовалась. На крыше мягко, просторно, блохи не донимают. Фиделио, всегда готовый поделиться своими блохами, влезать наверх всё-таки не умел. Он спал под телегой в компании Бенедикта. Даже на крышу доносился их общий могучий храп. Вчера Бенедикт вернулся очень поздно. Арлетта устала ждать, заснула и ни за что не проснулась бы, если бы не колокола.

Лежать неподвижно, не крутить финты, не считать было счастьем. Канатная плясунья нежилась до тех пор, пока солнце не поднялось над городской стеной. Сначала по крыше разлилось приятное тепло, потом стало жарко. Тогда она, завернувшись в одеяло, вяло сползла прямо на козлы по нарочно протянутой Бенедиктом верёвке и нырнула в повозку одеваться. Нарядов у неё было три: трико и короткая юбка для работы, старые, латанные-перелатанные юбка и кофта для дороги и, наконец, настоящее платье для города. Новое, почти неношеное, цвету, как сказал Бенедикт, немаркого, фасона скромного. С длинными узкими рукавами, с рядом пуговиц до самого подбородка. Летом в нем было жарко, зимой холодно, но зато все приличия были соблюдены.

Одевшись, Арлетта повязала передник и принялась, как порядочная горожанка, заниматься хозяйством. Во-первых, оказалось, что нужно идти за водой. В бочонке было пусто. Что ж, за водой, так за водой. Стать спиной к повозке и тридцать шагов до городской стены. Сто двадцать шагов вдоль стены направо до трактирной коновязи. У коновязи колодец. Вода невкусная, мёртвая, но в городе всегда так. Назад с хлюпающим кожаным ведром возвращаться

труднее. Шаги получаются короче. Но тут помог проснувшийся Фиделио. Шёл рядом, пихал толстым боком в нужную сторону.

За водой пришлось ходить два раза. Уж очень хотелось смыть с себя вчерашнюю пыль. Арлетта нащупала на обычном месте медный таз, попискивая от холода, вымыла и лицо, и плечи, и голову. Открыла сундук и расчесала волосы, сидя перед зеркальцем, закреплённым внутри сундучной крышки. От зеркала ей не было никакой пользы, но так всегда делала мама Катерина.

Настало время подумать о еде. Вчера до того устала, что до сих пор есть не хочется. Но скоро проснётся Бенедикт. Уж он-то наверняка голодный.

В повозке всякая вещь годами жила на одном месте, том самом, куда её клала мама Катерина, так что с готовкой и уборкой Арлетта управлялась легко. Топориком из номера «Дева и разбойник» наколола щепок для жаровни. В ящичке для провизии нашлись кусок мягкого овечьего сыру, три яйца, бобы. Не было только хлеба. Но это не беда. Хлебом дозволялось торговать и в воскресенье. Пекарня была в начале Монастырской улицы. Надо перейти всю площадь. Арлетта, вздыхая, снова натянула тесные башмаки, проверила, все ли пуговицы застёгнуты, пригладила ладонью причёску, чтоб ни один волос не выбивался из-под скромного платка, и свистнула Фиделио. Пёс нехотя вылез из-под телеги.

– Хлеб, – сказала канатная плясунья.

Фиделио взбодрился, подошёл, толкнул под коленку, позволил ухватиться за лохматое ухо. Таким порядком двинулись через площадь, но далеко не ушли.

– О, да это сама госпожа Арлетта.

– Доброе утро, ваше величество, – милым голосом пропела Арлетта и сделала маленький книксен.

Фиделио зарычал, но слегка. Мол, узнать узнал, но особо не доверяю. Королю вообще мало кто доверял. Было его величеству семнадцать лет, и под его тяжёлой королевской дланью ходили все малолетние воришки Соломенного торго. Под кем ходит сам Король, Арлетта не интересовалась. Мало ли в городе ночных братьев. Меньше знаешь – дольше живёшь. Смотрящему Соломенного торго Бенедикт платит исправно, и будет с нас.

Канатную плясунью Король не то чтоб уважал, но и за сявку тоже не держал. Не всякий способен порхать, как бабочка, на высоте городских башен. Храбрость он ценил. По правде говоря, все королевские подданные были её горячими поклонниками. Работать по карманам, пока Арлетта работает наверху, было сплошным удовольствием. Недаром говорят: шпильман вору первый друг.

Сама Арлетта Короля побаивалась, но старательно это скрывала.

Ничего-ничего. Пусть только попробует руки протянуть. Уж она ему спляшет. Мало не покажется.

– Куда направляетесь, госпожа Арлетта?

– За хлебом, ваше величество.

– Решка, проводи.

– Почему он? Я тоже хочу! – раздались мятежные голоса. Судя по звукам, бунт был быстро подавлен двумя-тремя оплеухами.

Решка, как истинный кавалер, скрутил руку кренделем, но росту он был пока небольшого, и Арлетта предпочла опереться на его плечо. Очень довольный, Решка довёл её до углового дома, насквозь пропахшего свежим хлебом, со всей возможной куртуазностью открыл дверь. Однако в лавку не вошёл. Вид у него был неподходящий. Арлетта скромно проникла в открывшуюся щель и снова сделала книксен, на этот раз глубокий, старательно склонила голову. Шпильманам в приличном доме не место. Сама не вспомнишь, так напомним. Хозяйка булочной умела это делать мастерски. Её дочь – тоже. От замечаний про падших женщин, недостойных появляться в приличном обществе, не спасало ни скромное закрытое платье, ни

причёска, зализанная, как у деревянной куклы. К счастью, в этот раз на звон колокольчика вышел сам хозяин и без лишних разговоров продал мягкий, ещё тёплый каравай и четыре пухлых булочки с маком. Деньги из протянутого Арлеттой кошелька отсчитал сам, не побрезговал, и ни на грошик не обманул. Добрый человек. Ещё и сухарик сахарный сверх прочего сунул. Арлетта тут же подумала, что сюда за хлебом больше не пойдёт. Знаем мы таких добрых. Попадёшь такому в лапы, а потом сама виновата окажешься. Потому быстренько сделала ещё один книксен и смылась от греха подальше.

Выйдя на улицу, канатная плясунья одну булочку сразу вручила Решке, другую деликатно надкусила сама, третью выхватил пёс. Внезапно есть захотелось ужасно, наверное, от хлебного запаха. Так бы и сжевала всё, как Фиделио, постанывая и чавкая от удовольствия. Но нельзя. На людях надо соблюдать манеры.

Фиделио, сожравший подачку раньше всех, упёрся передними лапищами в грудь Арлетте, надеясь получить ещё. Четвертая булка вот она, в руках у хозяйки и явно ничья.

– Перестань! – отпихнула его Арлетта. – Слышь, Решка, пойдём к Фердинанду.

– Пошли, – обрадовался Решка. Был он недавно из деревни и лошадей любил.

Фердинанд обитал в трактирной конюшне. Бенедикт всё ещё спал, так что пришлось самой и напоить, и накормить, и почистить. Арлетта старательно, с удовольствием водила щёткой по гладкой шкуре, коротко, по-свейски подстриженным хвосту и гриве. На ощупь выбирала, выискивала соломинки, колтуны, комочки грязи. За водой сбегал Решка. Навоз за два грошика обещался убрать здешний конюх. Может, и уберёт, тем более что грошик опытная Арлетта пока отдала один, а второй только посулила.

Фердинанд сдержанно обрадовался, булку не слопал, как Фиделио, а скушал аккуратно, по кусочку, нежно касаясь тёплыми губами хозяйкиной ладони. Намекнул, что хорошо бы прогуляться. Кататься на осторожном Фердинанде по улицам Монастырского холма Арлетта любила. Но нет. Сегодня только отдых.

Тем же порядком пошли домой. Решка остался, рассчитывая на порцию бобов с сыром, помог вытащить и разжечь жаровню. Перекусив и накормив Решку, Арлетта чинно уселась на козлах. Сидела, слушала город. Он урчал и стучал где-то наверху, нависал над повозкой шпильманов вонючей, шевелящейся кучей отбросов. Внутри этой кучи кишмя кишела «почтеннейшая публика». Здешняя публика была ещё сносной. По крайней мере, камнями в них с Бенедиктом ещё не швыряли.

Фляк Арлетта научилась крутить лет в пять. А то, что люди делятся на шпильманов и «добрую» публику, узнала гораздо раньше. Где ж это случилось? Должно быть, в свейских землях. Было холодно и больно. Так холодно, что воздух казался жёстким и вязким. Она не понимала, почему нельзя войти в тёплый дом и, наконец, согреться. Плакала, и слёзы замерзали на лице тонкой коркой. Она спрашивала, отчего их никуда не пускают. Мама Катерина прижимала её к себе, пытаясь согреть, но ничего не объясняла. Всё объяснил Бенедикт. Потом. Подробно и не один раз. В той свейской деревне их, презренных лицедеёв, не пустили ни на постоянный двор, ни в один из добротных построенных домов на высоких подклетьях. Как они тогда спаслись, Арлетта не помнила. Смутно помнился холодный лунный свет. Бенедикт нёс её, и ей было хорошо, потому что руки и ноги уже ничего не чувствовали. Бр-р-р. Аж дрожь пробирает, несмотря на жару.

Отзвонили отпуст. Уже кончилась поздняя обедня, а Бенедикт всё храпел. Сзади завозился Решка, будто ненароком пристроившийся поближе. Мамка у него померла недавно. С собой бы его забрать. Но Бенедикт не позволит. Да и Король не отпустит.

– О чём задумались, госпожа Арлетта?

Снова Король со своей свитой. Лёгок на помине. Сегодня тоже слоняются без дела. Нет торгова – нет работы. Свита, судя по шороху, расселась прямо на земле. Король прислонился к повозке. Его величество явно скучало и жаждало развлечений. На колени легла жёсткая коро-

левская длань. Арлетта сейчас же врезала ребром ладони по жилистому запястью обнаглевшего величества. Попала точно.

– Дура, – возмутился Король, – я ж работать не смогу.

Но руку убрал. Арлетту он, может, и не боялся, но брата смотрящего Соломенного торго, которому Бенедикт платил аккуратней, чем городским властям, боялся наверняка.

– Я шпильман, а не девка, – бесстрастно напомнила Арлетта.

– Зря ломаешься. Кому ты нужна, слепая-то. А я бы тебя приодел. Чепчик с розаном, башмачки по моде...

– Отвали.

– Ладно, ладно. Я ж по-хорошему.

– Так и я не в обиде.

Король хмыкнул, но не ушёл. Видать, скука воскресного дня совсем замучила.

– Слышь, Арлетта. Ты во фряжских землях бывала?

– Да.

– А в свейских?

– Бывала.

– Ну и как там?

– Да везде одинаково. В свейских землях холодно и подают плохо. Скучная публика. Во фряжских шпильманов много, потому доход маленький, а публика капризная. Чуть что, гнилыми яблоками швыряются. В Остзее стражники злые...

– Стража на площади! – из-за плеча пискнул Решка.

– Да чё... – озадаченно затянул кто-то. – Мы ж ничё такого.

Но Король был умнее.

– Зелёные ноги! – рявкнул он. В переводе с языка ночных братьев на человеческий это означало: «Спасайся кто может!»

Повозку качнуло, кругом слышался железный лязг и вопли, Фиделио надрывался от лая. Арлетта пихнула Решку внутрь повозки и сама собиралась нырнуть следом, но тут её грубо схватили под локти и сдёрнули с козел. Отчаянно заверещал Решка. Фиделио захлебнулся воем, кто-то выругался, нехорошими словами поминая проклятого пса.

– Бенедикт! – закричала Арлетта. Её тащили так быстро, что старые тесные башмаки едва касались земли.

Канатная плясунья не вырывалась. Хотя могла бы. Ох, могла бы. Но точно знала, стражников злить нельзя. Спорить и что-то доказывать бесполезно. Рано или поздно появится какое-нибудь начальство. Вот с ним-то и нужно разговаривать. Так всегда поступал Бенедикт. Разрешение от города у них есть, налоги уплачены, взятки розданы. Может, ещё всё обойдётся. Арлетта подумала, не упасть ли в обморок. С бессознательных спросу меньше. Но пожалела хорошее платье.

Без всяких церемоний её втолкнули куда-то, вперёд и вверх. Она едва не упала, но удержалась, схватившись за частую деревянную решётку. Рядом орали и скверно ругались.

– Арлетта, а тебя-то за что? – над самым ухом пропищал Решка.

– Не знаю. Что это было?

– Облава, нор их изнырай! Попались, как кур в ощи́п.

Решётка дёрнулась, пол под ногами поехал. Арлетта сейчас же села. Грязно здесь небось. Юбка замарается. Платье страсть как жалко.

– Король, ты тут? – спросила она.

– Король смылся, – весело поведал Решка, – у него же выкидуха всегда с собой. Они нас сетями, а он сеть порезал и слинял. Все наши, у кого ножи были или монеты заточенные, все смылись.

Подумал и добавил печально:

– А нас, наверно, повесят.
– Малолеток не вешают. Пороть будут до посинения.
– Ерунда, – возразили ему, – ничего нам не будет. Если бы на кармане взяли или со сламом в руках – тогда да. Но мы же пустые все. Воскресенье же.
– Даже если опознает кто – отпираться, Решка, до последнего. Не пойман – не вор.
– Может, Король чё-нить придумает, – предположил кто-то.
– Понятно, – сказала Арлетта. Значит, охотились за шайкой Короля. А она просто так угодила, под горячую руку. Ничего Король, конечно, не придумает. Так далеко его власть не простирается.

– Куда нас везут?

– В Кумпол, ясное дело.

– Куда-куда?

– В тюрьму, – растолковали опытные пацаны.

Телегу тряхнуло. Она вздрогнула, дёрнулась ещё раз и замерла.

Выбраться Арлетте помог Решка. Она так и пошла дальше, незаметно опираясь на его плечо. Стражники теснили их куда-то, без злобы, равнодушно, как стадо овец. Пришлось одолеть пять широких ступеней. На первой Арлетта споткнулась, потом приладилась. Иногда выгодно, если люди знают, что ты слепая. Иногда, напротив, опасно. А что сейчас? Пока непонятно.

– Во, привезли! Куды их? – весело гаркнул кто-то.

– Да кто ж его знает? – отозвался унылый голос. Такие голоса почему-то бывают у всех караульных в остроге или тюремщиков. Скучно им. Служба такая, скучная.

– Погодите, – вдруг оживился караульный, избавленный от непосильного бремени принимать решение, – вовремя вы. Шас всё узнаем.

Зашлёпали тяжёлые шаги, гулко отдаваясь в каком-то большом пространстве, должно быть, тюремном дворе. Загомонили отдалённые голоса, некоторые из них почему-то тонкие, женские.

– Решка, – шепнула Арлетта, – может, сбежим? Ты только скажи, где стражники стоят.

– Не, – буркнул расстроенный Решка, – всё равно поймают. Солдат много. Тут не только стража. Полный двор королевских гвардейцев.

Голоса приближались. К грохоту сапог добавился стук каблучков, шелест множества юбок. Донёсся запах тонких, приятных духов.

Знатные дамы. Не одна, а несколько. Только сумасшедшая будет душиться разом и фиалкой, и розмарином, и ландышем.

– Вот эти дети, ваше высочество.

Высочество? То есть настоящее высочество? То есть принцесса?!

– О... Какая грязь! – фиалками повеяло сильнее, будто кто-то развернул носовой платок. – Они, наверное, все больны.

– Чесотка – не болезнь, – пискнул наглый Решка. К счастью, его не услышали.

– Передайте их брату Альберту. Надеюсь, там уже всё приготовлено.

– Разумеется, ваше высочество.

– Идёмте, ваше высочество. Здесь дурно пахнет.

«Сейчас уйдёт», – испугалась Арлетта. Король тут не поможет, Бенедикта нет, надо спастись самой.

Отпустив Решку и ловко выскользнув из общей толпы, она повернулась туда, откуда всего сильнее несло фиалками, и изобразила глубокий реверанс по всем правилам искусства.

– Ваше высочество, умоляю вас, послушайте меня. Я здесь случайно. Я не сделала ничего дурного.

– Правда, – выкрикнул сзади верный Решка, – она не наша.

– Она ни при чём, – подтвердили и другие, проявляя немислимое благородство.

– Это ж Арлетта-Бабочка.

– Я ни в чём не виновата, ваше высочество, – со слезой в голосе пролепетала Арлетта и присела ещё ниже.

– Никто тебя ни в чём не обвиняет, милочка, – прозвенело над склонённой Арлеттиной головой серебряным колокольчиком, – не пугайся, это вовсе не тюрьма.

– Это приют для бедных сирот, открытый сегодня попечением её высочества, – добавил другой, сдобный до приторности женский голос. Королевские подданные замерли в полном недоумении.

– Точно пороть будут, – печально протянул кто-то.

Арлетта же обрадовалась.

– Ваше высочество, вы добры, как ангел, – произнесла она так сладко и задушевно, что самой сделалось тошно, – но я не сирота и давно уже не ребёнок. Мне, ваше высочество, восемнадцать, и я сама зарабатываю себе на хлеб.

Лихо соврала. Но платье у неё дамское. На фигуре болтается так, что саму фигуру не видно. Авось поверят.

– Чем зарабатываешь, милочка? – весьма ядовито осведомилась ещё одна дама.

Зашуршало, зашушукалось. Накрыло новой волной приторных запахов.

Арлетта растерялась. Сказать: «Я – шпильман» – или снова соврать что-нибудь?

Стукнуло, грохнуло, в прохладный затенённый двор ворвался горячий воздух с улицы и вопль: «Молю, пустите... О, майн доттер! Мы честный гражданин! Мы ничего не делать».

Бенедикт! Ну, наконец-то!

– Простите, ваше высочество, – дрожащим голосом, старательно изображая крайний испуг, пролепетала Арлетта, – это мой отец. Он очень привязан ко мне и забыл о правилах приличия.

– Пропустите его, – милостиво произнесла принцесса.

Допущенный к высоким особам Бенедикт тут же бухнулся на колени. Видал он этих высоких особ во всех видах, и вблизи, и издали. В глубине души полагал, что лучше всего они смотрятся в фамильном склепе в дубовом гробу. Но разговаривать с ними умел. Арлетта совсем успокоилась. Воскресный день, конечно, испорчен, но, может, хоть вечер удастся провести с пользой и удовольствием.

– Мой доттер честный девушек. Она не сделать дурного.

– Её застали на Соломенной площади в компании известного вора, – подобострастно, но хмуро доложил старший из стражников, почуявший неприятности.

– Мы живём на Соломьена-плац, на торг, – залебезил Бенедикт, – где работать, там и живём. Мало ли кто там ходит туда-сюда. Мы честный шпильман.

– Шпильман? – переспросила принцесса.

– Фигляры, ваше высочество, – пояснил кто-то из сопровождающих дам, с трудом выговаривая полуприличное слово.

Другие зашептали: «Какой позор! Стыд! Скандал! Гоните их прочь. Ваше высочество, вам лучше уйти».

«Вот и славно, – подумала Арлетта, – её высочество в одну сторону, я – в другую».

– И ты позволяешь дочери заниматься этим ремеслом? – проворковала принцесса.

– Мы бедный артист, – униженно пробормотал Бенедикт, – война, разорение, жена моя помьерла... Находить свой хлепп, где можем.

– Сколько лет твоей дочери?

Арлетта не растерялась, быстро сжала, разжала за спиной пальцы обеих рук. Но Бенедикт не понял или вовсе туда не смотрел.

– Двенадцать, ваше высочество, только двенадцать. Пять лет уже без муттер.

Вообще-то он был прав. С малолетнего спросу меньше. Но не теперь, ох, не теперь.

Свои годы Арлетта никогда не могла сосчитать точно. Бенедикт долго выдавал её за семилетнего чудо-ребёнка, мальчика или девочку, смотря по обстоятельствам. И лет ей обычно было ровно столько, сколько сейчас требовалось. Рост у неё был высокий, а фигура ещё детская.

– Двенадцать, – до мурашек ласковым голосом повторила принцесса, – я вижу, лгать она обучена просто прекрасно. Думаю, ей будет лучше у нас.

– О да, – льстиво вставила какая-то дама, – пока дитя не научилось чему-то похуже. Приют, созданный попечением вашего высочества, станет просто спасением для бедной крошки.

– Что? – ахнул Бенедикт, никак не ожидавший такого афронта, а, наоборот, рассчитывавший выпросить у сердобольных дамочек какую-никакую подачку.

– Ты должен быть благодарен, – надменно заметила принцесса.

Бенедикт явно никакой благодарности не испытывал.

– Ваше высочество, – воззвал он в отчаянии, – мон инфант! Единственный дочь!

– Твою дочь будут кормить и одевать, научат пристойному ремеслу. Она станет первой в моём приюте для девочек. Господину Ивару это понравится.

– Господину Ивару? – робко переспросили сзади.

– О да, – мечтательно сказала принцесса, – он подал мне эту мысль.

– Но, ваше высочество...

– Мы даже не станем требовать с тебя денег за содержание, – милостиво проговорила принцесса. – Забрать дитя с улицы – наш долг. Уведите её.

Арлетту снова крепко ухватили за локоть.

– Бенедикт! – вскрикнула она, но никто не отозвался. Её быстро тащили куда-то. Ноги запнулись о выбоину в полу, потом споткнулись о порожек.

– Ну-ну, не упираться, – пробасили над ухом, обдав Арлетту чесночно-редечным духом такой силы, что она едва не сомлела.

– Бенедикт!

– У меня не поупирается, – рявкнул другой голос, похоже женский. Лапу в солдатской перчатке сменили крепкие толстые пальцы. Чавкнула, закрываясь, дверь. Пахнуло застоявшимся холодом и давно не чищенным отхожим местом.

Арлетта послушно пошла, хотя ног под собой не чувала. Затем чуть-чуть успокоилась, принялась считать шаги. Так, по привычке, на всякий случай.

– Ну и чё мне с тобой делать? – вопрос грянул над ухом так, что ноги опять ослабели.

– Не знаю, – вяло отозвалась Арлетта. Попыталась прислониться к стене и тут же отпрянула. Камень был холодным и липким.

– Так вот и я не знаю, – тяжело вздохнула тётка, которая, судя по одышке и глухому голосу, обладала весьма пышными телесами.

– Наверное, кормить, одевать и учить ремеслу?

Жалобней, жалобней. Со слезой. И голосок пусть дрожит. Кто её знает, эту дуру толстую. Вдруг решит, что злосчастную девицу прислали для порки.

– Ишь чего захотела, – хмыкнула тётка, – ладно, пошли, поглядим.

Арлетту снова потащили вперёд. На поясе у тётки что-то противно звякало. Коридор тянулся и тянулся. Узкий коридор. Локтем канатная плясунья то и дело больно стучалась о стенку.

– Это что, тюрьма? – не выдержала она.

– Угу, – согласилась тётка.

Арлетта приостановилась и попыталась спастись в последний раз.

– За что?! Я же ничего не сделала!

– Да кому какое дело, сделала или нет! Ты тут вообще ни при чём!

– А кто при чём?

– Королевишну нашу прекрасную, вишь, жареный петух клюнул. Вынь да положи ей приют для бедных сирот. Сирот-то у нас как блох на собаке, а вот ни денег, ни тёсу, ни камню... ничего для капризов её высочества не заготовили. Во. Отвели пока кусок тюрьмы, эти, Вшивые казармы. Наловили уличных огольцов. Нешто тебя в мужскую тюрьму к ним сунуть?

– Нет, благодарю вас, не надо, – быстро сказала Арлетта и даже маленький книксен сделала для убедительности.

– А для девок ничего не заведено. Одна ты тут такая вся из себя прекрасная.

– Опустите, – ласково предложила Арлетта, – вам хлопот меньше, а она и не вспомнит.

– А если вспомнит? – не согласилась тётка, – вспомнит и представить потребует? Нет уж, место я терять не хочу. Так что выбирай, куда тебя. Вот тут у меня бродяжки-побирушки. Тут одна, мужа своего по пьяному делу зарезала. Убийца, значит. Эта вообще какая-то тронутая. Бесится, на людей кидается, а с чего, никто не знает. Тута воровки. Хочешь к ним? Они поспокойнее будут.

– Я не воровка!

Тише, тише, хладнокровней. Не орать. Не спорить.

– Да знаю я, кто ты, – не обиделась на резкость надсмотрщица. – Видала, как на верёвке скачешь. И не совестно, в таком-то наряде. Юбка едва колени прикрывает. Всё как есть видать.

– Я же в трико. А в длинном скакать неудобно.

– Тоже верно. Внучок мой очень на тебя радовался. На тебя и на собаку вашу учёную. Вот что, сведу-ка я тебя в карцер.

– За что?!

– Да ты не бойся. Это зимой там смерть лютая. А летом в жару очень даже хорошо. Воздух лёгкий. Через пару дней небось решится, куда тебя. По мне, лучше уж поломойкой, чем так, как ты, заголяясь, по верёвке скакать. По крайности, шею не сломает.

С этими словами она впихнула Арлетту в какую-то дверь, и засов снаружи наложила, а потом ещё долго звенела ключами.

Карцер. Карцер в Кумполе. Живыми из таких мест не выходят.

– Эй, есть тут кто? – тихонько позвала Арлетта, прижавшись спиной к двери. Если убийцы и воровки просто так сидят, то кого же в карцере держат?

Никто не отозвался. Послушала ещё. Никто не возился, не шуршал, не дышал, и вообще человеком не пахло. Пахло пылью, старыми стенами и немного тополиным листом. Должно быть, тянуло с улицы. Значит, окошко есть. Арлетта потихоньку пошла вдоль стенки, считая шаги до угла. Пять шагов. Что-то царапнуло руку. Шершавое от ржавчины кольцо. Торчит из стены. Зачем оно тут торчит, лучше не думать. Шесть, семь. Ещё одно кольцо. Восемь, девять, десять... Угла всё не было. Вместо этого на десятом шаге под рукой оказались прутья решётки. Выходили прямо из пола и, должно быть, упирались в потолок. Из-за прутьев тянуло сквознячком. Наверное, это и есть окно. Арлетта пошла дальше и через десять шагов снова нащупала дверь. Комната оказалась круглой и маленькой. Никаких прикованных скелетов, костей и прочего. Холодный пол и более ничего.

Успокоившись насчёт этого, Арлетта вернулась к решётке и стала соображать. Окно. Точно окно. Воздух идёт жаркий, нагретый. Шум доносится. Не то вода бежит, не то народ гал-

дит. Далеко где-то. Куда оно выходит? Вряд ли на тюремный двор, где вечно толпится охрана. Судя по тому, как её вели, скорее всего, окно смотрит на другую сторону Ставрова холма. Но эту часть города Арлетта совсем не знала. Осторожный Фердинанд всегда катал её по приличным широким улицам. А с той стороны холма, кажется, и улиц никаких нет, одни трущобы да переулки. Высоко тут? Так. Надо подумать. У входа было пять ступенек, потом ступенька и порожек, дальше всё по-ровному, а у самого входа в карцер десять ступенек вниз. Крутых ступенек. Значит, не высоко, а глубоко. Если очень глубоко, то и не выбраться.

Арлетта просунула руку между прутьями и наткнулась на пыльную, изгибающуюся дугой кирпичную стену. Замуровано? Выходит в колодец? Тогда откуда сквозняк? Поднявшись на цыпочки, она кончиками пальцев дотянулась до места, где кладка кончалась ровным широким бортиком. Наверное, это что-то вроде полуподвала. Повезло. А что тут с решёткой? Ага. Толстые четырёхгранные прутья с шелушащейся коркой ржавчины. Толстые, но не частые. Здоровый мужик, может, и не пролезет. Но она-то не мужик. Она Арлетта-шпильман. Дитя-змея. Главное, голову просунуть.

Конечно, Бенедикт её никогда не бросит. Арлетта привыкла верить, что Бенедикт всё может, всё преодолеет и всегда её спасёт. Что бы ни случилось.

Да только вот беда. В дело вмешалась принцесса. Да что ж ей неймётся, принцессе этой. Всё у неё есть. Должно быть, и платьев больше дюжины, и башмаки по ноге целые, новые, что ни день. Так нет, приют для сироток зачем-то понадобился. Должно быть, во всём виноват этот господин Ивар. Вот, наверное, противная рожа. Как выглядят люди, Арлетта ещё помнила. Не с рождения слепая. Лучше всего, конечно, помнились Катерина и Бенедикт. Но и чужих она повидать успела. И теперь мстительно представляла себе этого Ивара в самом мерзком виде. Гнусный желтолицый старикашка с вечной каплей на носу, скрюченный от злости, хромой и горбатый.

Ненависть к противному господину очень помогала скрести стену вдоль крайнего прута решётки. В ход пошли каблучки давным-давно подаренных Бенедиктом модных ботинок. Три года назад они на ноге болтались, а теперь жмут. Ничего, Бенедикт новые купит. Уже обещал.

Старый, разъеденный подвальной влагой кирпич мало-помалу крошился, отслаивался. Щель потихоньку расширялась.

Чтоб не так скучно было долбить, успокоившаяся Арлетта принялась воображать себе всякое. Вот если б она была не просто смешная зверюшка для развлечения публики, забавный слепой уродец...

Нет, в зеркало она себя никогда не видела, но с год назад спросила у Бенедикта. Бенедикт до того смутился, что впервые в жизни назвал её, как мама Катерина. Как-то смог выговорить «кровьиночка мойи», обнял и растолковал, что отцу она любая нужна. А до остальных им дела нет. Пусть чего хотят, то и думают.

Арлетта не дура. Всё поняла. Работать надо лучше. Тогда найдётся какой-нибудь шпильман. Захочет вместе номер делать и замуж возьмёт. Тогда им с Бенедиктом полегче будет. Трое – это уже почти настоящая труппа.

Но помечтать-то можно. Вот если бы она была красавица. Пусть слепая, но красавица, это уж обязательно. Волосы до полу, губы пухлые, фигура как песочные часы... Вот если б Король был не просто сямка с торга, а ночной брат, из тех, кому никто не указ... Высокий. Сильный. Для всех опасный. Для всех, кроме Арлетты. Чтоб одну её любил, чтоб ради неё одной на всё был готов. Собрал бы он своих чёрных побратимов, все как один в чёрных плащах, в масках, с кастетами да с рассекухами...

Каблук не выдержал, отвалился с противным хрустом. Арлетта аккуратно отложила его, чтоб сразу найти, если вдруг понадобится, и стянула второй башмак. Да. Так значит, ночной брат и его побратимы. Взяли бы они тюрьму штурмом. Покрошили бы противных стражников. Вынес бы он Арлетту на руках, прижал крепче и сказал бы...

Должно быть, уже наступил вечер. Прекрасный ночной брат успел сказать Арлетте много хорошего, а также подарить новые башмачки, капор с лентами и шуршащее шёлковое платье, когда отвалился второй каблук.

Лицо и одежда были в кирпичной пыли, противно скрипевшей на зубах. Руки ныли, болели стёртые до крови ладони. Нечего сказать, отдохнула в воскресенье. Но щель получилась изрядная. Арлетта ощупала ободранный край, провела рукой по шершавому пруту, прикинула расстояние. Взрослый человек по-прежнему не пролез бы, но попробовать стоило.

Поесть ей так и не принесли. Ну и пусть. Не в еде счастье. Шпильманы голодать умеют. Зато никто не смог помешать, не увидел её всю в кирпичной крошке. Лучше бы о ней вообще забыли.

Всё складывалось удачно. Улица за окном была совсем глухой и тихой. Никто ни разу не прошёл, не проехал. А уж вечером и подавно никого не будет. Мысль о том, что окно может выходить в какой-нибудь внутренний двор, Арлетта отвергла сразу. Шагов караула не слышно. Дух из окна вольный, лёгкий. Да и должно же, в конце концов, ей повезти. Она деловито обтёрла подолом лицо и руки, чтоб не выглядеть слишком уж страшно. Стянула платье, оставшись в тонкой нижней рубашке, пропихнула его сквозь решётку, а потом начала протискиваться сама. Для начала сунула голову в получившуюся щель. Тут же почувствовала, как впивается в кожу ржавый металл. Ни туда, ни сюда. По щеке потекла кровь. Арлетта рванулась, едва не оторвала уши, и с разгону уткнулась лицом в холодный камень. Есть! Голова пролезла. Канатная плясунья выдохнула с облегчением и, втянув и без того тощий живот, протиснулась-таки вся целиком.

Уф! Теперь надо как-то извернуться в узком, едва можно сделать вдох, пространстве между стеной и решёткой. Это оказалось не так-то просто. Извиваясь, как змея под лопатой, поднялась на цыпочки. Стоя на кончиках пальцев, дотянулась до края бортика. Ни вздохнуть, ни охнуть. И главное, опереться не на что. Так и застряну здесь!

Арлетта пискнула от ужаса, но тянуться вверх не перестала. Цеплялась ногтями, коленками, грудью и животом. Давай! Allez, Арлетт!

Через десять минут она сидела на бортике, подставив лицо прохладному ветерку с запахом влажных тополей и цветущих яблонь. Осторожно ощупала щеку, стёрла кровь. Ветер налетел снова, раздул парусом подол нижней рубашки. К несчастью, платье вытащить за собой не удалось. Снова сунуться в эту узкую щель Арлетта боялась. Ну и ладно. Обойдёмся без платья. Надо убираться. Посвистеть, что ли? Может, Фиделио её найдёт? Нет. Свистеть опасно. Эта часть побега оказалась какой-то непродуманной. Куда теперь идти? Как добраться до торго?

Арлетта свесила ноги, но мостовой не достала. Ошибочка вышла. Это не полуподвал. Первый этаж. Она повисла на бортике и отпустила руки.

Раз-два – ноги должны были уже встретиться с землёй – три-четыре – не первый этаж, а второй. Надо собраться перед ударом. Пять-шесть – ветер в лицо – шум, похожий на аплодисменты или шорох листьев под ветром, – семь-восемь – не может быть, я же разобьюсь – девять – да не в башне же её заперли – десять – мама! И тут её руки встретились с чужими. Бенедикт!

Нет, не он. Кто-то другой спассировал её. Жёстко. Неправильно. Неумело. Руки едва не выбило из плеч. Арлетту крутнуло в воздухе, завертело так, что даже она, ко всему привыкшая, безнадёжно запуталась, где верх, где низ, и с силой ударило о землю.

Тут же выяснилось, что это не совсем земля. Руки, ноги, подол рубашки и волосы оказались непостижимым образом перепутаны с руками, ногами, волосами и одеждой кого-то твёрдого, угловатого и лохматого. Длинных волос было очень много. Женщина? Её поймала женщина?

– Пёсья кровь! – хрипло сказали над ухом определённо мужским голосом.

Арлетта встрепенулась. Происходило сплошное, прямо-таки вопиющее неприличие. Надо срочно оторваться от этого неизвестно кого. Она засуетилась, торопливо пытаясь найти себя и распутаться.

– Чего? – насмешливо спросили снизу. – Очухалась?

– Да, благодарю вас, – чопорно сказала канатная плясунья и всё-таки встала на ноги. Под ногами были доски. Пол? Не, наверное, мост какой-то. Снизу негромко журчала вода. Закружилась голова. Спасибо, неведомый спаситель поддержал. Вежливо так, под локоток.

– Медикусы утверждают, что с разбитым сердцем жить можно, – доверительно сообщил он, склонившись к самому уху Арлетты. – А с разбитой башкой – нет.

– При чём тут разбитое сердце? – слабым голосом удивилась Арлетта.

– А чего ты из окна бросаться вздумала?

– Я не бросалась! Как я могла броситься? Там же невысоко.

– Гм.

– Или высоко?

– Для кого как.

– Темно уже, – попыталась оправдаться Арлетта, – я не разглядела.

– Почему темно? Полгорода могло видеть, как ты там болтаешься. Прямо как белый флаг, – сварливо высказался незнакомец и вдруг запнулся: – Так говоришь, темно? О, вот оно что.

Взял за подбородок, повернул голову туда-сюда. Но слепой не назвал. Удивляться, махать руками перед носом, крутить разные фигуры из пальцев не стал.

– Всего пять ступенек вверх и целых десять вниз, – пробормотала вконец запутавшаяся Арлетта.

– Ну да, – согласился незнакомец, – с той стороны. А эта сторона как раз в Рванный овраг выходит. Кстати, что ты там делала?

– Где?

– На киче. В Кумполе.

Арлетта рванулась бежать, но её сейчас же сгребли в охапку.

– Тихо. Не брыкайся. Сроду медным лбам не служил и звонарём не был.

Ох, так он из «ночных братьев». Вон как по-аламански чешет. Не хуже Короля. Это называется домечталась. Такой, конечно, не выдаст, но и сам будет поопасней любого стражника. Сообразив это, канатная плясунья принялась потихоньку выворачиваться из крепких объятий. Лишь бы вывернуться да хоть на шаг отойти. А там уж она ему спляшет.

– А я тебя вспомнил, – задумчиво сообщил ночной брат, – ты бабочку на торгу представляешь. Так чё на киче делала?

– Облава на торгу была, а я с Королём сидела.

– Чё, прям с его величеством? – искренне изумился собеседник.

– Да нет. С Королём. Который на торгу работает. Щипач. Не слыхал разве?

Стараясь болтать как можно непринуждённой, Арлетта тихонько отвоёвывала свою свободу.

– Щипа-ач. Слыхал-слыхал, – с невыразимым презрением выплюнул незнакомец. Ну ясно, сам-то он не меньше, чем мокрушник. – Ты чё, маруха его?

– Вот ещё! – Арлетта преисполнилась чувства собственного достоинства. – Я шпильман. У нас этих глупостей не полагается.

– А чего тогда они докапывались? Почему сразу не отпустили?

– Так принцессу жареный петух клюнул.

– У нас на торгу и Принцесса есть? Не знал.

– Да нет, принцесса настоящая, – отмахнулась Арлетта и наскоро поведала историю про приют для бедных сироток. Ночной брат задаром точно не выдаст. А награда за неё не положена.

– Чума болотная! – кратко выразился собеседник. – Стало быть, ты сорвалась с кичи. Молодец. И чего теперь? До торга одна не дойдёшь. Да и стрёмно. Дело к ночи. Скоро и правда совсем темно будет.

– Дойду как-нибудь, – строптиво сказала Арлетта, – Фиделио меня найдёт. Он всегда меня находит.

– Фиделио это кто? Ещё один щипач?

– Собачка.

– Ага. Так и пойдёшь по ночному городу в одной рубашке? Между прочим, грязной и... хм... рваной. – Ночной брат вдруг отодвинул её, подержал на расстоянии вытянутых рук. – Нет, на тебе оно, конечно, фартово смотрится.

– Ой! Пусти! – не выдержала Арлетта и попробовала лягнуть незнакомца побольнее.

К несчастью, незнакомец оказался ловкий, все грязные приёмы знал, вырваться опять не позволил, так что настоящей драки не получилось.

– А ещё тебя хватиться могут. Ловить начнут, – как ни в чём не бывало заметил он, и Арлетту решительно подхватили на руки. Прижали довольно плотно. Прямо как в дурацких мечтах. Руки не высвободить, а ноги бестолково болтаются в воздухе.

– Буду кусаться, – свирепо предупредила Арлетта, хорошо понимавшая разницу между мечтами и настоящей жизнью. – Нос отгрызу!

– Не надо! – нагло посмеиваясь, взмолился ночной брат. – Я и так по твоей милости весь побитый-исцарапанный.

Арлетта стиснула зубы и попробовала заехать гаду локтем по горлу. Почти попала. Но это не помогло. Тащили её быстро и уверенно, держали безжалостно, не церемонясь.

Скрипнула дверь. Застонали расхлябанные половицы, до слёз резко запахло пряным и приторно сладким.

– Уф! – выдохнул ночной брат, роняя перепуганную Арлетту на мешок с чем-то мягким и шуршащим, как сено. Арлетта вдохнула поглубже, чтобы завопить. Уж лучше назад в тюрьму.

– Тихо! – прошептал ночной брат, ловко запечатав ей рот шершавой ладонью, – а то хуже будет.

Арлетта попыталась укусить ладонь, но снова ничего не вышло. Вместо крика получился жалкий писк. Голос совсем пропал, язык не ворочался, губы не слушались. Ни с того ни с сего накатила дурная слабость. Должно быть, ночной брат ловко надавил на какую-то жилу или косточку. Все, кто на улице живёт, знают: есть такие, нажмёшь – и всё, обморок. Делай потом, что хочешь.

– Ну вот, – хмыкнул ночной брат. – Так-то лучше. Не вздумай орать. Сиди тихо, а то, гадам буду, сам страже сдам.

– Пёсья кровь! – из последних сил прошептала Арлетта. – Только тронь! Только попробуй! Горло вырву! Глаза выцарапаю!

– Фи. Дама и такие слова. Ну, я пошёл. И так уже опаздываю.

– Куда?

– На королевский бал.

– Поклон Королю передай, – просипела Арлетта со всем ехидством, которое смогла наскрести, и услышала, как звякнул замок. Снова заперли. Ночной брат схватил и запер в неизвестном месте! Справит свою ночную работу и, ясное дело, вернётся. Арлетта собралась с

силами и поползла на звук, переваливаясь через шершавые, плотно набитые мешки, ощупала окованную холодным металлом замочную скважину, подёргала закрытую дверь. Крепкая. Без ключа не откроешь. От злости стукнула по ней кулаком. Хоть бы гвоздь какой или шпильку! Надо поискать.

Попыталась пробраться вдоль стенки, найти окно, но всё вокруг было завалено, заставлено полотняными тюками и корявыми лубяными коробами. В лицо то и дело лезли пахучие травяные веники, должно быть подвешенные к потолку. Что же это за место? Торговый склад или просто кладовка? В конце концов, она споткнулась, снова упала на какой-то мешок и решила не вставать. Всё равно бесполезно. Силы поберечь надо. На мешке было мягко, в кладовке тепло и как-то очень спокойно. Даже мыши не шуршали. Травы, что ли, тут такие, сонные?

Глава 2

Из сна Арлетту вырвали, как рыбу из воды, грубо и резко схватив в охапку. Она взвизгнула, принялась пинаться, спросонья никак не могла попасть по крепкому телу напавшего, но это... Это же...

– Бенедикт!

– Заткнись! Seinstill!

Пахнуло ядрёным перегаром. Как обычно в глубоком похмелье, Бенедикт был зол и до крайности груб.

Впрочем, повод напиться у него был. Арлетте это даже польстило. Вон как из-за неё расстроился. Всю ночь небось пил. Ругаясь вполголоса на трёх языках, Бенедикт вытащил её наружу, в пронзительный утренний холод.

– Ключик отдайте, – пропищал откуда-то снизу детский голос, – а то господин аптекарь узнает, мне попадёт.

– На, – буркнул Бенедикт.

– А за молчание?

– Ещё чего.

– Вот щас как заору, – донеслось издали, видно, с безопасного расстояния.

– На, подавись, – Бенедикт швырнул в малолетнего вымогателя мелкой монеткой и быстро запихнул Арлетту в повозку. Внутри оказался Фиделио, который сейчас же кинулся лизаться.

– Прячься, – шёпотом рявкнул Бенедикт.

Эту команду Арлетта умела выполнять ещё в раннем детстве. В дороге бывает всякое. Иногда самое правильное для молодой девицы – спрятаться и не высовываться. Привычной рукой она толкнула среднюю доску. Та, скрипнув, качнулась, и Арлетта скатилась в открывшееся пространство. Доска стала на место. Сверху уселся Фиделио, приготовился охранять.

Случалось, Бенедикт баловался контрабандой. Частенько вместе с Арлеттой между полом и дном повозки путешествовали мотки кружев, штуки шёлка или кувшины с вином. Правда, теперь здесь хватало места только для Арлетты, да и то никак не удавалось устроиться поудобней. Повозку, катившую по разбитой мостовой, трясло сильно и часто. Бенедикт торопился к открытию городских ворот, чтоб побыстрее покинуть столицу. Ближайшими воротами оказались Южные. Пришлось ещё постоять, выждать положенное время. Бенедикт обнаружил знакомого стражника и долго плакался ему, печалился о потерянной дочери и довольно фальшиво выражал надежду, что у чужих людей ей будет лучше. Не забыл с похвалой отозваться о её высочестве. При этом прибавил несколько слов по-фряжски. Но стражники были здешние. Фряжского не знали и о значении выражения «кошон дела краун» даже не догадывались.

За полчаса ожидания Бенедикт так всем надоел, что в повозку заглядывать не стали. Просто выставили из города фигляра вместе с его конём и собакой. О том, что из тюрьмы кто-то сбежал, речи не было. Значит, до сих пор не хватились. Или без лишних хлопот решили заморить бестолковую плясунью в карцере.

За воротами булыжная мостовая сразу кончилась. Арлетта вздохнула с облегчением и чуть не прокусила себе язык. Начались такие ухабы, что пришлось призвать на помощь всё акробатическое искусство, лишь бы не покалечиться. Наконец, запахло водой. Колеса увязли в прибрежном иле. Бенедикт выскочил и принялся орать на Фердинанда, толкая повозку плечом. Захлюпали, закрипели плоты, заменявшие разрушенный мост через Либаву, и повозка благополучно выкатилась на южную дорогу. Теперь её не трясло, а только плавно раскачивало, да под колёсами шелестел песок.

Арлетта спихнула Фиделио, с удовольствием вылезла из тесного ящика, нацепила дорожные юбку и кофту и живо забралась к Бенедикту на козлы.

Хорошо. Летним лесом пахнет. Распаренной землёй. Нагретой листвой. По лицу скользят прохладные тени и тёплые солнечные пятна. И работы сегодня точно не будет. Хорошо! Фердинанду тоже было хорошо. С удовольствием рысил по плотному песку. Ставил хвост щёткой, отмахивался от редких мух. А вот Бенедикту явно было плохо. Он сопел, кряхтел и изредка даже постанывал.

– Давай вожжи, – предложила Арлетта, – поспишь – авось полегчает.

– О, найн, не полегчать, – простонал похмельный Бенедикт, – три недели мочь ещё в этом проклятом Остерберг работать. До самой Купальской ярмарка. Какой успех! Какие сборы! Ты понимать, сколько дьенег мы теряли?

– Я не виновата, – обиделась Арлетта, – сидела дома, никого не трогала.

– Приваживать этих мизерабль...

– Я не приваживала. Они сами пришли. Ты ж велел с ними не ссориться.

– Я велел не ссориться, а ты флиртовать. Хыханьки-хаханьки.

– Бенедикт! Зачем я только сбежала! Может, в полумойках и правда лучше, чем тут с тобой.

– Гут. Гут. Сори. Сбежать и... и умныиц, – пошёл на попятный Бенедикт. – Кстати, а как ты сбежать?

– Между прутьев пролезла и из окошка выпрыгнула. Только там оказалось выше, чем я думала.

– Сильно расшиблась? Работать смочь?

– Совсем не расшиблась, – хмыкнула Арлетта. Всё-таки приятно, когда Бенедикт беспокоится. – Меня какой-то ночной брат спассировал.

– Почём знаешь, что ночной брат?

– Так он же понял, откуда я прыгала, но стражу звать не стал. И разговор у него такой. И вообще... Кхм. Мне ещё повезло, что ты меня нашёл раньше, чем он вернулся. Как тебе удалось?

– Малышик от аптекаря встретить. В трактире разговорился. Сказать, что видел. А этот ночной брат, он чего от тебя желал?

– Тьфу!

– Хм. Молодой, красивый?

– Ох, Бенедикт, ну откуда ж я знаю. Здоровый как заозёрский лось. Сильный. Ловкий. Одним словом, ночной брат.

– Смотри, Арлетт, ой, смотри...

– Иди спать, Бенедикт, – разозлилась Арлетта, – А то тебя даже Фердинанд пугается.

Фердинанд очень любил, когда вожжи держала Арлетта. Она никогда зря его не дёргала. Могла бы и не держать. Он и так знал, что делать. Но всё-таки порядок быть должен. Вожжи у хозяйки, а конь, стало быть, везёт. И чего тут не везти. Дорога хорошая, ровная. Со встречной телегой он и сам разойдётся, не первый раз, рытвины глубокие, если попадутся – объедет, а доберётся до перекрёстка – встанет. Тут уж придётся Бенедикта будить, ничего не поделаешь.

Тем же ранним утром, в тот же рассветный час через Северные ворота город покинули пятеро пеших в простой одежде. Бесформенные крестьянские плащи, наброшенные для

защиты от утренней сырости и прохлады, топорщились в самых неожиданных местах. В полупустых торбах что-то позванивало. Не отвлекаясь на долгие разговоры со стражей, они быстрым шагом, почти бегом двинулись вверх по Северной дороге. Впрочем, их бодрая пробежка продолжалась до первого поворота. Здесь дорога огибала крутой холм с там и сям торчащими валунами.

Убедившись, что их уже не видно с городской стены, путники шустро полезли вверх, оскальзываясь на осыпях и цепляясь за чахлую травку. Оказавшись на каменистой площадке на полпути к вершине холма, они дружно залегли и уставились на пустую дорогу. Дорога от городских ворот до симпатичной берёзовой рощицы просматривалась отлично. Ниже дороги крутой склон довольно быстро превращался в настоящий обрыв, под которым блестела широкая Либава. За рекой тонули в тумане Полибавские леса. Тёмные вершины дубов возносились над липами и белыми купами цветущих рябин.

Полежали. Отдыхались. Выпутались из плащей. Собрали и разложили на камнях хорошо смазанные арбалеты. Из рощицы выползла крестьянская телега, медленно потянувшись к городу.

– Не, всё-таки я не понял, – начал один из стрелков, сложения крепкого и лицом красный, как тёртый кирпич. – Засада? Здесь? Среди бела дня? Считай, на виду у стражников?

– Ну что ты скулишь. За риск особо заплачено. Понял?

– Не, Якоб, опять не понял. Значит, он едет. Я стреляю. Издали. Потому говорят, в ближнем бою он опасный. Значит, стреляю. Шагов с двухсот. Вон, когда он будет у того куста. Попадаю. Скажем, в левый глаз.

– Нельзя, пёсья кровь! – заметил его собеседник, похоже, рангом повыше. Из простых, но борода шильцем, усы нафабрены, на корявом пальце дорогое кольцо.

– Ну, нельзя в левый, могу в правый. И всё. Зачем тут ещё эти лободыры?

Эти лободыры заворчали. Замечание им не понравилось.

– Ты, пёсья кровь, сам ушлёпок. Убивать нельзя.

– И чё? Почему нельзя?

– Потому. Нам не за это заплачено. – разумно растолковал Якоб. – Тут осторожно надо. Повторяю ещё раз. Для всех. Ни в коем случае не убивать. Когда он будет у того куста, стреляешь в коня. Он падает. С коня или вместе с конём, не важно. Второй раз, чтоб он уж точно никуда не делся, стреляешь в ногу.

– Коню?

– Нет! Ему! Может, он и сам, с коня упавши, её сломает, но на это мы полагаться не можем.

– Ага. И чё?

– Тут мы подбегаем. Якобы мы разбойники.

– А на самом деле мы кто?

– Молчи уж, придурок. Значит, подбегаем, бьём его слегка. Повторяю, слегка, до синяков, а не до смерти, грабим...

– Тоже слегка?

– Нет, это уж по-настоящему. При нём, мне обещали, много золота будет. Можем всё забрать себе. Ну, седло, уздечку, если хорошие, украшения, какие найдём. Это всё наше сверх обещанной платы.

– А потом?

– Потом уходим. Потому что из ворот выбегает стража и, натурально, его хватает. Хватает, волочёт обратно в город, но это уж до нас не касается.

– Опять не понял. Зачем всё это?

– Не твоего ума дело. Надо так.

– Кому?

– Тому, кто платит.

– А, вот теперь понял.

– Эх, – поскрёб в затылке Якоб, – да я и сам ничего не понимаю. Сначала ловили его, в Приказ через полстраны волокли, кучу людей на этом деле положили, потом отпустили ни с того ни с сего, а теперь опять ловим.

– Да плевать, – флегматично отозвался стрелок, – пусть делают что хотят, главное, чтоб платили.

Время шло, солнце, поднявшись, стало припекать, потом с севера потянулись лёгкие облачка. За всё время по дороге проехали две крестьянские телеги и одинокий всадник, явно торопившийся в город.

За дорогой следил только Якоб, прочие вяло дремали, растянувшись на нагретых камнях.

– Во, – вдруг сказал Якоб, – он.

Напрягся, всматриваясь.

– Точно, он. Трудно не узнать, он приметный.

– Постой, – хмыкнул его товарищ, – так он пеший. Не вижу коня.

– Да без разницы, – отмахнулся Якоб, – просто, когда он будет у того куста, стреляешь в ногу. В но-гу, понял? Дальше всё, как я сказал. Не убивать. Бить осторожно. Рёбра не ломать. Лицо вообще лучше не трогать.

Пеший путник не торопился. Медленно двигался прочь от городских ворот, беззаботно следовал всем изгибам дороги, пробиравшейся через заросшие кипреем и полынью развалины подгородных посадков. Из засады следили за ним с нарастающим нетерпением. Путник шевелился, как сонная муха. Брёл нога за ногу, будто больной или пьяный. Смотрел на солнышко, поправлял переброшенную через плечо дорожную суму и попадать в засаду не торопился. Наконец, обогнул холм, но у рокового куста не появился. Вообще пропал из виду. Осторожно высунувшись из-за камней, могучий стрелок увидел, что легкомысленная цель вместо того, чтобы идти вперёд, валяется в придорожной травке, доверчиво раскинув руки. Хорошая мишень. Этаким белым крест на зелёном.

– Может, так его возьмём? – предложил он. – Хотя с такого и взять-то нечего.

– Нет, – прошипел старший, – ждём.

– Сколько?

– Сколько надо. Говорю же, он опасный.

Но опасный парень на дороге так и не появился. Вместо этого все увидели, как он, утопая в море золотых лютиков, спускается по луговому склону к сверкающей под обрывом реке, к заречным лесным просторам.

– За ним, – всполошился старший, – далеко не уйдёт. Там обрыв сажень сорок.

– Ничё, – стрелок поднялся в полный рост и вскинул арбалет, – сейчас я его достану. С запасом даже.

Глава 3

– Фердинанд заминается. Того гляди захромает, – обеспокоенно сказала Арлетта и полезла под оглобли, прямо к лошадиным копытам, ощупать, нет ли трещин, не впился ли острый сучок или камешек.

– Подковать конь надо, – невнятно заметил Бенедикт. После сна ему сильно полегчало, и теперь он, устроившись на корнях толстой придорожной липы, набивал рот хлебом и сыром. – Из города выскочить сломья голова. Как стоять в конюшне некованный, так и погнали.

– Прости, Фердинанд, – вздохнула Арлетта, – потерпи до первой кузни.

– Там впереди якобы свет, – заметил Бенедикт, разглядывая яркое пятно, призывно сверкавшее между рядами толстых стволов, – дорога есть антре в поле. А поле это есть деревня близко.

– Ага, – Арлетта вытянулась в струнку, принохиваясь, – и кузня там.

– Откуда знать?

– Дымом пахнет.

– У селенья всегда дым пахнет.

– То не такой дым. Железом пахнет и ещё чем-то едучим.

Чтоб Фердинанд понапрасну не мучился, повозку решили пока припрятать. Бенедикт отыскал тропиночку, отходившую от дороги к высокому берегу какой-то речки. Речка, тёмная, лесная, медленно утекала в Либаву, качая подмытые корни деревьев, водяную траву, жёсткий стрелолист. Фердинанд прошёл по тропиночке как по ниточке, ни сучка не поломал. Повозку поставили в тени на диво пышных рябин. На маленькой полянке над рекой осталось ещё место для костра и довольно развалившегося на травке Фиделию.

Коня распрягли, и тут вышла заминка. Фердинанд наотрез отказался отправляться к кузнецу без Арлетты. Жёсткий запах жжёного железа он тоже почуял и, конечно, догадывался, что будет дальше. Кузнеца с его орудиями старый конь не боялся, притерпелся за свою долгую жизнь, но желал, чтобы хозяйка всячески успокаивала, трепала по шее, дула в нос, нежно держала согнутую ногу. Бенедикт ругался, но вполсилы. Понимал, Фердинанда не переспоришь.

– Штаны, – приказал он Арлетте. Арлетта поморщилась. Мужскую одежду, совсем ветхую, оставшуюся от Альфа, она не очень любила. Альф работал с Бенедиктом на перше. Альф верхним, а Бенедикт нижним. Давным-давно, когда Катерина была жива, а Арлетта смотрела на белый свет ясными глазами. С перша Альф и сорвался. Росту он был небольшого, подворачивать рукава и штанины в последнее время почти не приходилось, но в штанах без юбки Арлетте было как-то неловко. Казалось, что все на неё смотрят. Впрочем, сейчас не время капризничать. Ищут-то небось, если ищут, не парня, а как раз девку. Волосы, хоть и короткие, пришлось спрятать под войлочной мужской шляпой. Жарко и неудобно.

Сторожить повозку оставили Фиделию. Привязали для надёжности, чтоб не сбежал. Фиделию обиделся, но Арлетта знала – простит.

Жалея Фердинанда, Бенедикт повёл его в поводу.

Кузня стояла не так уж далеко, за околицей довольно большой деревни, как положено, у перекрёста. Место удобное и для кузнеца выгодное.

Под звяканье и стук молоточка по подковным гвоздям Арлетта утешала Фердинанда, который старательно делал вид, что жутко испуган. Кряхтя от натуги, держала на коленке могучее копыто, уговаривала и улещивала. Фердинанд благосклонно внимал. Кузнец и его подмастерье потешались над ними, не скрываясь. Ржали, как кони. Известное дело, с кем поведёшься, от того и наберёшься. Арлетте очень хотелось отплатить за обиду, отхлестать наглецов горячими словами, но она смолчала. Не в первый раз такое терпеть. Не в первый и не в последний.

Тем временем Бенедикт разговорился с какими-то мужиками, желавшими заполучить для колёс своей телеги железные ободья. Постыдная профессия на лбу у него написана не была, и потому отвечали ему охотно. Поначалу речь шла о том, не видали ли кого чужого, не дони-мают ли стражники, нет ли разбойников, не ищут ли каких беглых. Разбойники, конечно, име-лись, и беглых ловили вовсю, да только всё больше здоровых парней с разнообразным набо-ром примет в виде шрамов и прочих увечий. Шустрыми худосочными девицами никто пока не интересовался.

Успокоившись на этот счёт, Бенедикт охотно поддержал разговор о скверных дорогах, которые того гляди заставят чинить самих мужиков. Так оно раньше бывало, но ведь тогда почти у каждого лошади справные были, а теперь... Не на спине же битый камень таскать. После этого разговор свернул на лошадей, и пошло, и пошло. Дело кончилось именно тем, чего боялась Арлетта.

– Вот что, ты аллон марширен к свой места, – сказал Бенедикт, – а мне тут ещё... э-э-э... надо.

– Не надо, – попробовала возразить Арлетта, – работать не сможешь.

– Благодаря тебя, – огрызнулся Бенедикт, – мы долго работать не смочь. Пока столица есть близко.

– Кончится тем, что ты меня уронишь, – попробовала последнее средство Арлетта.

– Никогда, – отрезал Бенедикт.

Это была правда. Во время работы он к спиртному не прикасался. Не пил даже пива. Но, бывало, бывало, раза два в год срывался. Вчера с горя начал, а теперь вот, ясное дело, продолжить надо. Как на грех, деньги у него при себе. После расплаты с кузнецом кое-что осталось.

Тяжко вздохнув, Арлетта взлетела на спину Фердинанда, в раздражении ткнула в круглый бок костлявой пяткой.

– Давай домой, толстый.

Фердинанд, и вправду слегка растолстевший после благополучной зимовки, послушно повернулся и торжественно повёз хозяйку к оставленной в лесу повозке.

В полях солнце палило, как на вершине лета. Шляпа мешала ужасно, но Арлетта терпела. Когда, наконец, накрыло лесной прохладой, она с облегчением стянула надоевшую шляпу с головы, принялась обмахивать горящие щёки. Фердинанд встряхнулся, пошёл бодрее, глухо постукивая по песку новыми подковами. Хорошо. Деревья шелестят, птички какие-то покри-кивают. Жалостно так. Что-то у этих птичек стряслось. Орут как на ярмарке.

Внезапно Фердинанд стал как вкопанный. Арлетта едва не слетела на землю.

– Ну ты, толстый! Не дрова везёшь!

Справа, с обочины донёлся хриплый, натужный рычащий стон.

То ли зверь, то ли человек. Арлетта снова врезала пяткой по толстому боку Ферди-нанда. Быстрее отсюда. От греха подальше. Фердинанд не согласился. Фыркнул, заплясал на месте. Ужасный звук повторился. Упрямый конь поддал задом. Мол, слезай. Вздохнув, Арлетта послушалась. Фердинанду, который так часто бывал её глазами, она доверяла.

Соскользнула с горячей конской спины, шагнула к обочине и тут же едва не упала, спот-кнувшись о ногу в грубом дорожном башмаке. Рядом взвыли совсем уже дурным голосом. С ногой явно было что-то не так. Всё остальное тоже оказалось в неважном состоянии. Во всяком случае, на ощупь. Костлявый тощий мужик. Липкие пятна на добротных штанах и широкой рубаше тонкого льна. Солёный терпкий запах, который не спутаешь ни с чем. Кровь. Кровь на лбу и впалой щеке. Но раны все неглубокие, больше похожи на царапины. Одежда порвана, будто его волки драли. В волосах лесной сор, листья, мелкие веточки.

– Слышь, дядя, – нарочито грубым голосом спросила Арлетта, вовремя вспомнившая про свой наряд, – откуда ты такой?

– У... пал, – невнятно отозвался раненый.

– С возу? С коня?

– Д... да. С ко...

Арлетта прислушалась. Никакого конского топота. Да и Фердинанд стоит смирно, не беспокоится.

– Ну и где он, твой конь?

– Не... зна...

– Он тебя, видать, долго по земле тащил.

Раненый усилился шевельнуться и вдруг прошептал как выдохнул:

– Ба... бо... чка...

«Только бабочек нам не хватало, – подумала Арлетта, которая терпеть не могла насекомых. – Жужжат, в волосы вцепляются, лапками щекочут. Тьфу, гадость».

И она тут узнала его. Как про гадость подумала, так сразу и узнала. Ночной брат. Тот самый. Вчерашний. На голове грива, как у коня. Ну и что с ним делать? Связываться – опасно. Влезать в разборки ночных братьев между собой или ночных братьев и стражи... Нет уж! Проще с башни вниз головой. Скорее на Фердинанда и ходу, ходу.

– Ба... бо... чка... Я поймал...

Да уж. Поймал так поймал. Как паук муху.

– Поехали, Фердинанд.

Старый конь фыркнул. Слегка прихватил её за плечо. Мол, как скажешь, хозяйка, смотри, как бы хуже не было. Пса дурного, паршивого тогда подобрала, на коленях Бенедикта упрашивала, чтобы взять согласился. А это не пёс, человек...

– Иной человек похуже пса будет, – сказала Арлетта и печально поняла, что ничего у неё не выйдет. Просто бросить этого на дороге, может, и правильно, да не получится. Всё ж таки он не стал глядеть, как она об землю грянется, себя не пожалел, подхватил. В деревню бы его. Только далеко в деревню. Да может, в деревню-то ему и нельзя. От кого бежал, что натворил, что с собой вёз – неизвестно. Видать, хорошо наплясался на том королевском балу.

– На коня сесть сможешь?

Раненый больно вцепился в плечо склонившейся над ним Арлетты, попробовал встать и снова не удержал стона.

– Нет. Всё. Сбылось.

– Что сбылось?

– Проклятие.

Вот ещё, проклятье какое-то вспомнил. Тоже мне, ночной брат. А ещё говорят, они ни в сон, ни в чох, ни в вороний грай не верят.

– Глупости, – уверено сказала Арлетта. – Сможешь! Фердинанд, allez!

Фердинанд потоптался и стал на колени рядом с переломанным ночным братом.

– Давай, – велела Арлетта.

Раненый, тихо подвывая, перекатился набок и с трудом втащил себя на конскую спину. Арлетта старательно придерживала его, пока Фердинанд поднимался, а потом осторожно усеелась сзади. Ночной брат сразу обмяк и стал заваливаться назад всеми своими жёсткими жилами и нескладными костями. Сознание потерял. Ну, оно и к лучшему. Правда, пришлось крепко обхватить его поперёк живота. Прижать посильнее костистое длинное тело. Пахло от него как-то неправильно. Не мужским или конским потом, а кленовой листвой и весенними травами: свежей мятой, едким лютиком, горьким одуванчиковым соком. Должно быть, конь долго его по траве тащил. Даже сквозь запах крови пробивался весёлый травяной дух.

«Ой, что я делаю, что творю, беды теперь не оберёшься. Помрёт – беда, люди скажут – мы убили, не помрёт – ещё хуже. Такие, как он, добра не помнят».

– Домой, Фердинанд.

Умный Фердинанд пошёл осторожно, как по воздуху. С полверсты просто плыл по лесной дороге. И тропиночку не пропустил. Свернул вовремя. Ночной брат оттянул Арлетте все руки. К концу пути и спина, и плечи ныли как после дня работы. В лицо лезли чужие жёсткие волосы. Да ещё всё время приходилось пригибаться на всякий случай. Пару раз не убереглась, получила по лицу низко висящей веткой.

На полянке под рябинами всё было в порядке. Фиделио коротко взлаял, почуяв чужого, и заскакал на верёвке, торопя хозяйку слезть с дурацкой лошади и поскорее отвязать его, любимого. Но Арлетта придумала кое-что получше. Велела Фердинанду подойти вплотную к повозке, откинула парусину и перетащила покалеченного прямо внутрь, на тощий Бенедиктов тюфяк. Уложила поровнее. Подсунула под голову засаленный валик подушки и присела рядом. Что делать дальше, она не знала. Оставалось только ждать Бенедикта. А когда он соизволит вернуться – неизвестно.

Ночной брат лежал слишком тихо. Дышит или нет? Вроде дышит. Осторожно, кончиками пальцев Арлетта дотронулась до его лба, провела по липким от крови щекам, коснулась губ. Она слыхала рассказы о слепых, которые могут на ощупь представить себе чужое лицо. Но, конечно, ничего не получилось. Только и узнала, что бороды и усов у ночного брата нету. Выбрит чисто, будто и вправду на бал собирался. Правого уха тоже почти нету. Значит, в руках палача уже побывал. Ухо отрезали любителям пошарить в богатых домах в отсутствие хозяев. Домушник. Да не простой, с опытом. Точно, каторжный. На запястьях шрамы. Плохо зажившие, довольно свежие. На груди под остатками рваной рубахи кроме кровоточащих царапин тоже шрам. Этот старый, но глубокий и длинный. От рассекухи такие бывают. Арлетту пробрал озноб. Пока он без сознания, ещё ничего. А вот когда в себя придёт...

Громко и жалобно заскулил позабытый Фиделио. Арлетта встрепенулась и принялась заниматься хозяйством. Первым делом отвязала несчастного пса, который тут же кинулся в лес добывать пропитание. Ещё бы. С утра не ел, бедняжка. Запасы в ящичке тоже кончились, но Арлетта умела терпеть. Вернётся Бенедикт, может, принесёт чего-нибудь. А может, и не принесёт.

Теперь хорошо бы умыться. Одежда Альфа пропиталась пылью, потом и наверняка испачкана чужой кровью. Да и вчерашнюю кирпичную крошку смыть не мешает. Вода журчала где-то совсем рядом. Арлетта вытянула всегда привязанную к козлам верёвку. Это Бенедикт придумал. Нарочно для неё. Сунув руку в верёвочную петлю, пошла на звук. Скользя, сползла по низкому глинистому откосу. Ноги по щиколотку утонули в холодном иле. Рядом потихоньку шуршала речная трава.

Арлетта поплескала в лицо. Показалось мало. Тогда плюхнулась в воду прямо в одежде. Хорошо-то как. И штаны с рубахой заодно постираются. Ловко вскарабкалась по верёвке на берег. На воздухе показалось прохладно. Должно быть, уже наступил вечер. Стуча зубами, нырнула в повозку, потянула через голову опостылевшую мужскую рубаху, но вовремя вспомнила про ночного брата и ушла переодеваться за занавеску. За занавеской была её собственная постель, лавка, закреплённая поперёк повозки. Настоящая постель с тюфяком, одеялом и двумя подушками, устроенная ещё мамой Катериной. В дороге на подушках очень любил сидеть Фиделио. В последний год тюфяк совсем слежался, а лавка стала коротковата, ноги не вытянешь. Но Арлетта привыкла. Вот скопят они с Бенедиктом две тысячи триста пятьдесят гульденов, бросят работу, купят собственный дом, тогда и кровать новую справить можно. С периной, пологом, кружевным покрывалом. Главное, скопить. Немного осталось. Переодевшись в дорожные кофту и юбку, Арлетта отодвинула занавеску, тихо уселась в ногах у ночного брата. А вдруг он уже помер? А что! Запросто. Отбил себе какую-нибудь внутренность и помер. Похоже, конь его не только ташил, но и копытом врезал. Коснулась шеи. Нет. Бьётся жилка. Живой. Ничего, вот придёт Бенедикт, что-нибудь придумает.

Душно. Полог бы откинуть. Но снаружи надрывно жужжали комары. В повозку влез Фиделио, пристроился рядом, Арлетта обняла его и сама не заметила, как заснула.

Глава 4

– Арлетт! Что это есть?! Кто есть ты? Говори!

Возмущённый рёв Бенедикта потонул в бешеном лае Фиделио. Пёс проснулся и решил срочно прикинуться верным сторожем.

Взвизгнув, Арлетта подпрыгнула и безошибочно повисла на руке, сжимавшей топор. Повисла всей тяжестью, не особенно надеясь на успех. Бенедикт был пьян, и она знала – унять его будет трудно.

– Это есть кто? – свирепо повторил он.

– Он! Да он же!

– Кто, чьюма болотная?!

– Ночной брат, который меня поймал.

– Где ты его взять?

– На дороге валялся.

– А сюда зачем притаскать?

– Он мне помог. Ворон ворону глаз не выклюет. Вор шпильману первый друг.

– Я... не... ночной брат, – внезапно подал голос предмет спора.

Бенедикт уронил топор. Арлетте на ногу. Арлетта стерпела молча. Тихий голос убедил Бенедикта больше, чем бестолковые вопли. Отрекается, значит – правда. Правда скверная и опасная.

– Прости, господин, – выговорил он заплетающимся языком, – никаких ночных братьев, не к ночь их помьянуть, а к белый день.

С ночными братьями нельзя ссориться. Задел одного – задел всех. Убил одного – мстить будут все. Ночным братьям не противоречат и вопросов не задают. С ними лучше вообще никаких дел не иметь. Добить бы этого от греха подальше, да и концы в воду. Девчонка глупа, не понимает.

– Он с коня упал, – сказала Арлетта, будто прочтя мрачные отцовские мысли, – у него, кажется, нога сломана.

Дознаются. Конь ещё где-то бежит. А что у него в седельных сумках, неизвестно. Бенедикт быстро трезвел. Не выйдет концы в воду. Надо выкручиваться иначе.

– Да-да, – покивал он, – ехали, господин... как это сказать... вдоль путь-дорога... и того, с коня, значить, упасть. Ножку сломать. Ой-ой-ой. Плохо как сломать. Неаккуратно. Один момент!

Бенедикт вывалился из повозки и, похоже, сверзился с обрыва. Послышался мощный всплеск. Арлетта испугалась, не потонул ли спяну. Но могучий шпильман поплескался, пофыркал и, хлюпая мокрой одеждой, выполз на берег. Трезвый. Ну или почти трезвый.

Вернувшись в повозку, принялся копаться в привинченном к полу сундуке, где хранилось немало шпильмановского добра: шары, ножи, булавы, широкий пояс с петлёй для работы с першем, лохматые парики из крашеной пакли и пёстрых ниток, большие бумажные веера, с которыми мама Катерина работала на канате. На самом дне отыскивались длинные грязноватые полосы плотной ткани, намотанные на сухие плоские дощечки. Из них в семье Бенедикта с незапамятных времён делали лубки для всех и всяческих переломов. Даже самый искусный шпильман может упасть. Бороться с переломами Бенедикт умел не хуже учёного лекаря.

– Позволь, господин, поглядать на твою ногу.

Запахло горелым маслом. Бенедикт зажёл лампу, которой не пользовались уже месяц. По летнему времени сэкономили.

– Арлетт, allez! Удались! Его раздеть надо.

– Так я всё равно ничего не вижу, – проворчала Арлетта, но подчинилась, ушла за занавеску. Села на постели, обняв коленки, и стала слушать, как Бенедикт цокает языком, ощупывая больного.

Лубков, ему, видно, показалось мало. Пошёл к прибрежным кустам, должно быть, чтобы нарезать ровных ивовых палочек. Так он сделал, когда Арлетта однажды сломала руку. Тогда она была ещё так мала, что дощечки ей негодились.

– Ты, господин, счастливчик, – заметил он после одного особенно болезненного стога. – Голова на свой мест. Шея не свернул. Крестец цел. А на ноги я тебя ставить. Плясать не будешь, но ходить сможешь.

Ночной брат спросил что-то. Робко так, жалобно. Бенедикт хохотнул, показывая, что оценил шутку.

– Слетать? С коня? Один раз есть мало? На-ка, глотни, чтоб не так болело.

Арлетта поморщилась. Очевидно, Бенедикт собирался продолжить веселье и завтра, а чтобы далеко не ходить, всё нужное прихватил с собой.

– Глотать, глотать, чтоб проняло. Ночной брат, а пьёт как мелкий куриц.

– Я не...

– Ох, прости, господин. Я уже есть понявший. Мирный путник. Спешил в столицу в базарный день. С коня... того... слетал... В дороге всё бывает. А что из ноги арбалетный болт торчит – это есть пустяк. Про это я забыл уже.

– Ты ж говорил, нога сломана, – удивилась Арлетта.

– Уи. Апсольман. Левая. А правая, наоборот, ранена. Кров много есть. Полный башмак. Опять повезло. Другой бы кровью истёк, да и совсем помьёр. А в него на излёте попадать. Да стрелка жилу заперла. М-да. Пропал башмак. Всё срезать придётся. Хм. Снизу вверх попали. Значит, на него засаду устроили. Под кустиками при дорога прятались. Так-с. Кости целы. Теперь стрелку выдернем и перевяжем.

– А-а-а...

– Тихо. Лежать! Рану прижечь надо. Не желаешь внутрь, применим снаружи. Чтоб добро не пропадало.

Бодрое бульканье сказало Арлетте, что это добро у Бенедикта точно не пропадёт. Всё пойдёт в дело.

– Поутру в деревню тебя доставим, – оторвавшись от кувшина, поведал Бенедикт, – там отлежишься, встанешь. Хм. Наверное, встанешь. Дохловатый ты есть какой-то. Заморьенный. Тюрьма да каторга засушить молодца? Отпустили или сам ушёл?

– С-а-ам...

– А если ему нельзя в деревню? – спросила Арлетта, напуганная упоминанием о каторге. Подумала и добавила: – У них там, небось, не только лекаря, у них и постоянного двора нету.

– Нету, – подтвердил Бенедикт, – кабак есть, но на ночлег не пускают. И за простую брагу дерут как за фряжское.

– Вот я и говорю – неладно выходит, – продолжала рассуждать Арлетта, очень хорошо умевшая уламывать Бенедикта, – разве ж лучше было б, если бы вместо его переломов ты мои лечил? А если б я вовсе расшиблась?

Бенедикт заворочался по-медвежьи. Вдохнул так, что отозвался пасшийся на полянке Фердинанд.

– Ладно. Свезьём в Студенец. Я расспросил. Это есть город. Пятьдесят свейских лиг. Не знаю, что у них тут городом зовётся, но, может, там и трактир попрличней, и лекарь есть.

Грозившийся двинуться в путь прямо с утра Бенедикт, конечно же, прохрапел до полудня.

Ночной брат, как показалось Арлетте, наоборот, глаз не сомкнул. Но лежал тихо и неподвижно, как сложенный перш или какая другая засунутая в угол ненужная вещь. Если и стонал, то сквозь зубы, почти неслышно. Арлетта пожалела, принесла ему водички в кожаном ведре. Поставила рядом, чтоб пил сколько хочет. Дала кружку. Воду проглотил с трудом, закашлялся и кружку выронил. Арлетта разжалобилась, решила сделать ещё что-нибудь. На ощупь смыла запёкшуюся кровь. Залепила царапины, какие смогла нащупать на лице, груди и плечах, росшим на тропиночке подорожником. Стерпел молча. Вообще, что бы она ни делала, переносил, как дитя. Больное дитя, которому уже всё равно, что с ним станет. Дрожал мелкой дрожью, дышал хрипло и коротко, но ни на что не жаловался. Может, его и вправду проклинали. Рана лёгкая, перелом похуже, но от такого не помирают. Остальное – просто царапины. А он слабый, вялый, как сорняк, из земли с корнем выданный. Будто опоили его чем. Или, пока лежал на дороге, вся кровь из него вытекла. Покормить бы его, да и самой поесть не мешает.

Однако еды не было, кроме раскисших огурчиков прошлогоднего посола, принесённых Бенедиктом в рогожке вместе с полуштофом мутной браги. Кормить раненого супчиком из огурцов, замоченных в бражке? Нет, это не годится. Пришлось лезть под свою лавку, где в особой коробушке сберегались крючки, поплавки и перемёт с колокольчиком. Рыбка с утра клевала хорошо, хоть и мелкая. Колокольчик звонил часто. Арлетта решила рискнуть, влезла в Бенедиктовы сапоги, пошла в лес, насколько хватило верёвки, ощупью наломала, натаскала хвороста, правда плохого, сыроватого. Из ольхи да осины дрова худые. Вытащила из повозки жаровню. Костёр она сама никогда не зажигала. Боялась не уследить за огнём и надеть пожару. Но с жаровней справилась, напекла рыбу на палочках. Вкусную, поджаристую. Сунула палочку ночному брату, а он есть не стал. Так, пососал хвостик и выронил. Прошептал, что тошно, не хочется. Зато проснувшийся Бенедикт слопал всё до последнего кусочка и возмущённо спросил, почему так мало.

– Потому, – сказала слегка обиженная Арлетта.

– Не груби, – буркнул Бенедикт, допивая остатки бражки. Это подняло ему настроение, да и голод всё-таки мучил. Ворча, подвернул штаны, вытащил из угла круглый бредень и пошёл ловить сам. Речушка-то была неглубокая. Увлёкся ловлей, проходил почти до вечера, так что в этот день никуда не поехали. Повезло ночному брату. Арлетта отлично помнила, как маялась в тряской повозке с переломанной рукой.

До поздней ночи варили-жарили рыбу. Жгли дымный костёр, отгоняли комаров. Так что на следующий день тоже с места не тронулись. Бенедикт мудро рассудил, что, если будет за ними или за ночным братом какая погоня, лучше пропустить её вперёд. Пусть побегают, поищут ветра в поле. Фиделио блаженствовал, подбирая потроха и рыбы головы. Фердинанду досаждал гнус. Он то бродил по густым кустам, чесался, то катался по траве, задрал ноги, но, в общем, тоже был доволен. Довольна была и Арлетта. Бенедикт бурчал, что надо бы поработать, но ясно было, что ему самому лень. Куда приятней валяться на солнышке под тихий плеск воды и шелест кудрявых рябин.

Что думал ночной брат – неизвестно. Арлетта за всё время от него и двух слов не доби-лась. Её немного тревожило, что он такой тихий. По её понятиям, любой ночной брат должен был бы... Нет, не стонать и жаловаться, это не по понятиям, но орать, ругаться и требовать выпивку. Этот же всё молчал. Не поймёшь, живой или мёртвый. Про коня своего с тайной

поклажей не спрашивал, когда тронутся в путь – не любопытствовал. Есть-пить не просил, даже комаров не гонял. Сразу видно, не жилец. Должно быть, отбил себе что-то важное.

Бенедикт его скромных желаний не разделял. На четвёртый день ему наскучила рыба и тихая жизнь, захотелось мясного, да чтобы с хлебом и под хорошее пиво.

Так что запрягли Фердинанда, свистнули Фиделио, затушили костёр и поехали, куда дорога ведёт. С раннего утра, ещё под звёздами выбрались из лесу, миновали пустую кузню, спящую деревню, снова нырнули в лес, и повозку пошло качать по ухабам и сыпучим пескам с довоенных времён не чиненного Южного тракта.

Часа через три такой езды Арлетта, от греха подальше сидевшая внутри вместе с Фиделио, услышала жалобный шёпот:

– Дай руку.

Ночной брат дождался ответа, не дождался и позвал снова:

– Ну, где ты там. Почему, когда надо, тебя никогда нет? Тебе хорошо. Плывёшь... Корабль качается... День и ночь... Качается кораблик. Тебе всё равно куда плыть. Лишь бы с ним. А как же я? Ты ж меня не бросишь...

Арлетта не выдержала. Выскользнула из своего угла за занавеской, присела рядом с ночным братом, и тут же её схватили за руку. Очень крепко.

– Не бросай меня. Скажи мне, что я живой.

– Пока живой, – осторожно подтвердила Арлетта.

Больной охнул, пошевелился.

– Бабочка?

Бормочет, как ветер в траве шелестит. Едва слышно. Но руку не выпустил. Только перестал сжимать до ломоты в пальцах. Арлетта попыталась пальцы отнять. Всё-таки они ей нужнее. Не отдал.

– Останься.

– Ты ж не меня звал.

– Не тебя.

– А кого? – не удержалась любопытная плясунья.

– Не тебя. Но ты останься.

– Зачем?

– Поговорим. А то я тону... Всё волны, волны... До тошноты укачался.

Умный. Знает, что боль заговорить – заболтать можно. Как Катерина болтала, когда Арлетта руку сломала. А не будь этого ночного брата, снова лежала бы переломанная. Долг платежом красен. Только как тут разговаривать, когда он еле шепчет. Пришлось склониться пониже, так что щеки коснулось чужое дыхание.

– Хорошо. Про что разговаривать будем?

– Ну... могла бы спросить, как... как меня зовут.

Арлетта хмыкнула.

– Зачем? Ты ж ночной брат. Всё равно правды не скажешь.

– Я не...

– Вот и я про то же.

– А тебя зовут как-нибудь?

– Арлетта.

– Разве ж это имя? Так только собачек кличут. Ма-аленьких.

– Это моё имя, – чопорно сказала Арлетта, напомним себе, что на больных обижаться не следует. Больной Бенедикт вёл себя куда хуже.

– А крещёное имя у тебя есть?

– Нету. Мы шпильман. Нам крещёных имён не положено.

– Значит, ты с рождения шпильман.

– Ну да, так всегда бывает. Редко иначе.

– М-м-м...

Арлетта не сразу поняла, что это не продолжение разговора, а просто тихий болезненный стон. Её руку опять стиснули как клешнями. Снова попробовала выдернуть, и снова не вышло. Вроде слабый, а хватка железная. Рука шершавая, грубая, горячая. Арлетте сделалось страшно. Однажды, когда они путешествовали вместе со зверинцем, клоун пошутил, запихнул её в тесную клетку к чёрному пардусу. Зверь был старый, больной, ничего ей не сделал, но страшно было до тошноты. Прямо как сейчас. Чёрный пардус... Опасный, горячий, злоющий... Вцепился – не отдерёшь! Ой, беда, беда!

Но в этот раз главная беда пришла извне. Бенедикт диким голосом завопил «тпру!», повозка остановилась, а Фиделио, высунувшись наружу, залился отчаянным лаем. Снаружи, за полотняными стенками слышался топот, фыркание и ржание остановленных на всём скаку лошадей. Острый запах пота и жар горячих, метавшихся совсем рядом конских тел, казалось, разъедали полотно крыши.

– Именем закона, стой!

– Стою-стою, господа хорошие, – смиренно сказал Бенедикт.

– Кто таков?

– Шпильман я есть. Из Перепелишек в Мамыри еду.

– Давно едешь?

– С утра.

– Что везёшь?

– Ничего. Апсольман. Пустой.

– Посмотрим!

Свистнул палаш, врезался в тележный борт, разрубая удерживавшие крышу верёвки. Крыша слетела, открывая жалкую внутренность повозки: линияющую занавеску, сколоченный из старых досок ящик с провизией, обшарпанный сундук, замызганный тюфяк на грязном полу. На тюфяке, съёжившись, обняв большую лохматую собаку, сидела растрёпанная девчонка. На вид явно не в себе. Глаза круглые, рот расслабленно приоткрыт. Один из солдат прямо с седла соскочил в повозку. Собака залилась отчаянным лаем. Девчонка вцепилась в неё ещё крепче и завизжала. Бессмысленные глаза наполнились слезами.

– Не трогайте её, – взмолился Бенедикт, – это есть майн доттер. Совсем глупый, пуу инфант, блинд, совсем блинд. Слепая.

Солдат хмыкнул, концом палаша отдёргнул занавеску, потыкал под лавкой, решительно распахнул сундук, пару раз вонзил палаш в грудь пёстрого барахла, покрутил острым лезвием перед носом у вопящей девчонки. Девчонка даже бровью не повела. Но визжать не перестала.

– Слепая, говоришь?

– Якоби крот, – подтвердил Бенедикт.

Визг и собачий вой достигли самой высокой ноты.

– Тихо! – гаркнул солдат и торопливо покинул повозку.

Суровое рвякание нисколько не помогло. Стало только хуже.

– Напугать её, – укоризненно сказал Бенедикт, – зря. Теперь будет плакать.

– Ладно, – перекивая шум, заорал старший, конь которого плясал и норовил встать на дыбы, испытывая сильное желание покинуть это шумное место, – не встречал на дороге вот такого? Росту высокого, сложения худошавого, под правым ухом шрам и мочка срезана. На груди шрам от удара палашом. На руках и ногах следы от колодок.

– Что он творить? Беглый?

– Не твоего ума дело.

– Награда быть обещана?

– А где ты его видал? – придержал коня старший.

– Пока не видать. Так сколько за голову?

– За голову – ничего. Он живой нужен. Привози – внакладе не будешь.

Ярившийся конь сорвался с места, отряд двинулся следом. Лишь один всадник задержался, полуобернувшись.

– Слышь, дядя, ты, коли увидишь кого похожего, беги, пока кости целы. Ходят слухи, этот, со шрамами, на Северном тракте один целый отряд положил. Дочку твою жалеючи, говорю. Награду то ли получишь, то ли нет, а девчонка одна останется. Кому она нужна, такая-то.

Сказал и ускакал. Пыль висела над дорогой, заполнив всё пространство под сомкнутыми дубовыми ветвями. Не было ветра в густом лесу, чтобы сдуть её, унести подальше.

Фердинанд высокомерно заржал, выражая своё возмущение невоспитанностью и абсолютно бестактным поведением четвероногих собратьев. Бенедикт крепко высказался по поводу собратьев двуногих. Арлетта вздохнула, поднялась, выпрыгнула из повозки прямо через борт и принялась чинить крышу, на ощупь связывая концы разрубленных верёвок. Тем временем Бенедикт нырнул внутрь, тихо ругаясь, сдвинул секретную доску.

– Эй, ты как, жив?

Никакого ответа.

– Есть жив, – определил Бенедикт, вытаскивая из тесного пространства длинное нескладное тело, – но обморок. Душно там. Ты, бестолочь, прямо на ноги ему сесть.

– Доска, зараза, не закрывалась, – забираясь внутрь, сказала Арлетта, – едва успела тюфяком прикрыть.

Ночной брат держался хорошо, не застонал ни разу. Она коснулась его щеки. Мокрая. Плакал от боли, но молчал. Да-а... Ночные братья – они такие.

– Что делать будем? – спросил Бенедикт. – Во что ты нас втянула, а, мон шер? Лучше б сама себя спрятать. Почём ты знала, что они не тебя ищут?

– Нашли бы его у нас, и нас бы не помиловали. Сказали бы – сообщники. Там, видать, дело серьёзное.

– То есть так, – вздохнул Бенедикт, – верно сообразить. Только поздно. Как есть глупый ребёнок.

– Спросить его, чего натворил, так не скажет. Убил, должно быть, кого-то из знати.

– Помоги его выкинуть. Сложить при дороге, и наше дело сторона. Кому надо – тот подбирать. Всё равно он без памяти. На нас зла не затаит.

Правильно всё это. Ох, правильно. Но всё же... Арлетте было жалко своих трудов. Кормила, поила, на себе тащила – чуть руки не вывернула. И есть у него кто-то, даже у такого никчёмного и опасного. Кто-то, кто жалеть будет, за руку держать. Девица какая-нибудь или даже целая дама.

– Он же свой, – протянула она задумчиво. – Своих выдавать нельзя.

– Какой он тебе свой? Ночной брат, да ещё, похоже, белая кость, дворянская порода. Тебя, видать, не ищут, так что и работать можно. Поедем дальше без хлопот. Ну-ка, давай, я за руки, ты за ноги. Allez!

– Нет! – упёрлась Арлетта.

– О тебе моя забота есть, – настаивал Бенедикт, – найдут его у нас, меня тоже не помилуют. Одна останешься.

И опять всё верно сказал. По уму, так положить при дороге осторожно. Пусть подбирает, кто не боится. Всё ж накормили, перевязали, страже не выдали. Помогли чем могли.

– А если... – Что бы такое сказать? Что бы такое придумать поубедительнее? Арлетта набрала побольше воздуха и ляпнула первое, что взбрело в голову. – Если он выживет и мстить будет? Сначала тем, кто его подстрелил, а потом нам, за то, что бросили.

Бенедикт замер. Слышно было, как он усердно скребёт небритую щёку.

– Мало я тебя по рукам бить. Сколько раз повторять – не подбирай с земли всякую грязь. Пёсья кровь! Ладно, свезём до Студенца, как обещали.

Ворча и ругаясь, порылся в сундуке, сунул Арлетте в руки ступку, в которой болтался пестик, и два-три куска охры, как нельзя лучше пригодной для изготовления рыжих клоунских париков.

– Будем красить, и затем... как это... лицо малевать. Грим.

Арлетта решительно застучала пестиком. Пока стучала, ругала себя всякими словами. Уговорила. Добилась. А зачем взгромозила на себя эту обузу, никому не известно. Одни беды от тебя, девочка-неудача.

Волосы ночного брата Бенедикт долго кромсал, уныло скрипя ржавыми ножницами. Отрезанное не поленился, пошёл прикопал подальше в лесу. То, что осталось, ворча и бурча, принялся красить размоченной в воде охрой. Краска ложилась плохо, но, в конце концов, он остался доволен.

– О да, теперь рютти. Рыжее. Как кирпич.

Щетину на подбородке тоже как следует натёр краской.

– Так-с. Теперь особые приметы. Воск, мучной клей, зола, свёкла.

– У нас нет свёклы, – сказала Арлетта.

– Нихт так нихт. Тут ещё помады для щёк немного осталось. Прикупить надо. Опять расход, но с голым лицом выступать не комильфо. Та-ак-с. Палачьи в здешней стороне не есть гут. Криворукий они есть. Кто так уши резать? В Остзее не так. Там аккуратно работают. Тц-тц-тц. Старый шрам зальепим. Сверху лишай нарисуем, чтоб руки никто почём зря не тянул.

Кроме лишая в запасе у Бенедикта были бельмо на глазу, чирьи, болячки, пара бородавок.

Арлетта трудилась в поте лица. Грела, разминала воск, растирала краски.

– Ну как? Готово?

– Найн. Перебор, – вздохнул Бенедикт, – он должен быть обычный, а он есть вышел очень страшный. Запомнят его. Плохо будет.

Покряхтел, подумал, оставил только две бородавки, одну над бровью, вторую – под носом. Добавил веснушек. Приподнял верхнюю губу, сделал вроде заячьей.

Ночной брат лежал смирно. Может, он и возражал бы против такого надругательства, но, пока ты без сознания, спорить трудно.

– Ну-с, сойдёт, – решил, наконец, Бенедикт. Рост ни убавить, ни прибавить, но, пока он лежит, никто не разберёт, какого он роста. Всё, теперь он есть Альф.

– Такой страшный? – удивилась Арлетта. – Альф был милый. Я помню.

– У меня бумаги его остались, – снизошёл до объяснения Бенедикт, – не продал в своё время, продешевить боялся. Чистые бумаги всякому нужны. Вот только возраст. Этот, видать, из молодых, да ранний. В такие юные годы и уже каторжный. Года прибавить придётся. Теперь по бумагам ему тридцать два будет. Шпильман Альф, с каната недавно упал, поломался. Поняла?

– Чего уж тут не понять, – сказала Арлетта.

Глава 5

На третий день пути Бенедикт сильно пожалел о своей доброте и без перерыва костерил Арлетту на четырёх языках, припоминая такие забранки, которых она прежде от него не слышала. Ночного брата искали свирепо, с особым пристрастием. У каждой деревушки повозку останавливали, осматривали, обыскивали. Дважды налетал конный патруль. Бенедикт плюнул и решил ехать с поднятым полотном. Во-первых, чтоб не портили, а то каждый так и норovit палашом рубануть, во-вторых, чтоб все видели – скрывать им нечего. Вначале Арлетта пряталась, но оказалось, что никто ею не интересуется. В конце концов, Бенедикт начал говорить смело, мол, шпильманы мы, это вот дочка, а это младший брат, весь переломанный, с каната сорвался. Арлетта изображала дурочку, ночной брат лежал в забытии, и всякий видел, что приставать с вопросами к нему бесполезно. Бумаги у них были в порядке, а в гриме никто не усомнился. Шарахались от нарисованного лишая, плевались и крестились, слышав про шпильманов, вымогали мзду, как же без этого, но пропускали. Бенедикт платил без радости, но и не споря. Арлетта тихо дивилась такой щедрости, но вопросов не задавала.

К счастью, чем дальше от столицы, тем стражники становились ленивее, а мужественные королевские гвардейцы попадались всё реже и реже, пока не перестали встречаться вовсе. Дорога тянулась сумрачными дубравами, тихими, прохладными и безлюдными. Обочины заросли жгучей крапивой или колючим непролазным малинником. Арлетта, иногда слезавшая размять ноги, старалась держаться от них подальше. Где-то за придорожной крапивой цвели ландыши, распускаясь шиповник. В сырой тишине плыли тонкие нежные запахи.

На поросших липой откосах было теплее, солнце легко пробивалось сквозь листву, слышался тихий приятный шелест. И всё время где-то по левую руку жила большая река. То чайка крикнет, то среди жаркого дня потянет прохладной сыростью, то туман поднимется, такой густой, что полотно повозки без дождя становится насквозь мокрым.

На ночлег местные не пускали, боялись разбойников, да и разорённых деревень было больше, чем живых, так что ночевали обычно в лесу, кормили комаров у костра. Бенедикт приговаривал, что дальше будет легче, мол, июнь – комару раздолье, но Арлетта не очень-то верила. В Остзее, с его болотами, протоками и каналами, комары начинались в апреле и пропадали в октябре.

За время пути ночной брат всё чаще пребывал в сознании, но не стал веселее и разговорчивее. Бенедикт, которому надоело вытаскивать его по нужде, срубил в лесу палок, сделал пару костылей, но пока они лежали без пользы. Рана вроде бы поджила, но сломанная нога срасталась плохо. Скучноватый у них оказался спутник. То молчит, как мёртвый, и едва дышит, то стонет и бормочет. То про корабль какой-то твердит, то просит чего-то отдать ему, притом поминает проклятый город Хаммельн и адского флейтиста, которого обделили наградой. Или бормочет без конца: «Отпустите... не могу больше... крысы... черви... смердит, как в могиле...» А потом помолчит и скажет, ясно так, как здоровый: «Боюсь я. Там же небо».

Арлетта слушала всё это, сидя за занавеской, потом не выдерживала, вставала, осторожно пробиралась к раненому, брала за руку. Больше ничем помочь не могла. Да может, ему от неё больше ничего и не надо было. Не в своём разуме человек. Шкура каторжная, дублёная, поджила, а сознание так и не вернулось.

Надо же, неба он боится. Арлетта, конечно, слыхала, что колдуны могут в птиц обращаться. Может, он с каким колдуном поссорился? Правда, в колдунов канатная плясунья не особенно верила. Ездили они как-то вместе с одним Великим Магом. Кхм... Как делается эта самая магия, она знала совершенно точно.

А может, может, ночной брат из Остерберга разозлил адского флейтиста? И тот, стало быть, проклял его и теперь за ним гоняется. На метле. По небу. В Хаммельне Арлетта бывала и

во флейтиста верила. Не будет же целый город о таком врать? У них, сказывают, даже памятная надпись в церкви сохраняется. Мол, плачьте и скорбите, прошёл год со днём с тех пор, как ушли наши дети. Правда, с тех пор уже триста лет миновало. А детей так и не нашли.

До Студенца добрались на десятый день. Повезло. Дорога была сухая, погода тёплая. В город Бенедикт для начала решил отправиться один. Посмотреть, как и что, заплатить при случае кому надо, проверить, нет ли собратьев по ремеслу, которые могут перебить сборы. Повозку до поры до времени загнали между поросшими травкой песчаными дюнами. Фердинанд был очень недоволен, лезть в песок не хотел, понимал, что повозку потом придётся из этого песка вытаскивать. Зато ветер с реки сдувал комаров, которые после недели в лесах изрядно всем надоели.

Надо было напоить коня. Арлетта выбралась из повозки, распрягла недовольного Фердинанда. Не дурак. Сам к воде дорогу найдёт. А может, и травки какой пощиплет, хотя трава под ногами ощущалась плохая, редкая и на ощупь жёсткая. Канатная плясунья потрепала коня по потному боку, потом вытянула из-под козел верёвку, привычно намотала на руку и пошла к шуму и плеску, пока юбку не захлестнула холодная шальная волна. Впереди чувствовался огромный, влажный, наполненный ветром простор. Далеко, еле слышно орали чайки. Похоже на море. Хотя откуда тут море. Должно быть, река широко разлилась.

Вдоль воды тянулась полоса твёрдого мокрого песка. Фиделио с радостным лаем носился по ней. Сам не знал, чего ему хочется: то ли искупаться, то ли вывалиться в песке по самые уши. Арлетта же решила поработать. Больше недели без репетиций. Того и гляди руки-ноги станут как тряпочки. А этого допускать нельзя. Шпильман должен работать всегда. Осторожно положив верёвку и для верности проткнув петлю нащупанной щепочкой, она принялась рисовать ногой на песке длинную черту. Проверила. Ровно сорок шагов. Как канат. Ещё раз прогулявшись по песчаной полосе туда-обратно и убедившись, что мелкие речные волны её не достанут, Арлетта вздохнула поглубже и принялась считать. Раз-два-три-четыре. Батман. Пируэт. Спину прямо, подбородок держать. Раз-два-три-четыре. Впрочем, просто считать ей скоро надоело. Будь полоса на песке настоящим канатом, при таком ветре работать было бы нельзя. Прыгнешь повыше и чувствуешь, как тебя уносит прочь от земли. Арлетта поддавалась ветру, закричала, как чайка, и начала танцевать так, как ей хотелось, без счёта, без всяких фигур, бросаясь в воздух, будто он и вправду мог её унести.

За такие танцы могло влететь от Бенедикта. Почему-то он не любил, когда она нарушала правила. Злился и вроде... как бы сказать... пугался, что ли. Но Бенедикта тут не было. Зато был ветер, и звук набегающих волн, и много вольного летучего воздуха. Я лист, сухой и лёгкий! Я тень птицы, дыханье ветра, я пена на гребне волн!

Когда Арлетта запыхалась и опомнилась, борозды под ногами не было. Она осторожно вытянула ногу право, влево. Нет. Кругом только ровный влажный песок, да кое-где можно нащупать следы. Её следы, перепутанные в полном беспорядке. А верёвка, между прочим, осталась как раз у начала борозды.

Потерялась.

– Фиделио! Фиделио! Иди сюда, вредный пёс!

Но Фиделио не появлялся. То ли убежал слишком далеко, то ли ветер относил её слабый голос в сторону. Свистнула, подзывая Фердинанда. Но тот тоже не откликнулся. Тишина. Можно подумать, ветер унёс её за тридевять земель.

Арлетта смирилась и села на песок. Походить, что ли, поискать, вдруг потерянная борозда сама попадётся под ноги? Но ведь так можно и забрести неизвестно куда, угодить в яму, напороться на острый сук. Повредишь ногу – не сможешь работать. А не работать нельзя. Значит, остаётся сидеть и ждать. Придёт Бенедикт и её найдёт. Так обычно всегда и бывало. Когда он придёт, неизвестно. Должно быть, не скоро. Или, может, Фиделио вернётся.

Незадачливая плясунья уселась поудобней, натянула юбку на колени и стала ждать. Кричали чайки. Шипели гонимые ветром волны.

Туп-скрип, туп-скрип, туп-скрип.

Что-то тупало сзади. Не человеческие шаги. Что-то другое. Арлетта живо представила скачущее по песку одинокое дерево. Страшную корявую иву, которая напугала её как-то в детстве. Туп-туп. Скрип-скрип. Всё ближе и ближе. В двух шагах, в шаге. Прямо за спиной.

– И-и-и!

– Эй, ты чего? – донёсся из-за спины тихий голос. Ночной брат. Поднялся. Тоже мне, нашёл время.

– Пялился?! – обличающе выпалила Арлетта, со страху позабыв про вежливость. И вправду, гад. Не только перепугал до полусмерти, но ещё и подглядывал. Видел, как она тут скакала, орала и вертелась. Ой, стыд какой!

– Я не пялился. Я смотрел.

– Чтоб на меня смотреть, люди деньги платят, – отрезала Арлетта и перепугалась ещё больше. Разве можно так с ночным братом? Но тот вроде не рассердился. Поскрипел палкой, втыкая её поглубже в песок, и сказал:

– Пойдём, назад отведу.

– Нет, – заупрямилась пристыжённая Арлетта.

Быть в повозке с ночным братом одной, без Бенедикта, вдруг показалось ей очень страшно. Кто его знает, чего у него на уме. То всё лежал, бредил как безумный, а то вылез.

– Ладно, давай тут посидим, – сказал ночной брат и уселся рядом, – люблю, когда много воды. Волны, ветер, облака бегут, тени летят. Это Студенецкий плёс. Здесь Либава впервые широко разливается.

Что-то он слишком разговорчив. И сидит слишком близко. Арлетта съёжилась и постаралась незаметно отодвинуться.

– Да что с тобой? Что ты ёрзаешь?

Заметил.

– Ничего, – буркнула Арлетта и ещё отодвинулась.

– А... – протянул опасный собеседник. – Ага. Ну и дела.

– Какие дела? – с опаской спросила Арлетта.

– Хм. В первый раз в жизни девушки от меня бегают. Обычно наоборот.

– Наоборот – это как?

– За мной.

– Дуры, – брякнула Арлетта и снова съёжилась. Смешит. Зубы заговаривает. А потом как набросится!

– Чё, я страшный такой?

– Откуда мне знать.

Ох, нельзя так с ним. Скорей бы Бенедикт пришёл.

– Может, и страшный, но детей не трогаю, – насмешливо протянул ночной брат. – Особенно при людях.

Арлетта опять не сдержалась, фыркнула ехидно. Трогал уже. Ещё как трогал. Отвлечь его как-то надо.

– Так ведь тут нет никого, – вырвалось у неё.

– Есть. За той дюной Учанские причалы. Выше Студенца большие суда не ходят. Всё на телеги да на малые лоды перегружают. Народ и днём, и ночью толчётся.

– А-а, – сказала Арлетта, выпрямилась, чинно сложила ручки, молвила надменно: – Не думайте, господин. Я вас не боюсь.

– А нельзя на ты и без господ, сиятельная госпожа Арлетта? Что я вам, ваше высочество, древний старец какой? Мне двадцать лет зимой сравнялось.

Вздыхнул и добавил:

– Трудная была зима. А у вас?

– Ничего, – вздохнула и Арлетта, – прошлая была хуже. Чуть не померли.

Лучше зиму обсуждать, чем всякие намёки выслушивать.

– А я в эту едва концы не отдал. Думал, до весны не дотяну.

«Ещё бы, – сообразила Арлетта, – на каторге небось невесело».

Посидели, помолчали, вспоминая минувшую зиму, послушали волны и ветер.

– На море иначе, – вздохнул ночной брат, – звук другой. Там волны выше и реже. Море... Жаль только, вода холодна.

С такой тоской протянул это «мо-оре», что Арлетте даже жалко его стало. Может, и ничего, не такой уж он страшный. Говорит разумно, рук пока не тянет. Может, если болтать о чём попало, отвлечётся и забудется.

– А мы на тёплом море бывали, – рискнула похвастаться она, – скоро опять поедem. Бенедикт обещал, это лето проработаем и купим домик. Небольшой, но чтоб у меня отдельная спальня, у Фердинанда конюшня тёплая...

– А у Фиделио конура?

Дура. Болтать тоже надо умеючи. Чужому секрет выдала. Теперь дознается, где они деньги держат, и прости-прощай заветные мечты. Против той суммы, что у них скопилась, устоять трудно.

– Насмехаешься?

– Вовсе нет, – сказал ночной брат, – Фиделио заслужил роскошную конуру. С резными колоннами, меховой подстилкой и именной мисочкой.

Неожиданно для себя Арлетта хихикнула.

– Ничего он не заслужил. Он бездарь. Ничего не умеет. Только шапку носить.

– Правда, что ли? А глаза такие умные-умные.

– Я его в Остзее в луже нашла. Он там скулил, а дело было зимой. Мы с Бенедиктом думали – маленькая собачка, много не съест, повяжем розовый бантик, будет у нас через обруч прыгать, польку танцевать. Публика это любит. А выросло вон что.

– Гав! – сообщил неведомо откуда набежавший Фиделио. А потом вдруг напрягся, ощетинился и добавил: – Р-р-р-р-гав.

– Тихо, – прикрикнул ночной брат.

– Люди идут, – сказала Арлетта. – Большие. Сильные. Много. Говорят громко.

Шум голосов и шаги по песку, несмотря на ветер, были слышны очень отчётливо.

– Вижу, – выплюнул ночной брат, – не повезло.

– А что? – встревожилась Арлетта.

– Это не люди. Это ватага.

– Нелюди? Мертвецы ходячие? Волколаки?

– Да нет, люди, конечно. Очень даже живые. Лоды вверх по реке бечевой таскают. Вверх таскают, а когда эта же лодья с новым грузом вниз идёт, бывает, и грабят. А бывает, одну ватагу охранять груз нанимают, чтоб другие не ограбили.

– Разбойники, – догадалась Арлетта.

– Вроде того. По мне, лучше уж волколаки. По-

хорошему, бежать надо, да ты без меня далеко не убежишь. А из меня сейчас бегун, как из козла танцовщица. Это они расчёт получили. На пристани праздновать начали, а щас добавлять будут.

– Прямо здесь?

– Это их место. Я ещё раньше старое костровище приметил, да думал – пронесёт.

– Ты же ночной брат. Вроде свой.

– Это я в Остерберге свой. А здесь я никто и звать меня никак. Сидеть!

Слепая плясунья все-таки дёрнулась бежать, но её крепко схватили за руку, основательно придавили, усаживая на место. И откуда только силы взялись у такого покалеченного.

– Я драться умею, – выпалила Арлетта.

– Знаю. Плохо умеешь. Сидеть. Молчать. Делать то же, что и я. Я встал – ты встаёшь. Я иду – ты со мной.

– Может, не заметят?

– Заметили уже.

И верно. Фиделио захлёбывался лаем так, что не заметить его было трудно.

– Ох ты, да у нас гости!

Их было много, больше десятка. Между ветром и Арлеттой встала целая стена перегара и крепкого мужского пота. Надо всем этим витал неистребимый чесночный дух. От обступивших их ватажников несло тем градусом пьянки, когда тело наполняется неуёмной развесёлой силушкой и непременно хочется что-нибудь своротить: каменные горы, трактирную стойку или, в крайнем случае, скулу соседа.

Арлетта сделала глупое лицо и поплотнее прижалась к ночному брату, чувствуя, как сведены его мышцы. Тоже боится.

– Ты кто таков, гостенёк дорогой?

– Чего тут забыл?

– Незванный гость хуже белого свая.

– Чего вынюхиваешь, рыжая морда?

– Скоморохи мы, – робко и почтительно разъяснил ночной брат, едва не придушив рычащего Фиделио, чтобы тот, наконец, заткнулся и не раздражал и без того сердитых ватажников.

– Повозка твоя?

– Да.

– Серебро-золото везёшь? Рюха, иди, проверь.

– Щас проверим. Это мы запросто.

– Зря проходите, – уныло протянул ночной брат.

– Чего так?

– Подают плохо.

– Ой, врешь, ой, врешь, рыжая морда.

– Так ведь я, господа хорошие, изволите видеть, весь в лубках. Поломался. Работать не могу.

Говорит медленно, через силу, будто камни ворочает. Правда, что ли, плохо ему? Или прикидывается?

Неподалёку послышался треск раскаляемого дерева. Потянуло дымком. Должно быть, ватажники ладили костёр из плавника. Но большинство, чуяла Арлетта, сгрудилось вокруг. Известное дело, поиграть с живым человеком – лучше забавы нет.

– Да какой он скоморох. Зуб даю, соглядатай!

– Точно, от Верхолы подослан!

– Не знаю никакого Верхолы, – попытался защищаться ночной брат, но ватажники не желали так просто лишиться развлечения.

– Так, говоришь, скоморох? А где твой медведь?

– Сдох от бескормицы. Одна собачка осталась.

– Ого. Такая собачка сама как медведь

– Ну-ка, ну-ка, покажи, скоморох, чего умеешь.

«Ой, плохо дело», – подумала Арлетта. Ночной брат, возможно, умел обращаться с рас-секухой, отмычкой и кастетом, но жонглировать ножами или хотя бы шарами не умел навер-няка.

– Точно, пляши давай или пой.

– Петь не умею, – вздохнул ночной брат, – а плясать не могу. Ноги не ходят.

Арлетта дёрнулась встать. Придётся-таки сплясать перед этими. Но опять не позволили, притиснули к себе крепко, до боли.

– Говорю же, соглядатай подосланный!

– Сам не могу, – спокойно продолжал ночной брат, – разве что собачка моя... Фиделио, умри.

К полному изумлению Арлетты, последовало падение на песок тяжёлого тела и радост-ный гогот.

– Гы, Хвиделия. Вот наградили собачку именем.

– Чужеземное. По-нашему означает «Верный до гроба».

– Ишь ты, верный. Такой-то фокус и моя Жучка знает.

– Фиделио, оживи. Покажи, как прекрасная дама променаж делает.

В лицо Арлетте полетел песок. Должно быть, перед променажем Фиделио решил как следует отряхнуться. А затем, судя по смеху полупочтенной публики, совершил то, чего от него не могли добиться с глупых щенячьих лет: пошёл на задних лапах, вертя во все стороны пышным косматым хвостом.

– А теперь бал! – объявил ночной брат. – Прекрасная дама танцует менуэт.

Засвистел он, правда, что-то вроде деревенской польки, и Арлетта впервые за много лет всерьёз пожалела, что ничего не видит. Ватажники подбадривали пса радостными выкриками, а потом стали подхлопывать и подсвистывать. Похоже, Фиделио плясал. Да ещё как, от души.

– Финита! – объявил ночной брат. – Дама утомилась.

Фиделио с облегчением плюхнулся на все четыре и кинулся под бок к Арлетте. Видно, совершённый подвиг потряс его самого.

– Собачка учёная, – одобрил кто-то особенно въедливый, – а сам-то ты чего можешь?

– Отстань от парня. У него в повозке и вправду ни копыя. Сухой корки нет, не то что денег.

Арлетте немного полегчало. Деньги, драгоценное сокровище, скопленное трудом многих лет, так и не нашли. Прятать Бенедикт умел.

– Не-ет, – сказали в толпе с пьяным упорством, – п-пусть докажет. Скоморошину какую-нить з-загнёт или ещё чего.

– Ладно, – согласился ночной брат, – костей игральных ни у кого нету?

– Есть, как не быть, – загремели в деревянном стаканчике извлечённые на свет кости.

– Значит, так, – принялся распоряжаться ночной брат, – ты кидаешь, вы глядите, что выпало. Только мне не говорите и не показывайте. Бросайте.

– Ну. И чё?

– Десять.

– Гы. Верно. А ну, давай ещё!

– Теперь семь.

– Точно! Ещё!

– О, а теперь чё-то счастье, двенадцать выпало.

– Э, парень, да ты колдун.

– Не-а. Это скоморошья наука. По глазам читаю.

– А наоборот можешь?

– Это как?

– Ну, заранее сказать, чего выпадет?

– Не, этак не могу. Мог бы, не сидел бы тут голодный и переломанный.

– Так пошли к костру.

– Мы тя и Хвиделию твою и накормим, и напоим.

– Спасибо, добрые господа, только пить с вами я не могу.

– Чего так?

– Брезгуешь, рыжая морда?

– Как можно. Я бы с радостью. Да только когда ноги поломал, тогда и головой треснул.

Лекарь сказал – год не пить, а то помру. Неохота мне в такие лета помирать. А сидеть, на вас глядеть – мне завидно будет. Могу не стерпеть.

– Это верно, – прониклись сочувствием ватажники, – утерпеть трудно.

– Помирать тебе рановато.

– Да ладно, врут эти лекаря.

– А если не врут? Нет, добрые господа, я лучше спать пойду. Оно хоть и трудно на голодный желудок, зато безопасно.

– На-ка вот, держи за представление.

Рядом с Арлеттой остро запахло перцем и огурцами.

А потом они ушли. Все. Снова впереди не было ничего, кроме широкой воды.

– Держи.

В руки сунули полкраюхи хлеба, толстый скользкий шмат сала, который она едва не уронила на песок, и пару крепких шершавых огурчиков.

– Встаём и уходим. Руки у меня костылями заняты. За рубаху хватайся.

– А здорово я дурочкой прикинулась? Никто даже не думал приставать.

– Здорово. Молодец, – выдохнул ночной брат, будто тяжесть какую с плеч сбросил. – А теперь пошли.

Цепляясь за него, спотыкаясь и застревая в остывшем к вечеру песке, Арлетта с грехом пополам доковыляла до повозки и с облегчением нырнула внутрь.

– Фу... Всё!

– Нет. Не всё, – твёрдо сказал ночной брат. В повозку не полез, хотя дышал сквозь стиснутые зубы, явно стараясь не стонать. – Коня позови.

Умный Фердинанд был приучен приходить на свист и никогда слишком не удалялся от повозки, полагая, что за ней надо присматривать.

– Запрягаем! Живо! – скомандовал ночной брат и принялся помогать Арлетте так сноровисто, будто вырос в крестьянской семье.

– А Бенедикт? – спохватилась Арлетта, когда Фердинанд, сердитое фырканье которого должно было означать: «Ну вот, я же говорил», потянул повозку из вязких прибрежных песков.

– Стой! Никуда я не поеду!

Она попыталась вырвать у ночного брата вожжи.

– Поедешь! – отрезал ночной брат. – Ждать, пока они совсем перепьются и снова сюда полезут, я не буду. Здесь одна дорога, мимо пристаней. Подберём его по пути или найдём в городе.

Фердинанд, предатель, не послушался. Даже не подумал остановиться. Арлетта не знала, за что приняться, то ли ругать ночного брата за самоуправство, то ли благодарить за спасение.

– А ты почём знаешь, куда дорога?

– Так я ж здешний, не то что ты, Хвиделия заграничная.

Арлетта засмеялась и тоже пристроилась на козлах. Вдалеке орали ватажники, ветер дул уже холодный, ночной, тревожный, и Бенедикт слонялся неизвестно где, а ночной брат за про-

шедшие часы не перестал быть смертельно опасным ночным братом, но почему-то ей не было страшно. Совсем.

– Как ты этот фокус с костями провернул?

– Да ерунда. У них, и правда, всё на лице написано. Губами шевелят, когда считают. Бенедикту только не говори. Это я за деньги показывать не буду. Не хочу, чтоб меня запомнили.

– А почему Фиделио тебя слушается, а меня – нет?

– Умный пёс. Ещё не хватало тебя слушаться.

Глава 6

Бенедикт был настроен мрачно. Вечером на тёмной дороге узнал его, конечно, Фердинанд и остановился вовремя. Так что старый шпильман даже не ругался.

– О, – неприветливо сказал он, – ожил есть. Так вот. Мне наплюнуть и вытереть, чего ты там творить, отчего тебя не только городская стража, вся королевская гвардия изловить хочет. Но если дочку мою троньешь – зубами на мелкий кусок порву. А так... живи как знаешь, не моё дело. Оставим тебя в Студенце, и всё, квит.

– А вообще куда едете?

– Куда дорога ведёт.

– Возьмите меня с собой.

Бенедикт закашлялся.

– Прости, господин хороший, импосибль. Найн. Спутник ты есть опасный.

– Я заплачу. Золотом. Всё, что есть, отдам.

– Гелд? Какое гелд? Не было при тебе ничего.

– Бенедикт! – возмутилась Арлетта.

Суму покалеченного ночного брата она не проверила, но, верно, там что-то было. И всё, что было, благополучно перекочевало в тайник. Но всё же они шпильманы, не воры. Подобрать, что на дороге плохо лежит, может, и не грех, но отбирать у своего, да ещё и беспомощного?

– Да куда тебе надо? – слегка устыдился старый фигляр.

В ответ получил лишь усталое молчание и только потом тихий, растерянный ответ:

– А пёс его знает.

– Хы. Так сильно головой ударить? Забыл куда ехал?

– Не забыл. Домой.

– Дело хорошее. А дом-то у тебя где? Это помнишь?

– На севере.

– Так тебе с нами не по пути. Эта дорога на юг.

– Южная дорога ведёт в Липовец.

– Дальеко есть?

– Если считать от столицы – триста вёрст. Лигами – двести восемьдесят.

– И там есть что?

– Большой город. Порт. Корабли в чужие края уходят.

– Заработать сможем?

– Ещё как сможете. А потом и уплыть куда пожелаете. И я бы, может, тоже...

– Что?

– Тоже с вами... В чужие края...

Ну, ясно, за море сбежать хочет. Подальше от здешней стражи. Бенедикт хмыкнул.

– Вон как. Умные люди в столицу на Купальский ярмарка, а мы за триста вёрст киселья нахлебать.

– Возьмёте меня, – выговорил ночной брат неожиданно твёрдым голосом, – в Липовце получите ещё столько же, сколько при мне было. Или даже вдвое.

– О-у? – усомнился Бенедикт.

– У меня там... э... родня. Я ж из хорошей семьи. Высокого рода. В столицу меня учиться отправили.

– Видать, ты, господин, не тому учился.

– Ох, не тому. Так возьмёте?

Бенедикт помолчал, производя в уме сложные подсчёты. Видно, золота при ночном брате было много. Точно, ограбил кого-то и со своими делиться не захотел. Вот они его и того, вразумили по-своему.

– А не обманьешь? Клятва?

– Вот, гляди, крест на том целую.

– Не, ты, господин, давай по-вашему. Как там у ночных братьев положено?

– Век воли не видать.

– Нет. Веры тебе никакой нет. Ты уж давай по-настоящему, как у вас между своими заведено. Как там есть? На морье-океяне...

– Ладно. На море-окияне сидит вошь на аркане, сидит в дыре, на камне-алатыре. Слово моё крепко, слово моё твёрдо. Кто тот камень сгложет, тот клятву мою переможет.

– Вот-вот. Это есть правильно. А расписку после напишешь. Грамотный?

– Да. Напишу.

– Договорились, – отрубил Бенедикт.

– А ты клятвы не дал, – хмуро сказала Арлетта. Не очень-то верила, что обещанные деньги удержат Бенедикта от соблазна получить награду за беглого. И тогда выйдет, что она, Арлетта, во всём виновата. Может, лучше было бы бросить ночного брата там, на дороге.

В Студенце дела были не слишком хороши. Городское начальство мзду приняло охотно, настоящего ночного братства в городе не имелось, толпы гвардейцев, горящих желанием изловить беглого преступника, тоже. Торг большой, каждый день, от восхода до заката. Вроде бы работой, сколько хочешь. А канат повесить некуда. Вместо стен – тын из заострённых кольев. Высоких деревьев нет. Домишки кругом маленькие, в один этаж, редко где светёлка или, по-фряжски, мансарда. Не к церкви же его цеплять? Этого, ясное дело, никто не позволит.

– Работаем партер? – спросила Арлетта.

– Нон, чьюма болотная, – выругался Бенедикт, – перш.

Арлетте сделалось его жалко. Перш он ненавидел. Но делать нечего. Одним партером много не заработаешь, а они уже неделю без дохода живут, если не считать денег ночного брата. Но золото Бенедикт припрятал сразу. Если ночной брат и всё остальное честно заплатит, в Липовце наступит конец их странствиям. Однако и до Липовца надо что-то есть.

– Не бойся, – сказала она, – я не ошибусь.

Но Бенедикт в утешениях не нуждался.

– Эх, музык бы нам, – бормотал он, отыскивая в сундуке пояс с петлёй для перша, – ля музык сердца смягчить, кошели развязывать. Эй, господин честный странник, ты на чём-нибудь играть умеешь? В благородных семействах, я слышал, учат. Тебя учить?

– А как же, – томно, по-благородному растягивая слова, отвечал ночной брат, – на клавикордах. Господин учитель об меня три указки сломать изволили.

– Вот что значит высокое воспитание, – хмыкнул Бенедикт.

– Клавикордов в кустах для вас, господин, не припасли, – съехидничала Арлетта. – получите бубен.

– Ого! – сказал ночной брат.

Бубен у них был старинный, украшенный медными фигурками пляшущих шпильманов, которые Арлетта очень любила ощупывать, когда была помладше, и двенадцатью колокольчиками. От дедушки остался. Кожу Бенедикт дважды перетягивал, но ведь не в коже дело.

– Когда народ собирать надо будет – стучишь вот так. Трам. Трам. Трам. Когда она наверх полезет, тогда вот так, якобы тревогу бьёшь. Поньял?

– Понял, – сказал ночной брат и завожился перед зеркалом, подновляя осыпавшиеся веснушки.

Бенедикт, кряхтя, вытащил уложенные во всю длину повозки две части трёхсаженного составного шеста и тонкую поперечную перекладину.

На перше Арлетта работать не любила. Нет, она не боялась, но уж очень уставали руки. Да и работать в одном трико стеснялась. Одно хорошо – считать не надо. Знай, повторяй подряд одно за другим. Быстро вскарабкалась на шест, стараясь делать это, как учил Бенедикт, красиво и изящно, будто ящерица или змейка. Уцепилась за перекладину, раскачалась, вышла в стойку на руках, вытянулась стрелой, устремлённой в небо, свернулась в кольцо, так что пальцы босых ног коснулись волос на затылке, разогнулась, повисла на согнутых ногах, чтоб немного передохнуть. Она чувствовала, как тяжело переступает Бенедикт, ловя равновесие, и сама старалась двигаться в такт, чтоб ему было полегче. Хорошо помогал ночной брат с бубном, ловко поймавший их общий ритм. Арлетта, ясное дело, не видела его, но знала, он устроился прямо на земле в очерченном Бенедиктом круге, положив рядом свои костыли. Зазорно, должно быть, ночному брату, да ещё благородному. Конечно, чего не сделаешь для спасения жизни, но всё равно зазорно. Стыдно глаза поднять.

Надо продолжать. Хватит болтаться, как бельё на верёвке. Полагалось ещё немного попугать публику, как всегда, сделать вид, что падаешь. Но, по молчаливому уговору с Бенедиктом, на перше она этого не делала. Ему и так тяжело. Тяжёлой была не столько Арлетта, сколько перш, надёжно упирившийся в особый карман на кожаном поясе. Нижнему полагалось ещё и прохаживаться туда-сюда, удивляя публику чудесами баланса. Но после ошибки Альфа Бенедикт этого тоже не делал. Никогда.

Арлетта старалась за двоих. Внизу то и дело ахали и охали. Это было приятно.

Кажется, всё. Теперь соскользнуть по шесту на плечи Бенедикта, сальто назад и можно отдыхать. Потом Фиделио ходил со шляпой и даже становился на задние лапы. Потом немного покидали шары и снова на шест. И так целый день до закрытия торга. К концу Арлетта двигалась уже как варёная. Еле дошла до повозки, цепляясь за потную руку Бенедикта.

Забравшись в повозку, подсчитали выручку.

– Неплохо, – сказал Бенедикт, сыпая всё в кошель, – Арлетт, ужин.

– Попрошу мою долю, – внезапно заявил ночной брат.

– Что?

– Я работал. На треть дохода не претендую, но десятая часть моя.

– Тебя даром кормили. Целый неделя.

Арлетта хмыкнула. То, что съел ночной брат за эту неделю, легко поместилось бы в одной ложке.

– Не даром, – не растерялся ночной брат. – За всё заплачено, а на остальное долговая расписка имеется. А что я на вас работать буду, мы не договаривались. Пса вашего тоже я обучил. Но за это, так уж и быть, ни гроша не возьму. Пользуйтесь.

– Да на что тебе деньги?

– В трактир пойду. Ужинать.

– Лишний расход. Ужин Арлетт делать.

– Ага. – Арлетта, переодевшись, выскользнула из-за занавески, с жадностью припала к ковшу с водой, остатки плеснула в лицо. Лизнула стёртую ладонь. Пол немного качался, будто она до сих пор висела наверху.

– Нечего на трактир тратиться. Я сейчас.

– Я угощаю, – сказал ночной брат.

– О, так, – протянул Бенедикт, – в трактир так в трактир.

Пошли и Фиделио с собой прихватили. Пёс вёл себя тихо, деликатно забился под стол, и Арлетта поставила усталые ноги на его мягкий бок. За общий стол их не пустили. Шпильманы за общим столом сидеть недостойны. Но терять доход трактирщику не хотелось, и потому нарочно для них из кухни вынесли козлы для рубки мяса, для красоты накрытые рогожкой, поставили возле кухонной занавески, из-за которой несло горелым маслом и кислой капустой. Прислуживать прислали кухонного мальчишку, от которого ощутимо пованивало старыми сальными тряпками. Зато еду он принёс знатную. Давненько Арлетта такого не ела. Они с Бенедиктом берегли каждый грош. Всё на дом копили. Но ночной брат деньги жалеть явно не привык. Они ведь, ночные братья эти, живут просто. Чужое добро, легко пришло, легко ушло. Поэтому на ужин Арлетте достались мясные щи, густые, аж ложка стоит, и каша печёная с маслом, и огромный пирог с яйцом и луком. На середине пирога она поняла, что сыта, но нельзя же упускать такой случай.

– Ты ешь, ешь, – хмыкнул ночной брат, заметив её неравную борьбу с пирогом, – если всё время не есть, знаешь, чего будет?

– Чего? – сквозь яйцо и лук спросила Арлетта.

– Обязательно помрёшь. Точно-точно. Мне знакомый медикус рассказывал.

– Что-то ты развеселился, господин, – пробурчал Бенедикт.

– Ну как же. Впервые в жизни честным трудом заработал. Ещё пирожок?

– Хватит, – сказал Бенедикт, – отъестся, я её не удержу.

– Спасибо. Я сыта, – сейчас же вспомнила про хорошие манеры Арлетта.

Трактирный гул накатывал волнами, то усиливаясь, то спадая. Лавка качалась, как пол повозки. Канатная плясунья искала, куда бы пристроить тяжёлую голову, пристроила и сразу ослабела. Как хорошо быть маленькой, ничего не бояться, ни за что не отвечать и прятаться от всех бед, уткнувшись в широкое плечо Бенедикта.

Бац!

– Ваше пиво, господин! А даме горячего сбитню, как заказывали.

Арлетта встрепенулась. Бенедикта рядом не было. А голова её, похоже, мирно лежала на костлявом плече ночного брата. Только от него так странно пахнет.

– Ой! – пискнула она и сейчас же отодвинулась. Ночной брат ничего не сказал, как будто и не заметил. Есть она рядом, нет её – никакой разницы.

– Персону рассматриваете, господин? – прогнусавил мальчишка-подавальщик.

– Интересная персона, – лениво отозвался ночной брат, – откуда она у вас?

– Сам господин Верхола давеча повесил.

– А кто у нас господин Верхола?

– Дык начальник городской стражи. У вас, говорит, трактир большой, в нижнем городе самый лучший. Народу бывает много, всё больше приезжие. Вдруг узнает кто. Или сам преступник к нам забредёт. Всем половым приказано следить и приглядываться. Вот наши и приглядываются. Награда-то большая.

– М-да. Две сотни монет. Немало. Но только за живого. При аресте обращаться бережно, вреда не чинить.

– Чё? Правда, так написано?

– Ага. Вот я и думаю. Ежели он такой страшный преступник, что за него две сотни дают, отчего же брать живым и вреда не чинить?

– Пытать будут. Вызвать чего-то хотят. Небось он сокровище какое украл да спрятал.
– Вот оно что, – протянул ночной брат. Спокойный такой. Будто не о нём речь.
– А ещё у нас болтают, он её высочество принцессу украсть хотел. А другие говорят, самого наследника.

– Хм. Принцесса – это я понимаю. По слухам, она красавица. А наследник престола ему зачем?

– Енто политика, – солидно заметил мальчишка. – Не нашего ума дело. Рассчитываться будете, господин скоморох?

– Вот, получи. А это сверху, ежели от скомороха принять не побрезгуешь.

– Деньги не пахнут, – серьёзно ответил мальчишка.

– Где Бенедикт? – спросила Арлетта.

– Ушёл. Сказал – дела.

В руки Арлетте сунули тёплую кружку.

– На, попей горяченького. Как думаешь, какие у него дела?

– Мужские, – уклончиво ответила Арлетта. – Мы с ним давно договорились, я ещё совсем несмышлёныш была. Он уходит по делам, а я не боюсь, не плачу, сижу, жду.

– Поня-атно, – сказал ночной брат. Нехорошо так сказал, ехидно.

Но спорить, защищать Бенедикта Арлетта не стала. Не годится постороннего в их дела посвящать. Чинно встала, отряхнула юбку, чтоб не осталось крошек. Пихнула ногой Фиделию, дремавшего под столом в обнимку с громадным мослом.

– Надо идти спать. Завтра с утра работать.

– Надо, – согласился ночной брат. – Вот, держи, я тут пирогов набрал, чтоб с завтраком не возиться.

– Всю свою долю зараз потратил, – осудила Арлетта.

– Ничего. Будет надо – ещё добудем.

Ну ясно, ночной брат. Что с него взять. Деньги у них лёгкие, а страха и вовсе нет.

– Воровать пойдёшь? – прошептала она. Трактирную залу они уже покинули, но громко обсуждать такие вещи не стоило даже в пустом дворе, – на костылях много не наворуешь.

– Что я, дурак? – обиделся ночной брат. – Из-за такой мелочи страже попасться. Рисковать, так уж по-крупному.

Хромой вёл слепого довольно долго, но, в конце концов, дошли до повозки, влезли наверх. Спать Арлетте почему-то расхотелось. По привычке решила посидеть на козлах. И зря. Рядом на доске тут же уселся ночной брат. Завозился, пристраивая поудобнее больную ногу. И чего ему надо? Арлетта съежилась, соображая, успеет ли быстро вскарабкаться на крышу повозки. Туда-то ему точно не залезть.

– Хорошо, – сказал ночной брат, – над холмом звёзды, на холме, в Верхнем городе огоньки. Луна выползает из-за колокольні.

Ударил колокол в городских часах. Семь... восемь... девять. Издали донёсся треск, резкое деревянное постукивание.

– Трещотки трещат. Значит, стража ходит. Не боишься? – ехидно спросила Арлетта. Может, испугается и уйдёт?

– Нет. Не боюсь. Слыхала же – брать живым, и даже бить воспрещается. Только я живым не дамся.

Сказал и замолчал. Надолго.

– Да что ж ты такое натворил? – не выдержала Арлетта. Нельзя, никак нельзя у ночного брата такое спрашивать, но уж очень припекло любопытство.

– Королевскую сокровищницу обокрал? Фальшивую монету гнали?

– Нет.

– Человека убил?

– Хуже.

– Стражника?

– Ещё хуже.

Арлетта даже рот приоткрыла в ожидании. Ничего хуже и опасней убийства стражников она придумать не смогла. Но ночной брат ожиданий не оправдал. Только и сказал:

– Век теперь не отмоюсь.

И замолчал снова.

Должно быть, любовался на луну и звёзды. Но Арлетта звёзд не видела, а любопытство грызло и кусалось, как оса в волосах.

– От чего не отмоешься?

– Доверяли мне. А я... слабаком я оказался, бабочка.

«Своих, значит, предал, – разочарованно подумала Арлетта, – тогда понятно, почему он в бегах. Хотя нет, опять ничего не понятно».

– Ерунда, – заявила она, – если бы ты своих предал, тебя бы не стража ловила, а совсем даже наоборот.

– Пусть лучше стража. Ночные братья меня бы давно нашли.

– Но всё-таки, что же? Что?

– Принцессу совратил и наследника престола хотел похитить.

– Да ну тебя, – разозлилась Арлетта.

Фыркнула и в один мах взлетела на крышу повозки. Принцесса в него влюбилась. Ах-ох. Па-адумаешь, красавчик на костылях.

Глава 7

В Студенце проработали четыре дня. Арлетта набила мозоли, ползая вверх-вниз по шесту. Подавали хорошо. Фиделио забавлял публику своими открывшимися талантами, ночной брат исправно стучал в бубен. Его жалели, часто бросали монетки к покалеченным, перевязанным ногам. Молодец Бенедикт, мастер гримировки. Даже из отпетого душегуба ухитрился сделать несчастную сиротку. Милостыню отпетый душегуб своей не считал, всё честно, до грошика, отдавал Бенедикту. Должно быть, жить подаванием ночному брату зазорно. Зато и долю свою от общего дохода брал без стеснения. Вроде бы это не милостыня уже, а заработанное. Хотя работать ночным братьям тоже как будто не полагается. В общем, Арлетта совсем запуталась.

На другой день в трактир не пошли. Такого расточительства Арлетта допустить не могла. Зато после работы, когда торг закрывался и продавцы норовили спустить остатки подвявшего, подпортившегося за день товара, собралась за покупками. Конечно, в незнакомом месте требовался поводырь.

– Фиделио!

– Куда это ты? – влез не в своё дело ночной брат.

– Пройдусь по рядам, возьму того-сего для ужина.

– Разбежалась, смотри, не споткнись. Я с тобой.

– С чего вдруг? Боишься, украдут меня?

– Боюсь, гнильё всучат. Не хочу жрать что попало.

Арлетта обиделась. Мясо или, там, ветчину с душиком, творог кислый, сыр плесневелый она бы почуяла. Но вот сколько того мяса кладут по широкой торговой совести да сколько в нём костей, определить не могла.

Так что пошли втроём. С одной стороны толкался лохматый Фиделио, с другой, опираясь на Арлеттино тощее плечо, ковылял ночной брат. В любую минуту его мог кто-нибудь опознать. Бенедикт сказал, что персоны висят по всему городу. Но тому было вроде на всё плевать. Ночные братья, они такие, ничего не боятся.

Польза от него, конечно, была. Торговаться с таким, здоровым и наглым, совсем не то что со слепой девчонкой.

– Эй, тётка, ты чего кладёшь! Такую редиску сама грызи, если зубы целы. Она у тебя что, с прошлого года в земле зимовала? Ты вот этот пучок давай. Вот. Совсем другое дело. Маленькие, крепенькие, посмотреть приятно.

М-да. На нюх такое не определишь.

– Как это мясо не по карману? Это смотря где и сколько брать. А ну, пошли в мясной ряд. Пришлось идти. А там новое веселье.

– Не, синих птиц я не ем. И вообще, это кура или кошка? Что-то шерсть у неё.

– Заткнись, охальник! Не для того я птицу щипала, что бы ты...

– Понял-понял. Не кошка. Крыска. Жирная какая! В амбаре ловили?

– Которую тебе? Вот эту? На, подавись. Себе в убыток отдаю.

– Р-р-р! – вступил в беседу Фиделио, радостно приносивший к редкой птице курице.

– Глянь, Хвиделия!

Арлетта вздрогнула. Голоса повстречавшихся на берегу ватажников до сих пор были ей памятны.

– Эй, скоморох, как тебя тут в городе встречают-привечают?

– Не жалуюсь.

– Ну, гляжу, на еду заработал. Эт правильна. А то тощий – смотреть страшно.

– Хм. И девку где-то раздобыл.

– Откуда такая? Раньше я её что-то не видал.

– Из наших, – коротко бросил ночной брат и тайком подтолкнул Арлетту, чтоб шла дальше, – прощения просим, добрые господа. Вы, я смотрю, уже и сыты, и пьяны, а у меня в брюхе свистит.

Арлетта благоразумно послушалась, пошла и вдруг споткнулась.

– Как это он меня не видал? У меня на голоса память цепкая. Тогда на берегу этот больше всех разорялся.

– Пьяный был, – разумно разъяснил ночной брат, – в таком виде что девица, что пень придорожный – всё едино.

– Ага, – согласилась Арлетта. Какая-то странность в этом была. Вроде бы не такие уж они были пьяные, чтоб девицу в упор не заметить. На ногах стояли. Да, впрочем, какая разница. Хорошо, что сейчас ночной брат за ней потащился. А то и пристать могли.

– Пошли, пошли, – не дал ей задумываться ночной брат, надавив на плечо и разворачивая в нужную сторону. Ещё и коленом сзади подправил, благо сломанная нога удобно согнута.

– Куда ещё? – воспротивилась Арлетта. – Более ничего не надо.

– Ну как же. А сладкое? Пастилы хочешь?

– Нет, – стиснув зубы, отвернулась Арлетта.

– Не хочешь? А крендель на палочке?

– Нет.

Какое там сладкое. Каждый лишний грошик уходил в копилочку, приближал время, когда у них, наконец, будет дом.

– Ну а я хочу, – заявил ночной брат. – Страсть как люблю сладкое. Как это у вас в Остзее говорят... О! Сладкий зуб.

Арлетта фыркнула. Ночной брат со сладким зубом. Пастилу обожает. Кренделёчки трескает.

Но сама от предложенного лакомства отказаться не смогла. Жеманно оттопырив мизинчик, взяла за занозистую сосновую палочку. Есть изо всех сил старалась деликатно, помнить, что приличные дамы всё сразу в рот не запихивают и пальцы от сахарной пудры не облизывают, хотя и очень хочется.

Воротившись с торго, пошла собирать щепки для жаровни. Поленницу, прогулявшись вдоль задней стены трактира, отыскала легко. Дрова кололи недавно, щепок вокруг колоды валялось много. Даже ощупью набирать нетрудно. Хозяева трактиров против такого обычно не возражали. Попадались, конечно, особо жадные, но редко. В этот раз не повезло. Пришла расплата за приятную прогулку и крендель на палочке. Руку, осторожно шарившую по земле, со вкусом припечатала крепкая подошва.

– Чё тут лазаешь, рвань? Дрова крадёшь?

Не хозяин, хозяйский сын. Голос хриловатый, но ещё тонкий. Может, получится договориться?

– Я не дрова, добрый господин, я щепочки.

– Ха, она ещё и разговаривает.

Не один пацан, а, судя по шагам, человек пять, окружили и просто так не выпустят. Руку бы выдернуть. Ох, больно-то как. Рука нужна здоровой. Без руки работать на перше никак невозможно.

– Весело у вас тут.

Ночной брат. Откуда взялся? Вроде отдыхать хотел. Зря это он. Сейчас сшибут с ногда по больному добавят.

– А ты кто такой?

– Гы! Скоморох вшивый!

– Сопелка гугнивая! Ой!

Рука получила свободу.

– А-а-а-а!

Любители поглумиться над скоморохами унеслись, громко топая и не слишком выбирая дорогу.

– Чем ты их? – поднимаясь, спросила Арлетта, – смотри, пожалуются, нам же хуже будет.

– На что пожалуются? – притворно изумился ночной брат. – Я их пальцем не тронул.

Ну ещё бы, небось такому, как он, достаточно глянуть, да, может, нож показать, чтоб любая шелупонь разбежалась. А приятно, когда за тебя заступаются. Правда, Бенедикт всегда твердил, что надо быть сильной, уметь защищаться самой. стыдно. Нечего тут раскисать. Ужин готовить надо.

В общем, ночной брат спутником оказался полезным и был возведён в звание постоянного кавалера. С тех пор ходил с Арлеттой, посматривал, чтоб не обманывали слишком уж нагло. На свои деньги прикупал мяса, яиц и обязательно сладкого. Избалованный. Сразу видно, белая кость.

Потом Арлетта готовила ужин, усталый Бенедикт валялся на тюфяке, а ночной брат посиживал на козлах, насвистывал знакомые песенки, из тех, что были в чести на Соломенном торгу, рассказывал Арлетте, что творится вокруг, кто мимо ходит, чего несёт. Получалось у него смешно и складно. Арлетта старалась сохранять солидность, но в конце концов всё-таки хихикала как дурочка. Язык у ночного брата оказался острый.

Поужинав, Бенедикт бурчал что-то про дела и уходил, а Арлетта поневоле оставалась одна с ночным братом. Будь у него обе ноги, тоже, наверно, ушёл бы. К девкам или ещё куда. А так, видно от большой скуки, коротал вечера с Арлеттой, которая, от греха подальше, всегда взбиралась на крышу. Кто его знает, чего ночному брату в голову стукнет. Но вести разговоры это не мешало. Новоявленный кавалер с Фиделио ютились на козлах, она, свесив к ним голову, валялась на упругом полотнище. Лишь Фердинанд скучал в одиночестве на конюшне, но, если б мог, непременно присоединился бы.

– А Бенедикт тебе настоящий отец?

Скажи «да» и заткнись. Какое ему дело до семейства Арлетты.

– Да.

Но заткнуться не получилось. Даже язык прикусила. Не помогло.

– Раньше у нас большая семья была. Знаменитая. Семья Астлей. Главным мой дед был, Эдди Астлей, человек-китоврас. Его все шпильманы знали.

– Ух ты, знаешь, что такое китоврас?

– Ну да, это лошадь такая.

– Не совсем лошадь.

– Лошадь-лошадь. Только очень умная. Как человек. Семья наша на лошадях работала. Дядя Альф и тётя Жоржетт в седле плясали. Дед за шпреха стоял. Это который с кнутом посре-

дине. Бенедикт и остальные чудеса верховой езды показывали. Хороший доход был. Они тогда даже шатёр купили. Только здесь война началась. Они собрались, поехали прочь, в Остзее, да опоздали. Лошадей у них отобрали. Вашему королю для армии лошади нужны были. Когда лошадей не стало, чужие разбежались. Остались только свои: дедушка, Бенедикт, дядя Альф, тётушка Жоржетт и тётушка Генриетт с мужем и детками. И ещё Анджелин.

– Тётушка?

– Кобыла. Она жеребая была, на сносях, её и не забрали. Она потом Фердинанда родила. Мы с нашим Фердинандом почти ровесники. Вот. А когда наши отсюда выбирались, маму Катерину подобрали. Их деревню сожгли – разорили, всех поубивали, а она спряталась.

– То-то я смотрю, ты по-здешнему чисто говоришь.

– Ага. Я как мама. Лошадей у них уж не было. Стали работать партер.

– Это как?

– Партер – это самое простое. Прямо на земле всякие трюки. Потом, как мы сейчас, на перше, на шесте по-вашему, потом разбогатели немножко, канат завели. Но дед без лошадей скучал. Бенедикт говорит, он от этого и помер. Только я его не помню. Потом Бенедикт женился на маме Катерине. Шпильманы на чужих не женятся, но она теперь тоже стала наша, наравне со всеми работала. Она ловкая была. И на перше могла, и на канате. С дядей Альфом вместе номер делали. Горящие факелы хорошо бросали. Красиво так, я помню. Я тогда работала уже.

– Сколько ж тебе было?

– А вот этого не помню. Чем ребёнок младше, тем больше публике нравится. У нас многие кульбит и стойку научаются раньше, чем ходить.

– Так ты не с рождения... – начал было ночной брат и осёкся. Ишь какой добрый.

– Слепая я не с рождения, – спокойно сказала Арлетта, – кое-чего повидала. Снег белый, на деревьях листья зелёные, юбка вот эта красная.

– Красная?

– Ну да, – Арлетта ткнула пальцем туда, где, как ей казалось, на распялочке висел её рабочий наряд. – Это ещё Катерина юбка. А какая она по-твоему?

– По-моему... э... розовая.

– Ну и пусть. Розовая ещё красивей.

– Ага. А потом чего было?

– Ничего хорошего, – вздохнула Арлетта. Всё-

таки пора бы замолчать. Но она говорила и говорила. Что-то мешало остановиться. – Сначала Альф разбился. С перша сорвался. Он верхним был, а Бенедикт нижним. Я видела. Альф сам ошибся. Бенедикт не виноват. Только он с першем теперь работать не любит. Я тогда маленькая была, не понимала ничего, ужас как напугалась. Но мне потом Бенедикт объяснил. Шпильманы – не простые люди. Мы не боимся смерти. Это смерть нас боится. Наверное, это правда. Бенедикт никогда не врёт. Только потом, в свейских землях, никому из наших багровую смерть напугать не удалось.

– Да, я слышал. Мор в Дамгартене. Багровая смерть мало чего боится.

– Я знаю, чего она боится. Нас с Бенедиктом. Остальные все умерли. А я не знала, что случилось, почему все куда-то делись. Почему Катерина плачет. Потом всё как-то спуталось. Плохо помню. Я тоже заболела, но не померла. Только всё удивлялась, почему темно.

– А как ты на канате научилась?

– А вот тогда же и научилась. Мне бегать, гулять хотелось, а нельзя, темно. Но там, где мы жили, забор такой был, с гладкой жердиной поверху. Я сначала по земле ходила, за неё держалась. Только на земле неудобно. Того и гляди на что-нибудь напорешься. Ну я и стала прямо по этой жердине бегать, от столба до столба. Она же ровная была. Длинная. Хочешь – скачи, хочешь – пляши. Бенедикт увидел это – канат мне натянул. Тоже от столба до столба,

только через весь двор. По канату бегать ещё удобней. Вначале падала с него, а потом и падать перестала. Потом Бенедикт велел вспомнить, как мама Катерина танцевала. Веера её даже дал. Только веера мне мешают. И шест мешает, и плащ. Бенедикт всё толковал, что ими нужно равновесие ловить, а чего ловить. Он же ровный, канат-то. И захочешь, не упадёшь.

– И боязно не бывает?

Арлетта удивилась.

– Чего же бояться? Да там и невысоко.

– Кхм. Я бы туда не полез.

– Ну, ты же не шпильман. Вам, обычным, что выше стола, всё высоко. Ты ж по полу ходишь – не падаешь?

– Ну, бывает, спотыкаюсь.

– Споткнусь – Бенедикт всегда меня спассирует.

– Чего?

– Поймает. Как ты меня поймал. Только ты правильно ловить не умеешь. Сам чуть не покалечился. Ловить не руками надо, а на спину. Могу показать, когда чуть поправишься.

– Думаешь, поправлюсь?

– А как же. Бенедикт на всяких переломах собаку съел. Сам сколько раз ломался, сам себе и лубки накладывал. Я-то не сумею правильно.

Должно быть, излишняя разговорчивость напала на неё как болезнь. Арлетта сопротивлялась как могла, но за три вечера рассказала и про путешествие к тёплому морю, трудный путь через горы, когда повозку приходилось толкать, изо всех сил помогая Фердинанду, ужасную жару, такую, что работать можно только по вечерам, при факелах, даровые орехи и фрукты, что растут прямо на придорожных деревьях. Но народ бедный. Хлопают и кричат охотно, а подают плохо.

Рассказала и про то, как они с Бенедиктом беспощинно возили из фряжских земель в свейские густое красное вино, а обратно ландские кружева, дурача пограничную стражу, про то, как Бенедикт однажды в одиночку отбил от болотных разбойников, про то, как они бежали из Виттингена, потому что у бургомистра пропал перстень – кабошон с рубином, и обвинили, конечно, шпильманов. Про то, что перстень стащил член их тогдашней маленькой труппы, великий маг и маэстро престижиджитации Великолепный Макс, ясное дело, рассказывать не стала.

Зато рассказала, как однажды, когда они работали в некоем остзейском замке, хозяйка замка захотела оставить чудо-дитя шпильманов у себя, возжелала в прислугу взять, спасти от фиглярской доли. Арлетта тогда была ещё маленькая и, должно быть, миленькая.

– А ты? – спросил ночной брат.

– Ни за что, – замотала головой Арлетта, – я Бенедикта не брошу. И Фердинанда, и Фиделию.

– А Бенедикт не хотел тебя оставить?

– Было дело. Давно. Когда все померли. Хотел меня слепцам отдать.

– Гхм!

– Да что ж ты всё кашляешь? Подавился? По спине постучать?

– Не надо. Уже лучше. Значит, ходила бы ты со слепцами милостыню просить. М-да. А чего ж не отдал?

– Так я доказала, что работать могу.

– Работать? В пять лет?

– Мы шпильман. У нас и младенцы работают. Слепую нахлебницу он бы не прокормил. Но я же на канат встала. Плясать смогла. А два шпильмана это уже труппа. Весь вечер на канате летающее дитя. Прогулка по облакам. Полёт бабочки. Гран-успех. Мы с Бенедиктом навсегда вместе. Никого у нас больше нет и никого нам больше не надо.

– И замуж не пойдёшь?

– Замуж только за шпильмана, – отрезала Арлетта, заподозрив насмешку. – Будем работать вместе. Бенедикту полегче будет.

Ночной брат, наконец, отдышался и даже, вот что значит благородное воспитание, сказал комплимент:

– Из тебя красивая невеста получится.

– Не получится, – строго возразила Арлетта. Она никак не могла догадаться, смеётся он над ней или нет. – Мы шпильман. Нам венчаться нельзя. Стало быть, ни колец, ни белого платья не положено.

– А как же...

– Если найдётся такой, что согласится с нами работать, в труппу войти, просто так жить будем.

– Где найдётся?

– Прибьётся по дороге.

– Кто-то вроде меня?

– Ты не из наших, – серьёзно возразила Арлетта, – какой из тебя шпильман. Ты ночной брат, да ещё и из благородных.

– Зато ты меня на дороге нашла.

– Да ну тебя! – засмеялась Арлетта. И Фиделио гавкнул. Мол, дурак ты, братец, ничего в наших шпильмановских делах не понимаешь.

Сроду Арлетта столько ни с кем не говорила. Странно это. А может, она просто болтушка? Раньше-то поговорить было не с кем. Бенедикт либо отсыпается, либо по делам бежит. Чужие со слепой дурочкой, да ещё из шпильманов, дружить не рвутся. Макс любил с ней поболтать, даже по-фряжски пристойно выучил, но с Максом дорога их давно не сводила. Она привыкла быть одна. А тут кавалер. Беседует деликатно, даму рассмешить умеет, за коленки, как Король, не хватает, чёрных слов через два на третье не орёт, перегаром в лицо не дышит. Истинный кавалер. Точнее, полкавалера. Ноги-то у него не ходят. Но Арлетта и на половину была согласна. Были б у него ноги в порядке, он бы с ней не возился.

Глава 8

Всё было хорошо, но на пятый день случилась беда. И опять с Арлеттой. Такая уж она есть. Девочка-неудача. Должно быть, вся удача, что полагалась ей в жизни, ушла на то, чтобы выжить во время мора. Хорошая погода закончилась. Настоящего дождя не было, но в воздухе висела мелкая водяная пыль. Бенедикт решил, что на мокром шесте будет опасно, и потому ни шатко ни валко работали партер. Покидали шарики, Арлетта поломалась немного, походила на руках, проплясала под бубен, снова побросала шарики, стоя на плечах Бенедикта, спрыгнула, как всегда сделав обратное сальто, и под левой рукой вместо песка оказалось что-то холодное и круглое. Кто-то швырнул в вычищенный Бенедиктом круг скользкий недоеденный огурец. Рука подвернулась, согнулась, Арлетта вскрикнула и позорно завалилась набок. Разбила коленку и локоть. Села, глотая слёзы, чувствуя, как стремительно распухает повреждённое запястье. Зрители радостно галдели. Ну, ясное дело, наконец-то дождались какого-никакого падения. Подскочил Бенедикт и, ругаясь, потащил её в повозку. Арлетта всхлипывала.

В повозке Бенедикт сейчас же сунул её руку в ведро с водой. От холода опухоль стала спадать.

- Не реви, это просто вывих.
- Знаю, – с трудом выговорила Арлетта.
- Не первый раз! Держись!

Арлетта стиснула зубы, но всё равно взвизгнула. Вывих Бенедикт вправил мастерски, но болеть меньше не стало.

Послышался скрип и возня. В повозку втащил себя ночной брат.

- Что с рукой?
- Холера ясная, – объяснил Бенедикт.
- Я не виновата, – пискнула Арлетта.
- Угу. Ты никогда не виноват. Но денег от этого не прибавится. И так сегодня сущие гроши заработали. Придётся уехать. Поедем дальше, в Верховец. К Купальской ярмарке в городе надо быть. В дороге пройдёт.

– Пройдёт, – вздохнула Арлетта. Придётся снова трястись в повозке, умирая от боли при каждом толчке. Но что делать. Впустую, без работы на одном месте торчать нельзя.

Бенедикт принялся туго бинтовать больную руку подходящей тряпицей.

– Всё, – буркнул он, – есть по твоей милости нечего. Мы в трактир. С нами пойдёшь или сюда принести?

Арлетта не ответила. Её трясло и мутило. Боль грызла руку и отдавалась в голове. Надо бы убраться к себе, за занавеску. Подумаешь, вывих. Не в первый раз. Но сил что-то совсем не было. Она свернулась клубочком на Бенедиктовом тюфяке, как смогла, закуталась в плащ. Хлопало от сырого ночного ветра полотно крыши. Наверное, дождь будет. Озноб бил всё сильнее. Надо укрыться с головой и дышать под плащом. Хороший способ согреться, не раз проверенный. Арлетта дышала, уткнувшись лбом в стенку, баюкала больную руку. Под плащом пахло Бенедиктом, горьким потом, сладковатым гримом, пылью и сыростью всех дорог от тёплого моря до здешних холодных лесов. Рядом плюхнулся Фиделио, завозился, пытаясь забраться под плащ, привалился горячим лохматым боком.

Стало теплее. Арлетта задремала, сама не зная, кто поскуливает так жалобно, она или жалеющий её пёс. А потом стало совсем хорошо. Давящая повязка на запястье исчезла, будто растворилась в тёплой воде.

От руки тепло потихоньку расходилось по всему телу. Золотистый свет скользил снаружи по крыше повозки, окутывал её со всех сторон. Фердинанд шёл по солнечной дороге. Арлетта

видела, как медленные волны света колышутся вокруг, сияют, уводят куда-то, куда не дойти, не добраться. Арлетта видела... Ой!

Глаза открылись в привычной темноте. Темнота была промозглой, вязкой от сырости. Кругом шуршало и постукивало. Канатная плясунья протянула здоровую руку, коснулась парусиновой стенки. На пальцах осталась холодная влага. Значит, по крыше шуршит дождь. Колёса скрипели и чавкали, повозка качалась, как лодка в бурю. Быстренько ощупала всё вокруг и сообразила, что лежит в своей постели, поверх одеяла укрытая ещё и плащом. Должно быть, Бенедикт позаботился. Одеяло пахло странно, то ли мёдом, то ли диким чесноком. Оказалось, пахнет от повязки. Повязка была новая, нетугая, мягкая, пропитанная какой-то мазью. Арлетта пошевелила пальцами и удивилась. Рука почти не болела. Пахучие пятна мази нашлись и в других местах, одно на щеке, другое на локте. Неужто Бенедикт разорился на аптечное лекарство? Не может быть. Лекарям он не верил. На шпильманах всё должно заживать само.

С передка повозки доносились два голоса. Бенедикт правил лошадьё и отрывисто беседовал с ночным братом. Обсуждали погоду и дорогу.

– Темнота. Пора на ночльег.

Это что ж выходит, вечер уже? Получается, она почти сутки проспала?

– Дождь. Костра не зажечь, без костра холодно.

– Неженка ты есть. Льеденчик сахарный. Сразу видно, из благородных.

– Это не просто дождь. Нельзя нынче в лесу ночевать.

– О-у! Уговорил. Ищем лесного фея в хрустальный дворец.

– Лесную фею, – задумчиво поправил ночной брат, – в наших лесах феи не водятся. Только лешаки. И дворцов у них нет. Зато, насколько я помню, тут скоро развилка должна быть. А у развилки постоянный двор. Худой ли, хороший – не знаю. Не бывал.

– О да. Как можно. Благородные в замках ночуют. Но мы не есть гордый, нам и постоянный двор как хрустальный дворец. Дождь перестать – дальше двинемся.

Арлетта спихнула Фиделию, дремавшего у неё на ногах, и тоже пробралась вперёд.

– О, мон инфант! Как рука?

– Не болит, – удивлённо пробормотала Арлетта.

– Хороший маз, – одобрительно крикнул Бенедикт, – там осталось ещё?

– Осталось, – сказал ночной брат и охнул, потому что повозка качнулась и девочка-неудача с размаху села на него. Пересадил девочку на сундук и, ворча что-то неразборчивое, принялся растирать сломанную ногу.

– Где взял? – не отставал Бенедикт, любивший простые, дешёвые и верные средства.

– Да купил на торгу у одной бабки. Я это средство с детства знаю. Воняет так, что не скоро забудешь. Нянька всегда для меня такое варила. Она с севера была, там в травах понимают.

– О, я слышать. В столице на торгу люди сказать. Пригорские колдуны. Мёртвого оживлять. Хромые ходят, немые говорят...

– А слепые? – шёпотом спросила Арлетта.

Ночной брат пошевелился, вздохнул.

– Всякое бывает.

– А далеко это?

– Что?

– Пригорье.

– Далеко.

– Понятно.

Мало ли что на торгу болтают. Может, никакого Пригорья и на свете нет.

За разговором незаметно добрались до развилки. Трактир там был, с конюшней, с чердаком для ночёвки проезжающих и даже с навесом, под который загнали мокрую повозку. На чердак их, конечно, не пустили. Прочие проезжающие, хоть и не шибко благородные, ночевать

со скоморохами не пожелали. Зато пустили на сеновал прямо над конюшней. Так оно и лучше, к Фердинанду ближе, да и Фиделио взять с собой никто не мешает. Сбоку, может, и дует, зато сверху не каплет. Спи – не хочу.

Арлетта, может, и хотела, да не вышло. Ночью мирно шуршащий дождик превратился в бурю из тех, что сносит крыши и ломает вековые деревья. Ветер со свистом врвался в самые мелкие щели, но, если бы только ветер. Внезапно грохнуло так, что она вскрикнула. К счастью, этого никто не услышал. Долгие раскаты грома накатывали друг на друга, так что снаружи стоял непрерывный гул, время от времени прерываемый треском новой слетевшей молнии. Бенедикт, храпевший рядом, даже не вздрогнул, только зарылся поглубже в сено. Но Арлетта спать не могла. Грозы она не боялась. Зато боялась пожара. Угодит молния прямо в чердак, и что тогда? Она знала, сено горит очень быстро. А вытаскивать всех придётся одному Бенедикту: и беспомощную Арлетту, и хромого ночного брата, и Фердинанда выводить из горящей конюшни. Да и туповатый Фиделио со страху сам не выскочит.

Канатная плясунья села, обняв колени. Где тут выход, она не запомнила. Да там ещё длинная ненадёжная лестница, которую тоже не сразу найдёшь. Проснувшийся Фиделио жался к ней и весь дрожал, тихо поскуливая. Слышно было, как внизу бьются перепуганные лошади. Одна и в темноте. Всегда одна, а что вокруг – неизвестно. То ли карцер в Кумполе, то ли огромный тёмный сеновал с бушующей вокруг бурей, то ли полная пустота и, кроме бури, вообще ничего нет. Конечно, в случае чего, Бенедикт, как всегда, придёт и спасёт. Только лучше бы он побыл рядом. Прямо сейчас.

Тресь! Ой!

– Правда, здорово?! – сказала тёмная пустота голосом ночного брата.

Тресь! Трам-тарарам!

– Ты тронутый, – пискнула Арлетта.

– Знаю. Все так говорят. И всё-таки здорово. О, да ты и вправду боишься?

– А ты, ясное дело, нет! В случае чего я тебя вытаскивать не стану!

Тр-р-р. Ба-бах. Фиделио заскулил и попытался забиться хозяйке под юбку.

– А ну, иди сюда.

Арлетту схватили за руку и дёрнули так, что она животом проехала по колкому сему.

– Вот, потрогай. Тут самый край сеновала, и по краю бревно положено. Осторожно, не свались. А вот тут, – ночной брат уверенно водил её рукой, и она даже не вырывалась, – столб крышу подпирает. По нему в случае чего прямо в конюшню соскользнуть можно. Стоило Фердинанда – направо наискосок. Позовёшь – откликнется. Ну как, полегчало?

– Ага... – неуверенно отозвалась Арлетта и, поджав ноги, осторожно уселась недалеко от столба. Так, на всякий случай.

Тресь! Гу-гу-гу-гу-гу! Бац! Яркий голубой свет хлестнул по глазам, которые тут же наполнились слезами.

– Ох... Больно...

– Где? Опять рука?

– Нет. Не то... Я, кажется... Я молнию видела.

– Ого!!

– И ещё... Там было такое... Светом нарисованное.

– Светом по молнии?

– Да... я не знаю, как сказать...

– Да ладно, не тани. Чего там? Показалось что?

– Как будто птица... Очень большая птица. Вот здесь.

Протянутый указательный палец описал широкую дугу, пытаясь охватить весь сеновал, и ткнулся прямёхонько в костлявую грудь ночного брата.

– Тут птицы нету. Тут я сижу, – сообщил он, – могу покаркать немного. Или там утка была? Тогда покрывать.

– Показалось, – дрогнувшим голосом сказала Арлетта.

– Со страху чего не покажется.

– Ага. А я вот слыхала, в одного слепого молния ударила, так он видеть начал.

– Птичек? Небо в алмазах?

– Да ну тебя.

– Сказки всё это... А откуда ты знаешь, какие птицы?

– Так я же не с рождения... да я самой птицы не разглядела, одни крылья.

– Какие?

– Во! Страсть какие огромные.

– Может, дракон?

Арлетта прижала руки к глазам, стараясь вернуть горячие, яркие, ярче света молнии линии.

– Нет. Там перья были... такие... длинные.

– Перья... Хм. А скажи, эти перья, э... эти крылья были... ну... целые или с изъяном?

– А что?

– Да тут у нас, в Полибавье, примета есть.

Арлетта честно постаралась представить, как всё было. Птица была нахохленная, точно на холоде, пряталась под крыльями, ставила их шалашиком, но гибкие перья, обнимавшие её, вздымались безупречно правильными лёгкими дугами.

– Целые, – сказала она. – А какая примета?

– Ну... Есть, говорят, птица-молния, летает она по свету, роняет громовые перья. Кто её увидит, всю целиком, тому счастье. Тебе, значит, счастье обломится.

– Какое?

– А какое захочешь. Явится за тобой какой-нибудь рыцарь из фряжской земли.

– Ха, как же, как же, рыцарь, на коне и со свитой. Где тут Арлетта-шпильман, прям жить без неё не могу.

– Ну, не хочешь рыцаря, тогда думай, куда идёшь, на что наступаешь. Пойдёшь в один прекрасный день по дороге, глядь, а там пьяный шпильман валяется.

– Врёшь ты всё.

– Век воли не видать, – засмеялся ночной брат.

Гром грохотал по-прежнему, и ветер не унимался. В щели дуло так, что сено шевелилось и топорщилось, но жить было уже не так страшно.

Глава 9

Назавтра никакого особенного счастья не случилось. Дождь поливал всюду. В трактир набилась куча народу, сплошь несчастные путники, застигнутые непогодой. Бенедикт решил подзаработать, на скорую руку сговорился с трактирщиком, взяв его в долю. Дитя-змею Арлетта работать ещё не могла, кидать шары – тоже, а плясать было негде. Так что пришлось прибегнуть к юной девице и разбойнику. Девочку-неудачу недогнувшей рукой поставили к стенке.

Что ж, работа лёгкая. Старательно сделала испуганное лицо. Руки сложила умоляюще. Бенедикт немного порычал, изображая дикие страсти, пожонглировал ножами, а потом принялся кидать их в несчастную девицу, которая очень старалась не зевнуть. Спать после бестолковой ночи хотелось ужасно. Последним Бенедикт швырнул обоюдоострый топорик, воткнувшийся точно над пробором. Арлетта дождалась привычного вздоха зрителей, шагнула вперёд, навстречу Бенедикту, чтобы изобразить положенный комплимент с воздушным поцелуем в обе стороны, и почувствовала, как по спине стекает горячая струйка. Бенедикт зашёл сзади, поклонился публике, одновременно подталкивая Арлетту к выходу.

– Что? – прошептала она, втянув голову в плечи и стараясь хоть так уберечься от мелкой водяной пыли.

– То... – пробубнил Бенедикт, запихивая её в насквозь отсыревшую повозку, – порезал я тебя.

– Что? – снова переспросила Арлетта. Что за чушь он несёт?

– Кровь.

– Я ничего не чувствую.

– Да там ничего и нет. Царапина. Перевяжу. Или не стоит? Так заживёт. Замажем, и всё. А вот трико зашивать придётся.

– Ты... Ты что, промахнулся?

– Есть немного.

– Не...

Бенедикт не может промахнуться. Огонь горячий, вода мокрая, Бенедикт бросает без промаха.

– Как ты...

– Рука дрогнула. Или ты дёрнулась. Дёргалась ведь, пёсья кровь?

– Нет, – неуверенно протянула Арлетта, – чего это я буду дёргаться.

– Да уж не знаю, с чего... Так-с. Кровь я стёр, ранку замазал. Хороший маз нам попутчик подкинул. Трико потом зашьёшь, а пока платок накинй. Ещё поработаем.

– Ладно, – пробормотала Арлетта, – а ты не пьяный?

– Две недели в рот не брал, – отрезал Бенедикт. И верно, ни пивом, ни брагой от него не пахло. Должно быть, снова Арлетта сама виновата. Как всегда. Девочка-несчастье.

Но оказалось, что работать больше не нужно. В трактирной зале было весело и без них.

Старая свейская арфа-четырёхструнка, забытая в трактире каким-то бродячим бардом и лет десять провисевшая на здешней стене без всякого толка, пела, легко покрывая нестройный хор, вела его за собой, толкала в пляску. Кое-кто уже притоптывал, пристукивал каблуками, самые буйные лупили по столу так, что кружки подпрыгивали.

Весельем правил ночной брат. Играл он лихо, с мелким воровским перебором, с разбойничьим подсвистом. Фиделио толкался между гуляками. В шапку, зажатую в зубах, обильно сыпались монетки.

– Ого, – хмыкнул Бенедикт, подобравшись поближе к источнику буйства и безобразия, – а говорил – не уметь.

- Я сказал, на клавикордах умею, – огрызнулся ночной брат, – и, кстати, не соврал.
- А на чём ещё?
- На лютне.
- А петь?
- Ага, щас. Ребёнка уберу отсюда. Сейчас тут весело, а будет ещё веселее.
- М-да, – вздохнул Бенедикт.

Остаток дня Арлетта отсиживалась на сеновале, где всё-таки было потеплее, посуше, чем в повозке. Можно бы и поспать, да уж очень громко веселились в трактирном зале. Так что она попросила Бенедикта вдеть нитку в иголку и потихоньку зашивала дыру на плече, проверяя на ощупь, чтобы стежки получались аккуратные и мелкие. То, что на сеновале было почти темно, её не касалось. Бенедикт валялся рядом и сердито сопел. Арлетта знала – пока он в таком настроении, лучше его не трогать и даже не заговаривать.

Снаружи всё сыпал дождь. Не буря, а просто дождь, медленный, упорный, из тех, что могут длиться неделями. Снизу сонно фыркали, топтались в тесных стойлах многочисленные лошади, а канатная плясунья напрягала слепые глаза, стараясь разглядеть не иголку с ниткой, а вчерашний рисунок, светом по молнии.

Глава 10

На следующее утро дела наладились. Правда, похолодало, как поздней осенью, но зато небо очистилось. Мокрая земля шипела и парила под горячими лучами, как белье под утюгом. Дороги, конечно, раскисли, но Бенедикт решил ехать, несмотря на уговоры хозяина, желавшего, чтобы презренные шпильманы остались подольше. Доход при них оказался вдвое против обычного. На выпивку разгорячённые музыкой постояльцы не скупились, да и ночному брату набросали много. Половину по уговору хозяин забрал себе, а взамен поделился ценным советом.

– Низом хотели ехать?

– А что? – переспросил осторожный Бенедикт.

– Мужики вчера были из Водополя. Говорят, река разлилась, нижнюю дорогу затопило. У Омутища воды по колено, а дальше и того хуже. На лодках народ перебирается. Если не хотите коня и повозку бросать, не миновать вам ехать поверху, на Волчьи Воды.

– Волчьи Воды это есть река?

– Деревня. Ну как деревня. После войны два-три дома осталось. А кругом деревни ключи. Только все как один либо горькие, либо вовсе ядовитые. Воду они в глубоком колодце берут. Там чистая.

Помолчал и добавил:

– А вообще та дорога в запустении. Подождали бы, как все хорошие люди, пока вода спадёт.

Но ждать они не стали. Арлетта понимала, Бенедикт спешит покинуть трактир, где так опозорился. Публика, дура, конечно, ничего не заметила, но всё равно обидно. Так что поехали потихоньку.

Верхняя дорога оказалась не так уж плоха. Грязь и песок смыло ливнем, снесло по склону вниз. Осталась крепкая глина да твёрдый камень. Повозка бежала бодро. Парусило под ветром просохшее полотно крыши. Шумели над дорогой высокие сосны. Арлетта разобрала отсыревшие, пованивающие псиной плащи и одеяла, вывесила с бортов повозки, чтоб тоже сохли. Бенедикт понемногу развеялся, даже начал насвистывать. Ночной брат дремал, скорчившись у сундука. Над его головой позвякивала на гвоздике свейская арфа, бескорыстный дар трактирщика, который всё равно не надеялся извлечь из неё никакой пользы. Фиделио, очень довольный, выскочил и носился вокруг, распушив хвост. Фердинанд фыркал. Такого буйного поведения он не одобрял.

С горки на горку, с холма на холм, всё выше и выше, всё дальше от взбаламученной бурей реки. Раза два останавливались, чтоб дать отдых коню, пускали его погостить на травке, сами перекусили пирогами, захваченными в трактире. Солнце пекло жарко, но, стоило ему исчезнуть за облаком, Арлетту пробирала дрожь. Так и тянуло закутаться в зимний платок.

На каждом привале Бенедикт бросал ножи. Должно быть, все деревья в округе истыкал. Получалось у него или нет, Арлетта не знала, но настроение у старого шпильмана было скверное. После второй остановки он передал поводья ей и улёгся отдохнуть в повозке. Чтoб не мешать ему, ночной брат тоже перебрался на козлы. С ним ехать было веселее, потому что он рассказывал, что да как, где едут, что видно с их высокой жёрдочки. Если верить его рассказам, виды были так себе. Пустоши с торчащими из травы мелкими сосенками или заросшие кипреем пожарища с обвалившимися печными трубами. Справа вздымались сизые сосновые боры на холмах, слева широко раскинулась полная лесов и болот долина Либавы. Развилки здесь украшали гранитными валунами или выбеленными солнцем и дождём крестами-голубцами с крышей поверху. Валуны устояли, пережив все беды и войны, а вот кресты покосились, почернели, а то и вовсе попадали. Печальный край. Одно слово, запустение.

Фердинанд степенно шёл шагом, осторожно обходя лужи и рытвины. Ночной брат нахотился, тянул себе под нос что-то вроде песни. Можно было разобрать слова:

– Только вóроны на трубах, а ворóны на крестах...

Арлетта чувствовала, как начали мёрзнуть сжимавшие вожжи руки. Всё время хотелось спрятать их под платком. Значит, уже наступил вечер. Холодно как. Начало лета, а будто осень.

– Темно уже? – спросила она.

– Нет ещё, – вполголоса отозвался ночной брат, – сумерки.

– Ищи место, где ночевать будем.

– А чего его искать. Во-он на холме деревня.

– Живая?

– Дым из труб тянется.

Арлетта приняхалась. Верно. Слабо пахло мирным, жилым дымом.

– А сколько их, тех труб?

Ночной брат помедлил, должно быть всматриваясь.

– Три... или четыре.

– Не пустят нас на ночлег.

– Ничего. Там, кажется, пустые дома есть.

– Что это?

– Где?

Ну ясно, зрячий, вот и не слышит ничего.

– Воеет кто-то. Или плачет.

– Волк? – напрягся ночной брат.

– Нет, – подумав, сказала Арлетта, – тоненько так. Как ребёнок. Только не плачет. Воеет.

Высокий звук, похожий на дальний плач, несло над холмами вместе с ветром и холодным туманом.

– Не люблю я, когда воют, – пробормотал ночной брат. Видно, с волками дело уже имел.

Помолчали. Из повозки высунулся Фиделио, завертел головой, приняхиваясь. Ну, наконец-то что-то интересное. Деревня, люди... может, поесть дадут. А не дадут, так ведь и украсть можно. В кладовку, скажем, пробраться. Или в курятник, где яйца.

– Доброй ночи, тётя, – крикнул ночной брат, – как деревня зовётся?

– Волчьи Воды, – толстым голосом отвечала местная жительница, – а вам на что?

– На ночлег принимаете?

– Принимаем. Оглоблей по темечку. Езжайте отсюда, пока целы.

От криков проснулся Бенедикт, высунулся, оглядываясь.

– М-да, – заметил ночной брат, – разруха.

– Вон туда сворачиваем, – решил Бенедикт, приняв у Арлетты вожжи, – дом давно пустой, но навес цел пока. И труба цела. Значит, печка в порядке.

Завернули. Арлетта стала распрягать усталого Фердинанда. Бенедикт пошёл с ведром искать заветный колодец, ночной брат поскрипел на своих костылях в дом, топить печку. Расстёгивая непослушные, отсыревшие от бывшей непогоды ремни упряжи, Арлетта вдруг почувствовала чей-то взгляд. Острый, как гвоздь, который с размаху вогнали в затылок. Даже шея заболела. Не один человек. Много. Навалились на скрипучую ограду и смотрят. Молча. Фиделио стал рядом, толкнул её в коленку и тихо, утробно зарычал. К чужим он, пока они не набрасывались на Арлетту, относился благодушно. Иначе нельзя, коли на большой дороге живёшь, по трактирам ночуешь. А тут рычит. Арлетта вдохнула, собираясь позвать возившегося в доме спутника... но как его звать? Заорать: «Эй, ты, ночной брат!»? Дико как-то...

– Эй! – всё-таки пискнула она.

Но он уже скрипел костылями где-то рядом. Подошёл, осторожно взял за плечи.

– Ты чего?

– Там люди.

– Где?

– Там. Смотрят.

– Хм. Откуда знаешь?

– Чувствую.

– Ага. Только это... нет там никого.

– Нельзя здесь ночевать, – заявила Арлетта, – плохое место. И Фиделио тут не нравится. Фиделио снова ткнулся в коленку и тихонько заскулил.

– Не дурите, – окоротил их вернувшийся Бенедикт, – в случае чего в доме запрёмся. Отобьёмся как-нибудь.

– Дома, бывает, поджигают, – пробормотал ночной брат и, не спрашивая никого, зашуршал, защёлкал Фердинандовой упряжью.

– Поехали отсюда.

– Поехали, – сказала Арлетта.

Фердинанд должен был бы капризничать, упираться, надувать бока, но стоял смирно, подчинился с охотой. Тоже хотел убраться отсюда подальше.

Бенедикт остался в меньшинстве, поворчал и сдался. С Арлеттой и ночным братом он бы ещё поспорил, но мнение Фердинанда дорогого стоило. Мудрый конь из деревни выкатился резво, благо дорога шла под гору, недовольно фыркая, прочавкал тяжёлыми копытами по дну сырого оврага, нога за ногу, тяжело дыша, втащил повозку до половины лесистого холма и стал. Арлетта слышала, как тяжело хрипит у него в груди. Старый... Старенький... Пока не отдохнёт, не пойдёт. Бенедикт не понукал его, знал – бесполезно. Сидели, слушали вечернюю, нет, должно быть, уже ночную тишину. Никаких волков, никакого воя. Обычные шелесты, шорохи. Тонкий вскрик быстрой ночной птицы. Арлетте стало совестно. Выдумала какие-то глупости. Согнала всех с хорошего места. Фердинанда и то не пожалела. Тем временем старый конь встряхнулся, согласился ехать дальше. Но никуда они не поехали. Свернули туда, где на склоне холма меж древних, толстых сосен Бенедикт высмотрел неплохую полянку, широкую и ровную. Внизу, в покинутом овраге, тёк ручей, но Фиделио сунул было в него морду и потом долго отплёвывался. Ужин варили на воде, добытой в деревне. После ужина Бенедикт зажёл костёр пожарче, поярче, так чтоб свету было побольше. Прошёлся по сочной молодой траве, вытоптал полосу сорок шагов в длину, полторы сажени в ширину.

– Allez, Арлетт!

Арлетте после каши хотелось спать. Минувший день был долгим и каким-то томным, но она не спорила. В дороге шпильманы не работают. В дороге шпильманы отдыхают. А она и так дней пять из-за руки не работала. Нехотя полезла в повозку переодеваться.

Бенедикт подвёл её к вытоптанному месту, подтолкнул слегка.

– Allez!

Она не торопясь прошлась по полосе, считая шаги, осторожно ступая босыми ногами по истекающим соком сломанным травяным стеблям. Проверила, нет ли чего острого. Нет. Теперь можно начинать.

Встала в начале полосы, вздохнула и начала считать. Раз-два-три – глisse – батман направо – гран батман – пируэт – четыре-пять – глisse – шесть-семь – батман налево – гран батман – пируэт – спину прямо – локти круглые – носок тянуть – подбородок выше. Всё, как положено, как делала мама Катерина.

Трещал близкий костёр, но всё равно было слышно, как Бенедикт постукивает какой-то палочкой по ладони – отбивает такт. Раз-два-три-четыре – глisse – батман – пируэт...

Раз-два-три-четыре, – пропела разбитая свейская арфа, – раз-два-три-четыре...

Арлетта улыбнулась. Работать с музыкой всегда легче. Станный этот ночной брат. Врал зачем-то, что играть не умеет. А ведь умеет. Ещё как. Лёгкие упругие звуки подкатывались

под ноги, прохладными каплями скользили по вскинутым рукам, взлетали и падали вместе с Арлеттой. Звукам можно было верить, и она перестала считать. А потом из головы вылетели все батманы и пируэты. «Allez», – говорила музыка. «Allez!» – соглашалась Арлетта и летела, летела над пламенем костра и тёмными метёлками примятой травы, забыв о том, что можно не попасть в такт, споткнуться, сорваться, упасть.

Небо сомкнётся лиловым шатром,
Солнце вернётся и станет костром,
Звёзды – как искры на своде небес,
Дышит нам в спину полуночный лес.
Танцуй, саламандра, танцуй,
В ритме волшебном с тобой
Выются потоки огня.
Танцуй, саламандра, танцуй
Для меня.

Как можно отказаться, когда так просят. И Арлетта стала кружащимся ветром, дыханьем земли и горящим огнём.

Искры танца, песни блики,
Трав узор и тьмы покровы,
Пыл огня, воды стремление,
Дрожь земли, ветров круженье
В ритме волшебном с тобой
Выются потоки огня.
Танцуй, саламандра, танцуй
Для меня¹.

– Холера ясная! Чё ж ты раньше молчал, чёрный мор тебя заberi! Не могу, не умею.

Арлетта споткнулась. Ноги запутались в траве, так что пришлось сесть. Точнее, совсем неизящно плюхнуться на то место, на котором сидят.

Арфа жалобно тренькнула и умолкла.

– Давно не пел. Думал – разучился.

– О, да... мне бы так научиться, как ты есть разучиться. – Бенедикт зацокал языком, подыскивая правильные слова.

– Хочешь контракт? Законный? Поедешь с нами, как и хотел. Будешь член трупы. Трупья Астлей! Имя славное. Будешь настоящий Астлей. Бумаги брата тебе навсегда подарю. Новая жизнь. В чужих землях никто тебя искать не станет. Весь публикум будет наш.

Арлетта вздохнула, прижала руки к горящим щекам. Что же это такое! От костра, должно быть. Костёр был слева, совсем рядом. Оттуда волнами накатывал сухой смолистый жар, а потом накрыло горьким горячим дымом. Надо встать. Она поднялась и пошла к повозке. Не промахнулась. Скоро протянутые руки упёрлись в сырое от росы полотно. Переодеться бы. Но она просто нащупала козлы, вытащила привязанную к ним верёвку и, намотав её на руку, побрела подальше от костра. Никто её не остановил.

– О, майн дотер! – продолжал разливаться Бенедикт, у которого почему-то, наконец, улучшилось настроение. – Ты видеть, да? Манифик! Екселент! Мать её, не тем будет помянута, плясала, как корова на забор. Но эта... гран шарман! Вся в меня. Природный шпильман.

¹ Стихотворение Д.Ю. Полковникова.

Настоящий Астлей! Втроём мы большие деньги можем делать. Так как насчёт постоянный контракт?

Что ответил на это ночной брат, Арлетта не слышала, да и не прислушивалась. Она была уже далеко от костра. В босые ноги впивались иголки и сосновые шишки. Некстати подвернувшийся куст осыпал её холодной росой, но это не помогло. Ярое пламя проникло под кожу, плясало над ней горячими, лёгкими языками. Теперь она знала, за что ловят ночного брата. За колдовство. Заклятие огнём спалило её привычную лягушачью шкурку. Старую шкурку с цыпками, узким шрамиком на колене и непроходящими мозолями от шеста и каната. Что же осталось? Саламандра? Лёгкий огненный дух? Кем надо стать, чтобы для тебя так пели?

Только не Арлеттой, вечной обузой, девочкой-несчастьем, которая точно знает, что небо сверху, земля снизу, на земле дорога, на дороге повозка, в повозке Бенедикт и дурачок Фиделио.

Проклятый колдун всё поломал. Самого бы его сжечь за такие песни. На площади, при народе. По его злой воле приходилось превращаться во что-то другое, совсем неизвестное. Сердце билось у самого горла, в груди болело, щёки по-прежнему жгло как огнём.

Краем уха она слышала, как истошно лает бестолковый Фиделио, а Бенедикт грозно приказывает ему заткнуться. Но сейчас она к костру не пойдёт. Не сможет.

– Не хочу! – громко сказала Арлетта в привычную темноту. – Не могу и не хочу! Не хочу! Не буду!

– Ишь ты, – глумливо ответила темнота, – подумаешь, фря городская! Не хочет она!

– погоди, щас она у нас всё захочет, – сказали справа.

Голоса были странные, натужно хриплые, и доносились глухо, будто со дна оврага. Но говорившие были рядом. Не будь проклятого колдовства, Арлетта давно бы услышала треск и шорох хвои под чужими ногами, учуяла бы странный затхло-звериный запах. Даже сквозь отчаянный лай Фиделио она слышала, как они сопят, как переминаются с ноги на ногу. Четверо. Один прямо перед ней, один сбоку, двое сзади.

– Ты глянь, смелая какая.

– Не, – заржали сзади, – не смелая. Тупая.

– Ничё, щас она у нас попляшет.

– Попляшу, – согласилась Арлетта. – Allez!

С места, без разбега, вошла во фляк и не промахнулась, обеими ногами врезалась в грудь стоявшего перед ней. Грудь хрустнула, а её хозяин крикнул и куда-то провалился. Арлетта развернулась, вскочила на ноги и стала считать. Плясать – так уж плясать. Хотели – получите.

Настоящий танец-меч, разящий танец-поединок, который работали сестрички Фламельла, она бы повторить не смогла. Но добрые сестры, жалея слепую плясунью, придумали для неё иное. Баллата-фуэте. Танец-хлыст, танец-кнут. Перенять всё, что они показали, было нетрудно. На руках Арлетта с раннего детства стояла не хуже, чем на ногах. Умение было полезным и пригождалось часто. На дороге беззащитным девицам места нет.

Сейчас руки и ноги, превратившись в гибкий опасный хлыст, очерчивали вокруг своей хозяйки пространство, шагнуть в которое, приблизиться к ней, не смог бы никто.

Кто-то, правда, попытался. Пятка с разворота врезалась в лохматый мех. В шапке гад. Это немного испортило дело, но противник всё равно взвыл и с треском вцепился в ближайший куст.

– Сзади, сзади хватай!

Вопили пронзительно, с душой, но воплощать этот смелый план никто не торопился.

Кнут хорош тем, что видеть противника вовсе не надо. Знай, верти его по кругу. Чем быстрее вертишь, тем безопасней. Но хорош он на широкой деревенской улице, на трактирном дворе или на площади. Здесь же Арлетта всё время боялась споткнуться или наткнуться на что-

нибудь. Дыхание начало сбиваться, но Бенедикт до сих пор не явился, чтобы расшвырять нападавших, как это бывало раньше. Лишь Фиделио рычал и лаял на пределе злобы, до хрипоты.

Кто чего боится, то с тем и случится. Под ноги подвернулась сухая сосновая ветка. Арлетта сбилась с такта и с размаху, лицом и грудью ударилась о дерево. На ногах, конечно, не устояла, и тут кто-то прыгнул сверху. Канатная плясунья сейчас же попыталась вцепиться ему в физиономию. Пальцы запутались в жёсткой густой шерсти. По запястью скользнуло что-то острое. Страшный изогнутый клык.

Волк! Оборотень! Вот тут она не выдержала, завизжала. Оборотень в ответ зарычал с глухим утробным стоном. До горла добирается! Ой, мама!

– Р-р-р. Гав!

Налетевший Фиделио без долгих разговоров вцепился в нападавшего. Тот взвыл по-волчьи, выругался вполне по-человечески и выпустил Арлетту. Она вскочила, на ощупь отыскивая хоть какую-нибудь палку, но тут её снова схватили. Сразу двое. Первому она сейчас же врезала пяткой по голени, но второй ухитрился, вывернул руку так, что она снова завизжала. Совсем рядом Фиделио, рыча, отчаянно рвал кого-то, но помочь Арлетте ничем не мог.

Дрогнула земля, прямо над головой раздалось короткое злобное ржание. Противник заорал, и канатная плясунья снова вырвалась на свободу. Фердинанд, не встававший на дыбы уже лет десять, с облегчением уронил на землю передние копыта, явно надеясь кого-нибудь растоптать. Получилось это у него или нет, Арлетта не знала. Недолго думая, ухватила за гриву и в один мир очутилась на широкой безопасной спине. Мудрый Фердинанд точно знал, как встать, чтоб хозяйке было удобно. Позабыв о солидном возрасте, он грозно заржал и рванул вперёд, не разбирая дороги. Девочка-неудача уткнулась лицом в гриву, прижалась к горячей шее. Со всех сторон, сверху, снизу, с боков, с треском нёсся невидимый лес, наполненный высоким злобным воем. Ветки то и дело хлестали по спине, по ногам, стиснувшим конские бока. Фердинанд старался, делал всё, что мог. Даже прыгнул пару раз, одолевая поваленные деревья. Где-то рядом, задыхаясь, влаивал Фиделио. Молодец. Хватило ума сбежать. Злобный вой слышался сбоку, быстро удаляясь, пока не умолк совсем. Дикий треск и грохот, постепенно утихая, стали хрустом и шелестом. Вместе со страхом у Фердинанда пропал и кураж. Задышавшись, он перешёл на шаг, а потом и вовсе остановился.

Арлетта, жалея его, сползла на землю. Погладила потный, ходящий ходуном бок. Подбежал пыhtящий Фиделио. Привычно ткнулся мордой в коленку.

– Где мы?

Этого пёс не знал. Вопросительно твякнул, глядя на Фердинанда. Озадаченный конь фыркнул и помотал головой. Он и при свете-то видел неважно, а в темноте, хоть и негустой, летней, и вовсе полагался только на чутьё.

Вокруг трава по брюхо. Дурная трава. Дудка, молочай, таволга да крапива. Вроде еды полно, а пожевать нечего. Где-то в траве ручей. Журчит приятно, но пахнет скверно. Уважающий себя конь такое пить не станет. Вокруг лес стеной. Тёмный, буреломный, с глухим, путаным подлеском. Сверху – небо с холодными звёздами. Но звёздами Фердинанд не интересовался. Дохнул хозяйке в лицо и принялся рыться мордой в траве, отыскивая что-нибудь съедобное. Арлетта, у которой подкашивались ноги, ощупью свила себе из примятого бурьяна что-то вроде гнезда и уселась, обняв Фиделио. Пёс дрожал мелкой дрожью. Лохматое ухо было влажным и липким. Ранили. Или укусили? Что будет, если пса укусит оборотень? Этого Арлетта не знала. Поспешно ощупала любимую собачку. Нашла ещё порез на боку. Этот явно от ножа, но неглубокий. Хорошо, что у Фиделио шкура толстая и лохматая. Пёс заскулил, вывернулся и сталлизывать рану. Раз лижет, значит, сам справится. Канатная плясунья с тайным страхом принялась изучать собственные раны. Ушибы и ссадины не в счёт. Заживут не хуже, чем на Фиделио. На руке царапина кровоточит. Глубокая. Это от того клыка. Укусили. Что бывает с людьми, которых покусал оборотень, всем известно. По сравнению с этим рас-

полосованная каким-то некстати подвернувшимся сучком нога – пустяк. Трико только жалко. Опять зашивать придётся. Да и кровь плохо отстирывается. Кровь ещё сочилась, и Арлетта подсунула свою рану Фиделио. Пусть полижет. Собачий язык – лучший пластырь. Прислушалась к себе – не превращается ли уже в волка. Ничего особенного не почувствовала. Только руки дрожат, и сердце бьётся как сумасшедшее. Может, всё обойдётся? Может, это не укус, а просто царапина? А вот ещё говорят, если девушку оборотень покусает, то эта девушка в того оборотня и влюбится. Арлетта фыркнула. Влюбляться в этих лохматых и вонючих тоже пока не хотелось.

Пришёл Фердинанд, потоптался и шумно плюхнулся рядом. Конь городской, широко образованный, леса он не любил и не понимал. Арлетта прислушалась. Звон ручья, комариный звон, тяжело дышит Фердинанд, поскуливая, сопит Фиделио.

Старый конь дёргал шкурой. Донимали комары. Девчонку почему-то почти не трогали, а на коня набросились плотной стаей. Арлетта то и дело проводила рукой по умной лошадиной морде, по мокрой от росы и пота спине, давя целые комариные полки, но пользы от этого было мало. Понемногу сердце успокоилось. Фиделио перестал вылизываться, с тяжёлым вздохом обрушил голову на колени, мохнатый и тёплый, как хорошее одеяло. Плясунья прижалась щекой к конскому боку. Сон накрыл её сразу, как обморок, странный сон, в котором не было ничего, кроме темноты и тонкого противного воя.

Глава 11

Что-то сухое, гладкое, холодное медленно скользило по голой щиколотке. Арлетта отдернула ногу и вскочила, спихнув недовольно взлаявшего Фиделио. Завизжала бы, да дыхание захватило. Змей она боялась смертельно. Бесшумные твари и не пахнут ничем. Узнаешь, только когда наступишь. Фердинанд, боявшийся её потревожить, тяжело поднялся и, деликатно отойдя в сторону, принялся валяться, сдирая с зудящих боков и спины присосавшихся тварей.

– Надо выбираться отсюда, – сказала канатная плясунья. Теперь ей казалось, что вся трава вокруг кишит змеями. Шевелятся, свиваются в клубки, тихо шипят. В траве змеи, в воздухе комары, в лесу оборотни. И тут она будто очнулась. Оборотни! Но там же Бенедикт! И этот... колдун безногий. Надо на дорогу! На помощь звать! Да только где её взять, помощь-то, в этих проклятых лесах? И где дорога?

– Где Бенедикт?!

Фиделио вопросительно тявкнул. Бенедиктом поблизости не пахло, едой и костром – тоже. Да и на что он нужен, Бенедикт? Хозяйка здесь, чего ещё надо. Для виду он побегал по высокой траве туда и сюда, понюхал, отфыркиваясь от комаров, легко отыскал свой след и след Фердинанда, но снова тащиться по нему, лезть в эту страшную чащу... Фиделио даже заскулил от ужаса.

– Тьфу, – Арлетта, забыв про змей, топнула ногой, – никакой от тебя пользы. Фердинанд, надо ехать. Где Бенедикт?

Фердинанд недовольно фыркнул. У края леса он нашёл хорошую траву и теперь вдумчиво её жевал. Ехать, конечно, надо. Вот только куда? Короткая летняя ночь кончалась. Пропали звёзды. Поляна заполнилась светлым туманом. Но близкий рассвет ничего не прояснил. Где находится Бенедикт, старый конь не знал. Должно быть, где-то в лесу. А в лес Фердинанду не хотелось. Приличные лошади по таким местам не ходят.

– Мор тебя забери! – крикнула Арлетта. Она чуть не плакала. Бенедикт, растерзанный, истекающий кровью, лежит где-то там, в лесу, а она торчит здесь и ничем, ничем не может ему помочь.

В отчаянии она снова уселась на траву и попыталась что-то придумать. В голове звенело, будто туда набились все местные комары.

– Арлетта...

Она вскинула голову.

– Арлетта... Арлетта...

– Кто здесь?

Никого. Фиделио молчит. Фердинанд не беспокоится.

– Арлетта...

Голос шёл со всех сторон. Казалось, это шепчет трава вокруг, вызывает ручей, шелестит лес. Что страшнее? Голоса в голове или неведомая нечисть в кустах?

– Арлетта...

Канатная плясунья не выдержала. Закричала, свернулась клубочком, зажала уши.

– Фердинанд!

Фердинанд послушался, подошёл, остановился рядом. Арлетта торопливо вскарабкалась ему на спину.

– Пошёл! Куда хочешь, только быстрее.

И Фердинанд пошёл. Не спеша, лениво, осторожно обходя упавшие деревья, кочковатые сырые прогалины и буреломные плохие места. Туманный рассветный сумрак, в котором он медленно пробирался, для Арлетты был полной тьмой.

И вдруг глаза заломило. Однажды, в далёком детстве она проснулась от холода, выглянула из повозки и увидела зарево, перечёркнутое чёрной сетью веток.

– Пожар, – сказала она со знанием дела. Зарево – значит, где-то горит деревня, значит, снова их догнала война, от которой они бежали, сколько она себя помнила. Снова все будут кричать, ругаться, нахлёстывать лошадей.

– Нет, – засмеялась тогда мама Катерина, – не пожар. Рассвет.

Огромные перья белого золота вздымались над чёрным лесом, озаряли весь горизонт. Дуги, сотканые из прозрачного света, лёгкие, безупречно прекрасные. Фердинанд тихо шёл к ним, но они не становились ближе. Нельзя дойти до рассвета.

Замечтавшись, Арлетта не сразу поняла, что случилось. Фердинанд шёл ровно. Копыта уверенно стучали по твёрдой дороге. Чудное видение погасло, сменилось привычной темнотой.

– Выбрались, – ахнула Арлетта и тут же, не давая себе задуматься, та это дорога или какая другая, отчаянно закричала: – Бенедикт!

– Ну что ты орёшь? – хрипло донеслось из темноты.

Фердинанд встал как вкопанный. Застучали, заскрипели по дороге самодельные костыли. Ночной брат. Живой и здоровый, только дышит тяжело, будто давно идёт. Подскрипел, похлопал коня по шее.

– Глупая курица. Фердинанд и то умнее.

– Я знаю, – покорно согласилась Арлетта, и тут же всполошилась: – А где Бенедикт?

– Там, – хмуро отозвался ночной брат.

– Он жив?!

– Да. А ну-ка, держи.

Вручил Арлетте костыли и без церемоний уселся позади неё, обнял за талию, крепко прижал к себе. На этот раз пахло от него правильно, как от настоящего делового, потом и кровью.

Фердинанд закричал, но покорно двинулся дальше. Догнавший их Фиделио приветствовал ночного брата радостным лаем. Арлетта чуть не плакала. Бенедикт жив. Все живы.

– А его не покусали? – поспешно спросила она, желая окончательно успокоиться.

– Нет. Порезали.

– Ох!

– Ерунда. Заживёт.

– Тебе легко говорить!

Арлетта не удержалась, всё-таки всхлипнула.

– Угу. А про меня спросить не хочешь?

– Так ты ж ночной брат. Чего тебе сделается-то. Шрамом больше, шрамом меньше.

– Это верно.

Непонятно так сказал, вроде с обидой. Или с угрозой. А может... Ну да, конечно. Его укусили. Всё, сейчас набросится. Прямо сзади, в шею вцепится.

– Оборотень! – вскрикнула она и попыталась ткнуть его локтем в живот, спихнуть с лошади.

– Да, – рыкнул на ухо ночной брат, – ты не видишь, а я весь в крови. И волчья шерсть на носу. И клыки. У-а-у-у.

Завыл он очень натурально, но Арлетте вдруг стало смешно.

– Дурак, – сказала она, пристраивая длинные неудобные костыли поперёк холки Фердинанда. – Как вы отбились?

– Кое-как, с грехом пополам. Беру свои слова назад. Драться ты умеешь.

– Это не драка была. Это танец.

– Угу. У одного грудная кость треснула, у второго челюсть на сторону. Кто научил? Бенедикт?

– Нет, – снизошла до рассказа польщённая Арлетта. – В Иберии, ну, где море тёплое, с нами ездили сёстры Фламелла, Розабелла и Изабелла. Иза была в Бенедикта влюблена. Или Роза? Я их всегда путала. Близнецы. Они даже пахли одинаково. А работали они так. Сперва вдвоём плясали. Поединок понарошку. Бенедикт говорил: «Манифик!» Красиво очень. А потом вызывали на настоящий поединок кого-нибудь из публики. Обещались поцеловать, если кто их побьёт. Поцелуй против денег. Только до поцелуя дело ни разу не дошло. Хоть Роза, хоть Иза в одиночку могли побить кого угодно. Не только деревенских увальней, но и хороших бойцов. Солдат там бывших или телохранителей. Это называется баллата. Баллата-спада, баллата-скольде, баллата-морте. Танец-меч, танец-щит, танец-смерть. Я так не могу. Всё-таки надо видеть, куда у тебя руки-ноги летят. Они для меня нарочно придумали баллата-фуэте. Танец-кнут.

– Мощный кнут. Одна против шестерых стояла. Сама-то как?

– Ой, – опомнилась Арлетта, – это же... меня же... Меня укусили, – с трудом выговорила она, чуть не выронив костыли. Отчего-то враз ослабели руки. Её укусили. А ещё суетилась, выбиралась из леса. Ночного брата пугалась, дурочка! Теперь ей в лесу самое место. Сидеть в буреломе и выть на луну.

– Ты... – неуверенно сказала она, – ты ж к таким делам привычный.

– К каким?

– Ну, убить кого-то. Ты убей меня, если я превращаться начну. Чтоб Бенедикт не видел.

– Хорошо, – серьёзно пообещал ночной брат, наклонился, прошептал в самое ухо глухим загробным голосом: – Как начнёшь превращаться – сразу зарежу. Нож только заговорить надо. Сама понимаешь, обычный нож оборотня не берёт.

Приятно иметь дело с решительным человеком. Арлетта немножко приободрилась.

– И вот чего... Не знаешь, чего будет, если оборотень собаку покусает? Фиделио меня защищал, так его тоже...

– В человека превратится, – предположил ночной брат, – а что... из него хороший парень получится. Симпатичный, хоть и с придурью. Всё. Слезай, приехали.

Арлетта бросила костыли, махом слетела с коня, метнулась куда-то, сама не зная куда.

– Бенедикт!

Подскочил Фиделио, потянул её за изорванный в клочья подол. Арлетта послушалась, побежала за ним и тут же наткнулась на Бенедикта. Тот полулежал, прислонившись к колесу повозки.

– О, Бенедикт! Was ist с тобой pasado?

От волнения сама не поняла, что сказала. Получилось на всех языках сразу. Но Бенедикт понял.

– Не ори, – проворчал он, – я ещё не умирать.

Арлетта торопливо ощупала его, руки наткнулись на тугую повязку.

– Ты ранен!

– По рёбрам полоснул...

– Зубами? – ахнула Арлетта.

– Ножом. Повезло. Чуть ниже, и адьос. Сальто-мортале.

– А это? Плечо, щека, висок... – пальцы Арлетты завязли в липкой мази, – не зубами, нет?

– Это пройдёт. Ты как? Работать смочь?

– Смогу, – отмахнулась Арлетта, – а где оборотни?

– Да там валяются, – сообщил подобравшийся сзади ночной брат.

– Вы их всех... Ну да, конечно, не на тех напали. На Бенедикта с ножом. Додумались...

– Он тоже есть герой, – великодушно признал Бенедикт, – прёкрасно владеет костылём. Однако это есть пьятно на чести. Ты ж из благородных. Дубина да палка – это для мужиков.

– Прости. Фамильную шпагу дома забыл, – огрызнулся ночной брат.

– Я одного не пойму, как это мы их одолеть, – задумчиво протянул Бенедикт, – то как зверь набрасываться, то вдруг все полегли.

– Да ты сам в обморок грохнулся, как красна девица. А перед тем старшего порезал, – поведал ночной брат, – ну и я там, кого костылём по башке, кому подножку. Хорошо, не убили никого.

– Хорошо? – переспросила Арлетта.

– Пойдём, – предложил ночной брат, – покажу кой-чего.

– Э... – встревожился Бенедикт, – куда ты её тащишь? Ты их крепко связать?

– Крепко. Идём.

Арлетта неохотно оторвалась от Бенедикта. Ночной брат твёрдой рукой повлёк её туда, где звонко, торжествующе лаял Фиделио.

– Здесь.

Арлетту потянули вниз. Она осторожно села. Ночной брат тяжело плюхнулся рядом и взял её за руку.

– Вот, потрогай.

Пальцы коснулись жёсткой шерсти. Арлетта взвизгнула, попыталась отдернуть руку, но ночной брат не выпустил. Провёл её рукой по косматой волчьей башке, заставил сжать пальцы на торчащем холодном ухе и резко дёрнул вверх. Башка поддалась и повисла в руке. Арлетта снова взвизгнула.

– Брось эту гадость, – приказал ночной брат. Плясунья в полном ужасе подчинилась, разжала пальцы, и её освободившуюся руку снова потянули вперёд.

– Теперь потрогай, не бойся.

– Пусти меня!

– Потрогай, тогда отпущу.

Осторожно вытянутый палец нащупал что-то мягкое, тёплое, приятно гладкое. Лицо. Человеческое. Маленькое худое личико. Нос пуговкой. Целая копна грязных кудрявых волос.

– Что это?!!

– Это вот Марфутка. Восемь лет. Осторожно. Она и вправду кусается.

– Холера! – тонким голосом сказала Марфутка

– И ругается, как ватажник. А это вот, рядышком, как я понимаю, братец её, Матюха, на вид лет одиннадцать. Это вот Митька и Минька, эти постарше будут, годков тринадцать-четыре-нацать уже стукнуло. Это Митьке ты грудину сломала.

– Митьке?

– Слышь, Митяй, я понял, почему она ничего не боится, – невнятно, но для Арлетты вполне разборчиво зашептал кто-то, – она того, слепая, вишь, он её за руку водит. Не видала она нас.

– Угу, – согласился тоже всё слышавший ночной брат, – повезло ей, что она вас не видала.

– Это что, дети? – в полной растерянности прошептала Арлетта.

– М-да, вроде того. Вон тому, самому старшему, видать, шестнадцать сравнялось. Это в него Бенедикт нож всадил.

– О...

– Ничего, выживет. Перевязал я его. Нам покойники по пути не требуются. Ты, что ли, у них главный?

– Не, – слабым голосом отрёкся раненый, – неча на меня всех собак вешать. Петюня главный.

– Дети-оборотни? – дрожащим голосом спросила Арлетта.

– Да нет, какие они оборотни. Просто дети. Или уже не дети. Вешать-то за разбой их, как взрослых, будут, на возраст не поглядят. Так кто у нас тут Петюня? Ты, что ли?

– Ну, – нехотя сознался некто голосом хриплым, но ещё вполне детским.

– И кто же это, Петюнчик, тебя надоумил на большую дорогу выйти? Кто там у вас, в Волчьих Водах, чужими руками жар загребает?

– Никто, – отрезал Петюня, – сам придумал.

– И шкуры козы, волчьи, медвежьи на голову и воем народ пугать?

– Петюня у нас умный, – уважительно сказал кто-то.

– Угу. Оно и видно. Давно на дорогах грабите?

– А чё? – с вызовом заявил Петюня. – С голоду подыхать? Это вы там, в городах, зажрались, как сыр в масле катаетесь. А у нас...

– После войны земля не родит.

– Да она бы родила, да пахать нечем.

– Лошадей всех ещё когда забрали.

– И мужиков.

– Отцов ни у кого нету.

– Мамка плакала. Нас пять ртов, а есть нечего.

– Угу, – снова сказал ночной брат. – Много народу убили?

– Да они почти всегда сами убегали.

– Это Петюня здорово придумал. Мы малые ещё, с мужиками не совладали бы. А так все нас боялись.

– Не все. Иные отбивались, – с вызовом заявил Петюня, – зимой Сёмку зарубили.

– А весной Влада. Из арбалета.

– Что ж, нас убивают, а мы глядеть должны?!

– Значит, убивали, – подвёл черту ночной брат, – и работаете эдак уже больше года. А поймать вас никто не может, потому что оборотней бояться. Здешные леса вы хорошо знаете. И грабили далеко от дома, на нижней дороге.

– А по верхней никто не ездит.

– Вот только вас принесло, – буркнул Петюня.

– Товар кому сбывали?

– Да никому. Чего там сбывать. Мы еду брали. Крупу, муку, зерно. Зимой птицу, рыбу мороженую. Другого ничего не трогали. Там же на дороге груз потрошили и на себе уносили, сколько могли.

– На саночках увозили, – тонким голосом добавила Марфутка.

– А от нас чего хотели?

– У нас из еды полфунта пшена да краюха хлеба, – пробормотала Арлетта.

– Деньги, – не стал отпираться Петюня, – я в городе был, видел, вам много бросали.

– Тоже с голоду?

– Так вы ж скоморохи, дурная порода. Вас и ограбить не грех.

– А Митяю ваша девка больно понравилась.

– Дурак, – простонал Митяй.

– На что вам наша? – ехидно поинтересовался ночной брат. – У вас, вон, своя есть. Зачем малую с собой таскали?

– Да она сама напросилась, – мрачно отозвался Петюня.

– Воет она очень страшно, – добавили его соратники, – если не знать – прямо мороз по коже.

– Ну и что мне с вами делать, тринадцать разбойников? А четырнадцатый вон там, в кустах, лежит, всё не может придумать, то ли за помощью бежать, то ли самому на меня броситься.

– Павлуха, он такой, – хмыкнул Минька, – отчаянный.

– За помощью бежать некуда, – сказал Петюня, – в деревне одни старухи да девчонки. Взрослых баб всего три. Из нас половина нездешние. Минька вот сирота, в прошлом году прибился. И Гринька приبلудный, и Павлуха.

– Вылезай, Павлуха, присоединяйся к компании, – настойчиво предложил ночной брат. В кустах затрещало, но никто не вылез. Треск и шуршание быстро удалялись в сторону оврага.

– Так что мне с вами делать? – спросил ночной брат. Арлетта чувствовала, что он очень устал.

– Отпустите, дяденька скоморох.

– Отпустить? Вы же зарезать нас хотели из-за тех денег. Всерьёз хотели, без всякой жалости, а я, такой добрый, прощу и отпущу?

– Мы больше не будем.

– Ну ясно, не будете. До следующего обоза. Нижнюю дорогу затопило. Люди теперь через Волчьи Воды поедут, а тут... Здрасьте вам, оборотни во главе с умным Петюней. Волки из Волчьих Вод. Волчья шкура так к душе приросла – не отдерёшь.

– С голодухи всё.

– Сытый голодного не разумеет.

– Законы для сытых писаны.

– Вы там, в городе, в три горла жрёте, а мы...

– А вы влипли. Выбирайте. Могу сам вас прямо тут на деревьях развесить, могу страже сдать.

Кар! Квир! Квир!

Так кричит не глупая серая ворона, а чёрный страшный ворон, из тех, что любят слетаться на падаль. Каркнул ещё раз, захлопал крыльями, устраиваясь где-то на верхушке дерева.

– Не надо, – сказала Арлетта. – Ты не голодал, не знаешь...

– Представь, знаю. Как живот скручивает – не разогнуться, как ноги опухают. Как на тебя глядят голодными глазами, надеются, что накормишь, а взять негде и сил уже нет...

– Так ты в ночные братья потому пошёл...

– Нет. То давно было. В ночные братья я потом угодил.

Кар! Кар! Да сколько ж их тут? Целая стая, что ли? Птицы орали, хлопали крыльями, рассаживались на ветках вокруг поляны.

– С чего это? – подозрительно спросил умный Петюня.

– Поживу чувю, – усмехнулся ночной брат.

Каркнуло совсем близко. Какая-то птица зацепила Арлетту крылом по лицу. Пахло от неё далеко не розами. Арлетта отшатнулась. Убежать бы.

– Да ты, никак, колдун, – протянул Митька.

– Есть немного, – согласился ночной брат.

«Так я и знала», – подумала Арлетта.

– Сдавать вас страже не хочу. Отродясь никого не выдавал и теперь не стану. Перевешать или заколоть как свиней – лень. Много вас. Оставлю я вас здесь. Сами развяжетесь, или ваш Павлуха вернётся, развяжет. Хм. Если успеете до того, как настоящие волки придут. А чтобы вы за нами гоняться не вздумали, вот вам моё проклятие. Птички эти... красивые, правда?

– Карр! Квирр! Карр!

В отличие от птичек, разбойники подавленно молчали.

– Что, не нравится? Жаль. Теперь всегда с вами будут. Хоть днём, хоть ночью. Хоть в лесу, хоть в деревне. Чуть у вас ручки к ножу, топору или дубинке потянутся, пеняйте на себя. Глаза особенно берегите.

– Карр!

– Да. Камнями-палками в них не кидайте. Про лук, арбалет и пращу я уж и не говорю. Оружие вам и вашей родне теперь трогать нельзя. Ни-ни. А то все будете, как наша Арлетта.

Придётся снова идти на дорогу, только уже не грабить, а милостыню просить. Имей в виду, Петюнчик, про рукавицы ты зря подумал. Этим проклятие не обойдёшь. Хоть голой рукой за нож возьмёшься, хоть в латной перчатке – без разницы.

– Карр!

– Вот. Значит, правда. Арлетта, зови Фердинанда. Запрягай, поедem. А то сейчас Павлуха баб с серпами и вилами приведёт.

– Коли так, – решительно, с глубокой ненавистью к зажавшимся городским сказал Петюня, – Марфутку хоть пожалейте.

– Это как?

– С собой возьмите. Нам теперь всё равно с голоду пропадать. А она у вас разные штуки переймёт. Вам польза, и она сыта будет.

– Не-е-е-ет, – сейчас же заголосила Марфутка.

– Да, – вскинулась Арлетта, – поедem с нами, тебе понравится.

– Не вздумай, – рявкнул Бенедикт, – самим есть нечего. Ну что за глупый дитя. То кошку возьми, то собачку, то больного-покалеченного. Всех мизерабль не подберёшь. Хватит с тебя.

Ночной брат ничего говорить не стал, только молча подтолкнул Арлетту к повозке. Арлетта послушалась. Ночных братьев злить нельзя. А то сделает, как сказал. Сам всех повесит. Марфутку первую.

Глава 12

Бенедикт стонал, охал и прямо сидеть не мог. Ночной брат поначалу действовал решительно и бодро: в повозку влез, вожжи в руки взял, чмокнул губами, приказывая Фердинанду ехать, да и повалился. Сознание потерял. С трудом оттащили его, кое-как уложили. Править пришлось Арлетте.

К счастью, Фердинанд старался поскорее убраться из нехорошего леса. Колёса мягко катились по заросшим травой старым колеям. Позади каркали вороны.

Поздним утром, уже под горячим солнцем, Арлетта дала коню передохнуть, попасла его как следует в чистом поле, где гулял лёгкий утренний ветер. Зевая, состряпала завтрак из уцелевших остатков ужина. Бенедикт отлежался, криво, согнувшись на один бок, уселся на козлах, покряхтывая, взял вожжи. Арлетте удалось соснуть, отдохнуть немного. После полудня въехали в небольшую, но живую деревню, купили у мужиков яиц, творога, полбуханки хлеба.

Лишь ночной брат снова лежал, как сломанный перш, ничего не хотел, даже не бредил. И с чего? Вроде не ранен. Арлетта, скрепя сердце, стараясь лишний раз не прикасаться, напоила его с ложки, попыталась впихнуть в рот размятый, размоченный с творогом хлебный мякиш. Помрёт – возись потом с ним.

Но колдуны, говорят, живучи. Вот и этот под вечер сам вылез на козлы, устроился рядом с Арлеттой. Арлетта дёрнулась, постаралась отодвинуться. Сидеть наедине рядом с этим... Бр-р-р... Бенедикт дремал. Запах от него шёл нехороший. Добыл-таки спиртного в последней деревне. Корчмы там не было. Должно быть, мужики сами гнали. Раны разболелись или страх заливал. Арлетта его жалела, не тревожила. Они с Фердинандом сами как-нибудь разберутся.

Но ночного брата она снова боялась. До мурашек, до мелкой внутренней дрожи.

– Зачем ты вожжи держишь? – спросил он как ни в чём не бывало.

– Так надо, – отрезала Арлетта и ещё отодвинулась, насколько позволяла качающаяся доска.

– Ну что опять такое? – хмыкнул ночной брат.

– Не дыши мне в ухо.

– Может, мне вообще не дышать?

– А ты сумеешь? Небось и вправду сумеешь. Ты ж колдун.

– Я? Это почему?

– Сам знаешь.

– Только потому, что стая ворон мимо пролетала? Я этим наврал, припугнуть хотел, чтоб за нами не увязались, а ты поверила...

– При чём тут вороны? – мрачно сказала Арлетта, помедлила, стараясь сдержаться, и всё же брякнула: – За такие песни в Остзее в болоте топят, а во фряжских землях на костре жгут.

– Да что я сделал-то? Подыграл немного, чтоб тебе легче работать было.

Голос такой честный, такой невинный, аж зубы ломит.

– Подыграл? – разозлилась Арлетта и снова ляпнула лишнее: – Да я ни о чём больше думать не могу. Во сне слышу, наяву напеваю. Правильно они тебя по всем дорогам ищут.

– Выдать хочешь?

Прохладно так спросил, будто ему наплевать.

– Шпильманы своих не выдают, – прошипела Арлетта.

– Так я всё-таки свой?

Арлетте захотелось его стукнуть. Замахнулась даже, но тут левое колесо рухнуло в очередную выбоину. Ночной брат поймал Арлетту в воздухе и решительно усадил рядом с собой. И вожжи отобрал. И Фердинанд, предатель этакий, был не против.

– Не огорчайся, я тебе ещё спою.

Арлетта взвизгнула и зажала уши. При этом опрометчиво отцепилась от доски и снова чуть не улетела. Дорога здесь была сильно разбита. Глина, разрытая колёсами в непогоду, застыла глубокими колдобинами.

Ночной брат снова подхватил её, обнял за талию.

– Сиди смиренно.

Девчонка хотела пихнуть его локтём в бок и, конечно, промахнулась.

– Ты... ты... ты чёрный пардус!

Ой! Опять сморозила что ни попадя.

– Ого! Пардус... да ещё чёрный. Почему чёрный?

– А почему нет?

– Да раньше меня юные девы иначе называли.

– Как?

– Ну, сокол ясный, лебедь белый.

Арлетта ехидно захихикала.

– Это снаружи ты, может, белый лебедь. Да я-то не глазами смотрю. Душа у тебя чернее чёрного.

– Правда?

Хм. Проняло. Руку не убрал, но отодвинулся.

– Да, – уверенно сказала Арлетта, – ты ж ночной брат. А ещё колдун. В лесу девчонку маленькую не пожалел. Мы б её накормили, потом по дороге куда-нибудь пристроили бы. Пропадёт теперь. А ещё – эх, что бы такое ему припомнить, – ещё ты принцессу соблазнил и наследника престола хотел похитить.

– Всё верно. В душе у меня черным-черно. Век не отмоюсь.

Опять про это. Что ж ты натворил-то, голова бедовая? Что ж такого можно сделать, что даже ночного брата совесть гложет?

– Да ладно, – пошла она на попятный, – не бойся. Ничего я не вижу.

Ночной брат помолчал, подумал, уселся поудобнее. Снова приобнял. На этот раз по-благородному, за плечи.

– А хотела бы?

– Что?

– Видеть. Глазами.

– Не знаю, – протянула Арлетта. Иногда она хотела этого. Сильно. Но... Нельзя хотеть того, что никогда не случится. От этого одно горе. Да и зачем хотеть? В её тёмном мире, полном звуков и запахов, было привычно, понятно, просто. Главное, считать шаги, а коли не можешь считать, не отпускать верёвки. А для дальних прогулок есть Фердинанд. С ним – куда угодно. Хоть по лесу, хоть по городу. Вот только на ощупь красную юбку от розовой не отличишь. А Фиделио – он какой? Рыжий, чёрный? Фердинанд соловой масти, золотистый с красивой белой гривой. Это она помнила. И Бенедикта помнила. Бенедикт высокий, волосы светлой шапкой, глаза под чёрными бровями тёмные, но весёлые. Нос смешной, крючком и слегка на сторону.

А ночной брат? Нескладный, костлявый, весь в шрамах... пахнет от него странно...

– Хм. Любезничаєте? Хыханьки-хахьяньки?

Пахнуло перегаром, между ними просунулась голова Бенедикта.

– Да ну тебя, – фыркнула Арлетта и слезла с козел, забила к себе за занавеску от греха подальше.

– А что, я не против, – не унимался Бенедикт, плотнее усаживаясь на её место.

Ночной брат помолчал и вдруг выругался как... ну, как ночной брат. Грубо, грязно и безобразно. Отчётливо произнося все слова, будто говорил на фряжском.

Бенедикт в ответ заржал, отчего-то довольный.

– Ишь, молодой. С гонором. Контракт заключим, в семью войдёшь и любезничай в своё удовольствие.

– Какой контракт? Это чтоб я пел?

– А что ж. Ты поёшь, она пляшет... Манифик! Весь публикум будет наш.

– Да-а... Дурак ты, хоть и шпильман. Думаешь, чего я раньше не пел?

– Кто ж тебя поймёт.

– Знаешь, как меня наши кличут?

– Ну?

– Соловей.

Арлетта фыркнула. Ночные братья шутили редко, но метко. Соловьём у них называлась простая отмычка в виде ломика. Двери и ворота отжимать. Со скрипом, но быстро и просто.

– И что? – не понял Бенедикт.

– То самое. Особая примета это. По голосу меня живо узнают. И под персоной моей, что теперь в каждом кабаке висит, это прописано.

– О-у! – только и сказал Бенедикт.

– Так что играть я, так и быть, могу. Но петь... забудь и не вспоминай.

– Забыл. До поры, – хмыкнул Бенедикт.

– До какой поры?

– Сядем в Липовце на корабль – тогда поговорим.

На ночлег стали в пустой деревне. Совсем пустой, покинутой. Бенедикт сам прошёлся по всем шести уцелевшим домам, проверил ушедшие в землю баньки и завалившиеся клуны. Никого не нашёл, даже крыс не было. Да и что им тут делать? В пустых погребах и амбарах давно было съедено всё до крошки. Только ласточки по многолетней привычке ещё гнездились там и сям, под сгнившей стрехой или почти отвалившимся карнизом. Да на одном из чердаков обнаружилась уже устроившаяся на ночь голубиная стая. Бенедикт побрал их, полуслепых, в темноте, почти руками. Вернулся к повозке очень довольный, с курткой, набитой голубиными тушками, и непременно сам пожелал приготовить некий супчик по-фряжски. Вытребовал у Арлетты луковицу, перцу, соли, лаврового листа, разжёл во дворе брошенного дома хороший костёр, добыл воды из колодца. Ворот оказался поломан, цепь оборвана, пришлось долго возиться с найденным в пустой клуне дрючком. Арлетта ошипывала голубей, Фиделио сидел рядом и умильно принюхивался, время от времени пихая её носом под локоть, а ночной брат куда-то делся. В ухо не дышал, костылями не скрипел. Пропал. Арлетта понадеялась, что насовсем.

Но нет, вернулся. Встал рядом. Долго молчал. Должно быть, глядел, как Бенедикт священнодействует у костра, ловил носом вкусные запахи. Правда, молчание было какое-то неприятное. Арлетта умела различать молчания. Это было тяжёлым.

– Слышь, бабочка, пойдём со мной.

– Зачем?

– Пошли. Не пожалеешь.

Арлетта поднялась, кое-как стряхнула с юбки налипшие перья и пошла за ночным братом, привычно подставив ему плечо. Бояться она раздумала. В случае чего Бенедикт рядом, а если этот опять петь примется, можно и уши заткнуть.

– Далеко не пойду, – предупредила она на всякий случай.

– А далеко и не надо. Осторожно, тут ступенька. А тут пол провалился. Ступай за мной, по стеночке.

Пахло сырой трухой. Гнильём. Старыми тряпками и мышами. А ещё дымом. Должно быть, ночной брат прихватил для света горящую щепку.

– Ты меня что, в избу тащишь?

– Не ташу, а позвал. Всё. Пришли.

– Ну и что? Что ты... кхм... показать хотел?

– Тебя.

– Что?!

– Я хотел показать тебе тебя.

– Э... ты это... Бенедиктову флягу нашёл? Да нет... не пахнет вроде.

– Не вертись. Тут пол слабый.

К дыму и мышам добавился новый запах.

– Свечка, – определила Арлетта, – дорогая, восковая. Колдовать будешь?

– Да не вертись. Постой смирно.

Арлетту осторожно взяли за плечи, повернули. На глаза, как в игре «Угадай, кто?», легли жёсткие руки ночного брата.

– Теперь смотри.

Хотелось засмеяться, обозвать проклятого колдуна как нельзя хуже и...

Два дрожащих огонька. Нет, четыре. Два настоящих, а ещё два как в тумане. Два оплывших свечных огарка горят – отражаются в стоящем на столе зеркале. Зеркало тусклое, с выбитым уголком, в тёмной грязноватой рамке. В зеркале – отражение. Непонятное какое-то, странное. Шевелится что-то. Вроде человек, вот только с лицом у него что-то не то. Как будто его нет, лица-то.

– Ой!

– Видишь что-нибудь? – спросил ночной брат.

– Ой! А как это?

– Ты видишь моими глазами. Фокус такой, воровской. Чтоб высматривать, где что плохо лежит. Никакого колдовства, честное слово.

Спокойно так сказал, лениво. Будто ничего особенного не происходит. Арлетта, которой очень хотелось визжать и кусаться, решила пока этого не делать.

– Э... А что я вижу?

– То же, что и я. Хорошее зеркало. Видно, до войны они тут неплохо жили. Богато.

Немного успокоенная этими посторонними рассуждениями, Арлетта пригляделась к отражению. Лицо у отражения определённо имелось, только почти скрытое широкими мужскими ладонями. Снизу упрямо торчал загорелый подбородок с косой свежей царапиной, сверху – короткие неровные пряди тёмных волос. Вели они себя своенравно: те, что покороче, свирепо топорщились в разные стороны, те, что подлиннее, спадали вниз мягкими волнами.

– Это я, что ли? – неуверенно спросила Арлетта.

– С утра была ты.

Да уж. Арлетта осторожно протянула руку, потрогала любимое украшение – свисавшую слева тонкую косичку с туго вплетёнными красными бусинками. Память о маме Катерине. Канатная плясунья заплетала её, сколько себя помнила, и очень ею гордилась. Под пальцами скользили гладкие кругляшки со всеми знакомыми шерстинками и царапинами.

Отражение сделало то же. Протянуло очень худую, исцарапанную руку и коснулось косички. Бусинки... Истёртое серенькое дерево с жалкими следами краски.

– Я... Они на самом деле такие... некрасивые?

– Хм. Слегка поистёрлись.

– А я? – как всегда, не подумав, выпалила Арлетта. – Я какая?

– Ты разве не видишь?

– Вообще-то нет. Руки твои хорошо вижу. Они такие потому, что ты музыкант, или потому, что вор? – съехидничала, чтоб немного себя подбодрить.

– Потому что вор, – отрезал ночной брат. – погоди. Сейчас.

Длинные воровские пальцы медленно разомкнулись, скользнули по щекам, легли на плечи.

– Мама!

– Ну, чё такое?

– Мама Катерина, – выдохнула Арлетта. Катерина смотрела на неё из зеркала, совсем такая, какой её помнила непутёвая дочка. «Чудо-юдо в решете, – говаривал Бенедикт, – волос чёрный, глаз голубой, погибель моя смертная есть». – «Погибель, – смеялась Катерина, – горе моё. Ни одного языка не знаешь». – «Зато на всех говорю», – надув для солидности щёки, возражал Бенедикт. Тогда они часто смеялись вместе.

Ресницы весёлыми чёрными стрелками, брови – соколиный разлёт. Мама Катерина. Вот только такой худой она не была. У кого-то, может, ямочки на щеках, а у этой, в зеркале, ямы вместо щёк. И нос какой-то кривой, остренький-курносенький. На носу целый букет царапин. Под левым глазом синячище чуть не во всю щёку. Наверное, это когда она прошлой ночью в дерево врезалась. Но глаза ясные, ни за что не скажешь, что слепые.

– Ты меня вылечил? – спросила она, втайне надеясь, что это окажется правдой.

– Нет. Лечить не умею. Смотри, пока можно.

И Арлетта смотрела. Уже без испуга, задумчиво. У девицы в зеркале была... э... фигура. Ключицы, конечно, торчали, и шея тонкая, но под засаленной мешковатой кофтой определённо имелась пусть небольшая, но вовсе не детская грудь.

– Это что же... выходит, я... Сколько мне лет?

– Ну, – протянул ночной брат, – судя потому, что ты рассказываешь, четырнадцать-пятнадцать. По нашим законам замуж уже можно. А по фряжским – ещё нет.

– Зачем?

– Зачем замуж? Не знаю. Но все девки хотят.

– Да нет. Зачем он мне врал?

– Кто?

– Никто, – оборвала себя Арлетта.

Нет. Обсуждать Бенедикта она ни с кем не будет. Но зачем он врал? Не только публике, публику морочить не грех. Зачем ей самой голову морочил? Вовсе она не ребёнок. И не такая уж уродина. Не красавица, конечно, как Катерина... Но всё же, всё же... Вот синяки сойдут, и... А ночной брат? Он какой? В зеркале ничего видно не было, кроме неясной тени за спиной. Свет падал только на руки, тяжело лежавшие на её плечах, да на слипшиеся концы ярко-рыжих прядей. Арлетта завертелась, пытаясь повернуться, заглянуть ему в лицо, упёрлась макушкой в твёрдый подбородок. Но видела только то, что в зеркале. А потом всё исчезло. Темнота смокнулась, хотя свечи ещё горели. К лицу по-прежнему поднималось их тепло.

– Поддай-ка мне костыли, пока я не свалился, – тихо попросил ночной брат. – Они тут, у тебя под ногами. Устал стоять.

Арлетта нагнулась, нащупала костыли, протянула ему. Голова слегка кружилась.

– Пошли, выведу тебя.

– Антре! – заорал Бенедикт, – кушьять подано. Что вы там, клад нашли?

Но ночной брат ничего кушать не стал, хотя голубиный суп пах изумительно. Довёл Арлетту до костра и делся куда-то. Должно быть, забился в повозку. Сама Арлетта после ужина внутрь не полезла, устроилась на крыше. Дождя нет, место открытое, комаров сдувает. Долго ворочалась, всё думала. О себе, о Бенедикте. О том, отчего он желал, чтобы его пуур инфант всегда оставалась некрасивой маленькой девочкой. Наконец, надумала. Красивые да взрослые

замуж выходят. Выходят... уходят... А Бенедикт хочет, чтоб она оставалась при нём. Значит, любит. Сильно любит. Вот и хорошо. А про чёрную пустоту да про одиночество она всё выдумала. На этом Арлетта успокоилась и заснула, завернувшись в зимний пуховой платок. В самый сон тихонько заполз чёрный пардус, он же ночной брат, он же колдун проклятый. Ему-то чего надо? Зачем показал ей всё это?

Спали долго. Минувшая страшная ночь не прошла даром. Встали уже за полдень, да и то потому, что чуткая Арлетта сквозь сон услышала скрип колёс, топот многих копыт, долгое, хриплое мычание. Оказалось, в пустую деревню втягивается длинный обоз. Все, кто в округе стремился попасть в Чернопенье на Купальскую ярмарку. По нижней дороге пробирались бы поодиночке, но по верхней не решились. Удалось сговориться и нанять конную охрану, которая сразу метнулась к подозрительной повозке. Угрюмый со сна Бенедикт скороговоркой завёл обычную жалобу про бедных шпильманов, придурковатую слепую дочь и покалеченного брата. Выслушали хмуро, но мирно. Тогда он набрался наглости и попросил позволения присоединиться к обозу. В этом ему было отказано. От проклятых скоморохов лучше держаться подальше. Того и гляди разбойников наведут.

Но Бенедикт не огорчился. Выждал, пока обоз утянется за ближайший лес, и тихонько поехал следом, прямо на козлах дожёвывая остатки вчерашней обильной трапезы. Охрана лихих людей разгонит. Сразу нападать на отставшую повозку, может, и поопасется. Арлетта осталась на крыше. Здесь качало сильнее, но зато солнышко грело не по-вчерашнему. Она свернула платок, подсунула под голову и тихонько качалась в тёплых лучах. Вот несколько минут лёгкого холода – это облако протянулось, прошло над полями и лесами Высокого Полибавья, вот зашуршало, зашелестело, тепло разбилось на летучие пятна – это въехали в лес. Липовый, светлый, редкий. Хорошо. Можно дремать и ни о чём не печалиться.

Снизу послышалась возня. Бенедикт коротко переговорил с ночным братом, передал ему вожжи. Тот принял, малое время ехал молча, потом засвистел тихонько, протяжно. Арлетта плыла под этот свист на грани сна и яви, а потом ей приснилась песня.

Протяжная песня, качающаяся, как повозка.

Ах, телега ты моя, вдребезги разбитая,
Ты куда везёшь меня, всеми позабытая,
Мой коняга так устал, дальняя дорога... ²

Во сне... честное слово, не просыпаясь, она соскользнула по верёвке, устроилась на краешке качающейся доски. Ночной брат подвинулся, давая ей место, и сразу же замолчал.

- А дальше? – против воли выдохнула Арлетта.
- Не могу, – смиренно, как некая невинная овечка, отвечивал ночной брат.
- Почему?
- За такие песни в Остзее в болоте топят, а во фряжских землях на костре жгут.
- Да эта вроде ничего, обыкновенная, – осторожно сказала Арлетта.
- Значит, обыкновенные можно? Дозволяете, прекрасная госпожа Арлетта?

² Стихотворение А. Суханова.

Ну ясно, обиделся. «Прекрасная госпожа» нахохлилась. Просить она не будет. Не дожждётся. Ещё чего не хватало.

Повозка качалась мягко, колёса вязли вдорожной пыли. Даже Фердинанд ступал бесшумно, как по облаку.

Туманно наше солнышко, туманно,
В тумане ничегошеньки не видно.
Кручинна наша девушка, кручинна,
Никто её кручинушки не знает,
Ни матушка, ни милые сестрицы³.

Канатная плясунья плакала и сама не знала, почему плачет. Некрасиво шмыгала носом, стискивала кулачки и кончила тем, что уткнулась в плечо ночного брата.

– Ну что ты, – растерянно сказал он, – это же просто песня. Девки на супрядках поют.

– Ты колдун, – беспомощно всхлипнула Арлетта.

– Да брось, – ночной брат неловко обнял её, – какой колдун... вор я, обычный вор. Ну хошь, каторжную затынем.

– Нет! Не надо!

Не надо всё портить: тишину, печаль, песню, которая, как лёгкая дорожная пыль, ещё висела в воздухе. Парни такого не понимают. Им лишь бы горланить, да погромче, да чтоб чёрных слов побольше.

Ночной брат чмокнул губами, слегка понукая Фердинанда.

– Смотри.

Совсем близко, над самой головой, солнце качалось в ветвях одинокого дерева. А за деревом... за деревом было только небо с рядами лёгких облаков и дальняя даль, лесистые холмы за Либавой. Сама Либава рябила яркими чешуйками далеко внизу. Щётки кустов, поля камышей, высокие ветлы подступали к ней, но не могли скрыть широкую вольную воду. Песчаная дорога ползла над самым обрывом, отчаянно цеплялась за крутой склон. На склоне тихо шелестела высокая трава, лохматые колоски щекотали близкую синеву.

– Это ты видишь? – пискнула перепуганная Арлетта, которой казалось, что они сейчас упадут в облака, возьмут и уедут по облачной дороге.

– Правда, красиво?

– Это на самом деле?

– Да.

– Голова кружится.

– С непривычки. Пройдёт.

– Мы падаем!

– Куда?

– В небо!

– Опять воркуете? – донеслось из повозки. – Лапы уберь, бесстыжая морда. Она ребьёнок, а ты...

Арлетта сейчас же отстранилась, села чинно, расправила юбку. Чудная картинка погасла, стоило шевельнуться.

– О... не успела...

– Чего? – прошептал ночной брат.

– На Фердинанда посмотреть не успела. Я его помню. Только плохо.

– Посмотришь ещё.

³ Народная песня.

Бенедикт, которому не понравилось, как они шушукаются, рявкнул, что пора делать привал. Но Арлетта его ворчание почти не слушала.

Глава 13

Ярмарка в Чернопенье собралась большая. Здесь были все, кто на Купалу хотел бы добраться до Студенца или Верховца, но не доехал из-за погоды. Хлопот выпало немало. Бенедикт, которого из-за раны перекосило на один бок, нижним работать не мог, так что о перше, к радости Арлетты, речи не было. Петь ночной брат отказывался наотрез, а Бенедикт даже не спорил. Понимал, что он прав. Платить за то, чтобы просто поглазеть, как Арлетта ломается на вытоптанной ярмарочной травке, охотников найдётся немного. Оставался канат. К счастью, на ярмарочной площади, она же деревенский выгон, нашлись две высокие липы. Расстояние между ними было чуть меньше обычного. Арлетта тщательно его вымеряла, насчитала двадцать пять шагов и решила, что всё обойдётся. Пока она слонялась вдоль разложенного на земле каната, Бенедикт нашёл ловких парней, согласившихся растянуть его между деревьями. Лезть туда сам он тоже не мог. Но крепёж на земле проверил и натяжение отрегулировал лично. Старая лебёдка поскрипывала, но держалась. Арлетта очень боялась, что она сломается, но пока обходилось.

– Ловить тебя не буду. Прыгнешь на двадцатом шаге. Схватишься за лестницу.

– А если... – начал было ночной брат, но Арлетта отмахнулась и пошла одеваться. Так работать она не любила, но умела. Не первый раз. Бенедикт пытался было бить в бубен, но при попытке поднять руку в раненый бок так стреляло, что и бубен пришлось отдать ночному брату.

Ничего, приладились. Ночной брат устроился под деревом. Бубен стучал, арфа выдавала нечто залихватское, Фиделио скакал на задних лапах и ходил со шляпой. Арлетта вздохнула и начала считать. Публика, как положено, охала и ахала. Народу, по звукам, собралось много. Солнышко пригревало, сухой канат пружинил под ногами. Немного мешали ветки, но она ощупала их заранее, кое-что обломала. Остальные, что могли помешать, запомнила. Глиссе – пируэт – батман направо – батман налево. Шёлковые крылья распахнулись с лёгким шорохом. Полёт. Протянутые вперёд руки ухватились за верёвочную ступеньку, соскользнули, но крепко вцепились в следующую. Лестницу качнуло, костяшки пальцев больно ударились о сырую кору.

«Не рассчитала, – подумала Арлетта. – Не на двадцатом шаге надо было прыгать, а на пятнадцатом».

Спустившись и раздавая направо и налево поклоны и воздушные поцелуи, она обнаружила, что ночной брат стоит, шатается на скрипучих костылях.

– Дура! Что ж ты делаешь?!

– Работаю, – удивилась Арлетта, – а что, некрасиво? Не шарман?

– Гран шарман, пёсья кровь, – прошипел ночной брат. – Неужто вам так деньги нужны? Нельзя подождать, пока он поправится?

– Как подождать? – изумилась Арлетта. – Это ж Купальская ярмарка. Такое дело. Иной раз с доходов от Купальской ярмарки целый год живут.

– А иной раз шею ломают и помирают!

– Сам дурак, – горячо зашептала Арлетта, продолжая заученно улыбаться, – нам и так из Остерберга бежать пришлось. Кучу денег потеряли. Из Студенца уехали, в Верховец не доехали. Опять потеря. В городе работать доходнее. Так что деваться некуда. Надо выжать из этого Чернопенье всё, что можно.

– Верно говоришь, петит клеве чайлд, умница моя, – вмешался Бенедикт, прихрамывавший поглядеть, в чём дело. Купальскую ярмарку упускать нельзя. Каждый час дорог. Allez, Арлетт.

Арлетта послушно двинулась к лестнице и снова уткнулась в костлявую грудь ночного брата.

– Неужто тебе её совсем не жаль?

– Ещё как жаль. Пуур инфант, единственный дочь. Allez, Арлетт! Публикум ждёт.

Арлетта проворно полезла наверх. Публика ждать не любит. Вон сколько конкурентов. Сверху хорошо были слышны вопли Пьера-простака, по-здешнему, Петрушки, гуделки и виолы бродячих музыкантов, чьё-то залихватское пение. Так что работала она до красных точек в глазах, до дрожи в коленках, пока Бенедикт не сказал: «Хватит». Он был доволен. Публика, судя по крикам и развесёлому свисту, – тоже. Бить в ладоши, как во фряжских землях, здесь не полагалось, но свистели и орали знатно.

Сколько им набросали, Арлетта не знала, Бенедикт никогда перед ней не отчитывался. Но, во всему видать, много, потому что суровый глава труппы расщедрился настолько, что повёл всех в трактир и заказал обильно. Конечно, Арлетта устала, так устала, что заснула за столом, как маленькая. Ночью Бенедикт снова куда-то отлучался, а что делал ночной брат – она не знала. Должно быть, спал. Что ещё делать, когда у тебя нога сломана и уже которую неделю не заживает? Не на танцы же идти? Хотя музыка звучала на площади почти до утра.

Утром её разбудил Бенедикт. Похоже, он вообще не ложился. Настроение у него отчего-то испортилось. Ворчал и бурчал, и поторапливал непутёвую девочку-неудачу. Наскоро умывшись и причесавшись, Арлетта вытащила жаровню и сварила нехитрый завтрак, непонятно за что горячо любимую местными вонючую гречу. Но члены её маленькой труппы ели, не отказывались. Ночной брат даже обрадовался. Вкусно, мол, страсть как соскучился.

Потом началась работа. Звенели бубенцы на браслетах, подпевали звучащей арфе. С шорохом раскрывались шёлковые крылья, несли Арлетту вниз. Бенедикт работать по-прежнему не мог, так что опять пришлось обходиться одной. Поначалу дело шло весело. Канат оставался в тени деревьев. Листья тихонько шуршали, отдавали утреннюю росу, делились ночной прохладой. После шестого танца солнце поднялось высоко, над ярмаркой раскинулся пыльный полдень самого долгого дня. Арлетта устала, попросилась недолго отдохнуть. Бенедикт поворчал, но позволил. Даже пожалел, принёс напиток-умыться. Канатная плясунья расцвела. Вот как любит. Заботится.

Седьмой танец дался не так-то легко. Но она знала всякие хитрости. Можно ведь и не спешить, танцевать медленно, выгибаться красиво и томно. Ночной брат всё понял, заиграл что-то плавное, протяжное, как большая река Либава. Ну вот и всё. Раз-два-три-четыре – пятнадцать шагов, прыжок, полёт, руки тянутся к лестнице... Но лестницы на месте не оказалось. То ли ветром её отнесло, то ли прыгнула плохо. Тупая Арлетта! Девочка двадцать два несчастья. Она падала и знала, что дрожащие за спиной крылья ей не помогут. Как один человек, ахнула дождавшаяся своего часа публика. Что-то резко, отчаянно крикнул ночной брат. Что-то совсем глупое, что-то про ши, и тут Арлетта упала.

Упала и сейчас же вскочила на ноги. Удар получился упругим, точно о полотняную крышу повозки. Повезло. Уважаемая публика вопила и бесновалась. Девочка-неудача, не будь дура, сделала вид, что так и задумано, и принялась раздавать во все стороны комплименты, поклоны и воздушные поцелуи.

– Оу, – донёсся до неё негромкий голос Бенедикта, – господин музыкант, ты есть жив или как? Надо же, какой нежный! Подожди помирать, не порть представление.

Ночной брат ответил что-то, вяло и неразборчиво, но сердито. Значит, не помирает. Надо же, как испугался. Сразу видно, не шпильман. Вот Арлетта, природный шпильман, ещё два раза сплясала, и шарики на канате покидала, и прошлась с завязанными глазами туда-сюда, а он, слабак, даже играть не смог. Так, подстукивал на бубне.

Зато на следующее утро взбунтовался. Должно быть, благородная кровь взыграла.

– Сегодня она наверх не полезет!

– Почему это?! – возмутилась Арлетта.

– Совсем глупый, да? – поинтересовался Бенедикт. – Ярмарка – последний день. Публика подгулял, пьяный, денег не жалеть. Да ещё о вчерашнем падении слух пройти. Столько их набегит – деньги мотыгой наскребём.

– Лопатой, – сказала Арлетта.

– Нагребём, – сказал ночной брат и добавил: – Не понимаю. Это ведь твоя дочь.

– И не поймёшь, – отрезал Бенедикт, – ты в рубашка родился, с серебряный ложка во рту. А нам каждый грош дорог.

– Да ведь вчера, навскидку, десять золотых заработали. Фиделио шапку таскать не успевал. Стадо коров купить можно.

– О-у! Чужие деньги считать дьело нехитрое.

– Хорошо. Пусть она просто пляшет, а я буду петь.

– А как же, – забеспокоилась Арлетта, – тебя ж узнают.

– Всё равно не доходно, – пробурчал Бенедикт, – тут на каждом углу пляшут.

– Посмотрим, – сквозь зубы процедил ночной брат, – посчитаем.

– Танцуешь свою смертельную баллату.

– Прямо сразу смертельную? – хмыкнула канатная плясунья, совершенно не верившая в эту затею.

– Ну, какую хочешь. А я подыграю.

– О, ты иберийские баллата знаешь?

– Придумаем что-нибудь.

Арлетта тряхнула головой, прислушалась к тихому барабанному перестуку и, не особо стараясь, принялась нанизывать связки баллата-спата. Разящий насмерть танец-меч. Драться она таким способом не смогла бы, а сплясать – пожалуйста. Почему бы нет. Публики было не очень много, как они смотрят и о чём думают, Арлетта не знала. Знала только, что всё равно придётся лезть на канат. Прав Бенедикт, здесь на каждом углу так пляшут.

И тут проклятый колдун подал голос:

Ты солнце в выси мне застишь,
Все звёзды в твоей горсти!
Ах, если бы – двери настезь! —
Как ветер к тебе войти!⁴

Его голос был солнцем, ветром и жизнью. Арлетта скользила в нём, как рыбка в холодной воде, кружила, как чёрная ласточка, парила, как серая речная чайка.

Когда она, запыхавшаяся, с отчаянно колотящимся сердцем, очнулась и встала обеими ногами на землю, было тихо. Купальская ярмарка молчала, будто вымерла.

– Где ты? – пискнула Арлетта в полной уверенности, что её безнадежно заколдовали.

Запястье стиснула шершавая рука ночного брата, потянула, вернула в настоящий мир. Мир загомонил ярмарочными голосами, но как-то неуверенно, глухо.

– Давай, Фиделио, – сказал ночной брат.

– И что теперь? – робко спросила Арлетта. – Им понравилось?

⁴ Четверостишие М. И. Цветаевой.

– Посмотрим. Посчитаем.

Считать пришлось долго. Бенедикт только кричал, а потом, вопреки обыкновению, назвал сумму вслух.

– Что? – не поверила Арлетта.

– Хорошо пляшешь, – усмехнулся ночной брат.

– Ты их всех заколдовал, да?

– А теперь ещё раз, – сказал Бенедикт.

– Нет.

– Ты не есть шпильман. Не понимаешь. Такой успех – это... это... се гран манифик.

– Неужели тебе мало?

Бенедикт явно растерялся. Сказать, что мало, у него не поворачивался язык. Но Арлетта его понимала. Успех есть успех. Надо пользоваться.

– Давай ещё раз, – сказала она, хотя ноги подкашивались и сердце до сих пор стучало где-то в горле. Она слышала, что публика не расходится. Переговариваются, топчутся на месте, чего-то ждут.

– Нет, – тусклым, потухшим голосом повторил ночной брат.

– Контракт. Немедленно. Мы есть труппа. Труппа Астлей.

Бенедикт мыслил мудро, как всегда. Будь у ночного брата законный контракт, он бы не капризничал, пел, сколько велит старший.

– Нет. Не теперь.

Где-то далеко, на другом конце ярмарки протяжно замычала корова. Завопил разносчик, предлагавший всем «квасу холодного», засвистела дудка у Петрушкиной ширмы. Привычный шум потихоньку возвращался.

На контракт ночной брат так и не согласился, но обещал подумать. Зато всё-таки уговорил Бенедикта закончить работу. Так Арлетте впервые в жизни удалось погулять по ярмарке. Просто погулять, как обычной девице. Правда, спутник был хромой, рыжий и в бородавках, но, во-первых, Арлетта этого не видела, а во-вторых, вёл он себя как самый настоящий кавалер.

Купил ей букетик на платье и сладких орешков в коробочке с бантиком. Галантно прокатил на карусели, спросив прежде, куда ей хочется, на коня или в золотую карету. Конечно, Арлетта пожелала кататься в карете. Когда ещё представится такой случай.

Карета, должно быть, и вправду была если не золотая, то позолоченная, на ощупь вся в заковыристых завитушках. Сиденья, хоть и твёрдые, деревянные, качались мягко, а высаживая из кареты, ночной брат подал ей руку, ну прямо как принцессе.

Сводил послушать Петрушкино представление и рассказывал тихонько, как ловко скачут куклы-актёры. Арлетте показалось, что представление глупое, но народ почему-то смеялся. Покидал деревянные кольца и выиграл для Арлетты награду – стеклянные бусы.

Очень прекрасный получился день. Арлетта даже ужинать не пошла, чтоб его не портить. В трактире шум, в трактире гам, конец ярмарки, все пьяные, пахнет кислым пивом и чесноком. Вместо этого она забралась на крышу повозки и разложила свои сокровища: упоительно гладкие прохладные бусы, немножко липкую коробочку из-под орешков и букетик. Букетик подвял, но всё ещё пах фиалковой лесной прохладой. От лип тонко и нежно тянуло мёдом и зеленью. Зацвели сегодня. В густых шелестящих кронах ещё бродила утренняя песня. Арлетта

слушала её, тихонько водила букетиком по лицу. Может, это и есть счастье, то самое, что предвещала птица-молния. Маленькое счастье для канатной плясуньи.

– Эй, канатная плясунья, чего сидишь, на свет не глядишь.

– Что-то поздно бродишь, тётенька. Торг давно кончился.

– Да вот, вижу – хорошая девушка, сидит-печалится. Отчего плясать не идёшь?

– Не хочу. Наплясалась уже.

– Тоже верно. Кому веселье, а нам работа. Давай-ка я тебе погадаю. За грошик. За так нельзя, а то не сбудется.

Арлетта прислушалась. Тётка-гадалка была одна. Ничего, кроме шороха юбок, не слышно. Мужчи́нами, то есть потом, чесноком и пивом, не пахло. Опять же она своя, из того бродячего народа, что кочует от ярмарки к ярмарке.

– Ты бы спустилась, – предложила гадалка, – а то у меня уже шея болит.

– Можно, – решила Арлетта, – эй, Фиделио.

– Гав?

Из-под повозки выполз Фиделио и уставился на чужую тётку одним сонным глазом. Арлетта надела бусы, чтоб не потерялись, прыгнула с крыши и стала рядом с ворчащим псом.

– Хорошая собачка, – льстиво заметила гадалка.

– Не бойся, – заверила Арлетта, – он не кусается. – Помедлила и добавила: – Пока я не скажу. Как гадать будем?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.